

"Сибирочка"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Annotation

ТАЙНА ЛИДИИ ЧАРСКОЙ

Лидия Чарская

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

Часть I

Глава I

Глава II

Глава III

Глава IV

Глава V

Глава VI

Глава VII

Глава VIII

Глава IX

Глава X

Глава XI

Глава XII

Глава XIII

Глава XIV

Глава XV

Часть II

Глава I

Глава II

Глава III

Глава IV

Глава V

Глава VI

Глава VII
Глава VIII
Глава IX
Глава X
Глава XI
Глава XII
Глава XIII
Глава XIV
Глава XV
Глава XVI
Глава XVII
Глава XVIII
Глава XIX
Глава XX
Глава XXI
Глава XXII
Глава XXIII
Глава XXIV
Глава XXV
Глава XXVI
Глава XXVII

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ТАЙНА ЛИДИИ ЧАРСКОЙ

Взрослые нередко с недоумением спрашивают: почему дети с таким увлечением читают книги Лидии Чарской? А впервые этот вопрос возник примерно сто лет назад, когда никому доселе не известная писательница стала вдруг очень популярной среди гимназисток — и гимназистов тоже, хотя они это и скрывали, заявляя, что книги Лидии Чарской — только для глупых девочек.

В начале XX века повести Лидии Чарской обычно публиковались в детском журнале «Задушевное слово», а его выписывали во многих русских интеллигентных семьях. Кстати, своей популярностью журнал был в немалой степени обязан этой писательнице. Однако именно за сотрудничество с ней его стали бранить. В газетах печатались исполненные иронии критические статьи против Лидии Чарской. Ее ругали за неправдоподобных героев и преувеличенные переживания, неестественных героинь, вечно рыдающих и впадающих в истерику. Смешным и претенциозным выглядел, на взгляд критиков, литературный псевдоним «Чарская», взятый Лидией Алексеевной Чуриловой, актрисой петербургского Александринского театра.

Однако, несмотря на разъяснения умных взрослых, дети упрямо продолжали читать Лидию Чарскую. Правда, потом, взрослея, как-то внезапно утрачивали интерес к писательнице, еще недавно столь горячо любимой, и больше к ее книгам не возвращались.

Казалось бы, Чарскую могло ожидать забвение уже в первом десятилетии XX века, когда ее горячие поклонники подросли и, что вполне естественно, разочаровались в ней.

Но случилось непредвиденное...

Следующее поколение юных читателей тоже попадает под очарование Лидии Чарской. И после революции Чарскую не перестают читать. Советские школьники передавали из рук в руки комплекты «Задушевного слова» и книги с дореволюционным шрифтом. Их тоже что-то притягивало в старомодных переживаниях гимназисток и воспитанниц институтов благородных девиц, хотя вокруг шла уже совсем другая жизнь, про которую для детей были написаны новые увлекательные книги. Конечно, эти книги заняли главное место в тогдашнем детском чтении. И все же... Какой-то тайный уголок оставался в детских душах для Лидии Чарской.

Почему же все-таки не пропал интерес к ней? В чем ее тайна?

О Лидии Алексеевне Чуриловой, урожденной Вороновой, сохранилось немного сведений. Даты жизни пишутся приблизительно: родилась в 1875 или 1876 году, умерла в 1937 или 1938 году. Училась она в Павловском институте в Петербурге. В юности писала стихи, а все годы учения прилежно вела дневник, который потом ей пригодился в работе над книгами. Что же касается псевдонима «Чарская», то он был взят из «Египетских ночей» Пушкина, там главный герой носит эту фамилию.

Героини Лидии Чарской — девочки со стойкими характерами. В них угадывается женский идеал писательницы: сочетания мягкости и упорства, доверчивости и пронизательности, умения понять суть человека, разглядеть его добрую основу.

Одна из повестей нашей книги, «Записки маленькой гимназистки», — это история осиротевшей девочки, оказавшейся в доме богатых родственников и столкнувшейся с их презрением и недоброжелательством. К тому же Лена, несмотря на их возмущение, навещает семью простого железнодорожного кондуктора и даже приглашает его дочь Нюру в дядюшкин дом на елку.

Отношение к бедным в книгах Лидии Чарской — главное мерило человеческого достоинства. И это действительно было в традициях дореволюционной русской интеллигенции. Обратите внимание, что в «Записках маленькой гимназистки» такие благородные качества проявляет юная графиня Анна Симолинь. Она и Лену берет в гимназии под защиту, и Нюру обласкала, появившись очень вовремя на детском празднике в доме родственников Лены.

В своих произведениях Лидия Чарская учит детей составлять мнения о человеке по его душевным качествам, а не по тому, богат он или беден. Такие уроки стали особенно актуальными в наши дни.

Другое очень важное для Чарской качество — умение терпеть несправедливости и непреклонная вера в то, что рано или поздно злые силы потерпят поражение, а добро победит. Именно так складывается судьба маленькой гимназистки. Сначала на ее сторону переходит самый младший в дядюшкиной семье. Толя, потом исправляется горбунья Жюли, которая была злючкой только из-за своего уродства. В конце концов, когда Лена решает остаться у дядюшки и с благодарностью отказывается от предложения графини Анны, даже черствая тетя Нелли испытывает чувство раскаяния. «Я и не думала, что Елена такой чудный, благородный ребенок», — говорит тетя Нелли. Однако вот тут, где речь идет о взрослых людях, юные читатели могут и не поверить в столь стремительное перерождение.

Скорей всего, и в дальнейшем у Лены не обойдется без неприятностей. Но теперь появилась уверенность, что маленькая гимназистка не пропадет, выдержит любые испытания. Чарская неплохо знала своих читателей — все ее повести своей безыскусностью подталкивают их дофантазировать дальнейшие приключения полюбившихся героев.

Вспоминая свои детские впечатления от «Записок маленькой гимназистки», поделюсь с современными читателями и таким наблюдением. Повести Лидии Чарской с первых страниц словно бы приглашают тебя к размышлению: а как бы ты поступила на месте Лены? Предлагают пойти, как Лена, первый раз в петербургскую гимназию, оказаться в окружении незнакомых девочек, подвергнуться насмешкам... В России многое переменялось за сто лет, прошедших после появления первых книг Лидии Чарской. Но так ли уж сильно переменялись за это время детские характеры, детские конфликты, школьные обычаи?

Ответ на эти вопросы, очевидно, смогут дать только современные читатели Лидии Чарской. Но вот смогут ли они вообразить себя на месте Шуры и Андрюши из повести «Сибирочка»? Шуре, которую все зовут Сибирочкой, выпали на долю невероятные испытания. Но не правда ли, с самого начала, с того эпизода, как беспомощного младенца привязывают к дереву, чтобы спасти от волков, читатель догадывается, что девочка не погибнет, ее спасут. И потом, к примеру, при встречах Сибирочки с отпетым негодяем, по прозвищу Зуб, читателя не оставляет надежда на счастливый финал приключений героини. Ей и в самом деле достается счастье полной мерой. Однако не как выигрыш в лотерею. Свое счастье Сибирочка получает за стойкость, за верность друзьям, за доброту. Во всех книгах Лидии Чарской заметна воспитательная, нравоучительная цель.

Сама писательница в Сибири никогда не бывала и могла знать про тамошнюю жизнь только из книг. В ее повести «Сибирочка» отразилось сложившееся в России уважительное представление о сибиряках как о людях, закаленных суровым климатом, мужественных и трудолюбивых.

Но вот что было ново для первых читателей этой повести: в круг друзей и заступников Сибирочки Чарская включила и представителя одной из сибирских народностей — остяка Нымзу (остяками в прежнее время называли хантов, жителей нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа).

В Сибири — остяк Нымза, в Петербурге Сибирочке на помощь приходит в трудную минуту негритянка Элла, с которой девочка познакомилась в цирке. Вряд ли Лидия Чарская имела реальное представление о живущих в Сибири остяках или о неграх из цирка. Она стремилась показать русским детям, как надо по-доброму относиться к человеку другой национальности.

Как известно, русские дети всегда отличались особой любовью к чтению. И добавлю, *умелчитать*, то есть умели извлекать из прочитанного что-то свое, им близкое и понятное. Современному юному читателю полезно будет знать, что в России первые журналы для детей начали выходить еще в XVIII веке. И великий Пушкин высоко оценивал творчество детской писательницы XIX века Александры Ишимовой, ее рассказы из русской истории. Уже тогда русская литературная критика не считала детскую книгу чем-то второстепенным. «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание — великое дело: им решается участь человека», — утверждал В. Г. Белинский.

В русских образованных семьях имелись прекрасные домашние библиотеки, и дети с малых лет привыкали к самостоятельным поискам на книжных полках. В детском чтении в России, как правило, оказывались и специально изданные для ребят книги с картинками, и все богатство русской и мировой классики. Не редкость, что лет в 11-13 мальчики и девочки уже читали «Войну и мир» Льва Толстого... И несмотря на этот ранний читательский опыт, на эти широкие возможности самостоятельного выбора книг, Лидия Чарская была востребована.

Признаюсь, в детстве и я читала Чарскую, а позже смеялась над теми, кто ее читает. В том-то и дело, что эту писательницу надо читать очень и очень вовремя, в свой срок, не раньше и не позже. И поверьте, годы спустя вы, уже будучи взрослыми, станете вспоминать о Лидии Чарской с теплым благодарным чувством, хотя, быть может, не без некоторого смущения. Как это уже было проверено многими поколениями ее читателей.

Ирина Стрелкова

Лидия Чарская

СИБИРОЧКА

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ

— Волки! Волки! Спасайтесь! — Этот отчаянный крик вырвался из груди ямщика, сидевшего на козлах больших крытых саней и правившего парой быстрых лошадок.

И ямщик задергал вожжами, стараясь изо всех сил принудить коней бежать возможно скорее.

Была ночь, выл ветер, метелица плясала в лесу, наметая целые горы снега. Луна чуть светила сквозь эту движущуюся пелену.

Из саней высунулась голова господина, одетого в высокую соболью шапку и теплую шубу.

— Волки! — испуганно произнес он. — Где? Может быть, далеко? — И тотчас же с легким криком ужаса отпрянул назад в возок: несколько десятков огней с бешеной быстротой подвигались к саням.

Господин сразу догадался, что это были глаза волков. Они сверкали, как яркие фонари. Их было много-много.

Господин побледнел и дрожащим голосом обратился к сидящей подле него пожилой женщине, укутанной в теплые платки поверх широкой лисьей шубы:

— Няня! Опасность очень велика... — ронял он трепещущими губами. — На нас нападают волки... У меня нет оружия с собою, чтобы отбиваться от них... На спасенье надежды почти нет... Надо спасти, по крайней мере, ребенка... Во что бы то ни стало спасти! Не умирать же вместе с нами ни в чем не повинной крошке!.. Дайте мне мою дорогую!.. Я закутаю ее хорошенько и постараюсь как-нибудь укрыть ее от хищников... На коней надежды мало... Им не уйти от врага... Во всяком случае, мы поедем одни... Авось удастся нам добраться до какого-нибудь жилья... Но ребенка я не хочу подвергать этой опасности... Попытаюсь спасти его более верным способом...

Тут голос путника оборвался. Он схватил из рук рыдающей няньки закутанную в мех малюсенькую девочку и быстро выскочил из саней со своей легкой ношей. Близ дороги росло дерево. К нему-то и подошел путник с ребенком, сбросил с себя шубу, завернул в нее малютку, безмятежно спавшую крепким детским сном, снял широкий кожаный пояс, подпоясывавший его теплую оленью куртку, благословил, нежно поцеловал ребенка и привязал его к дереву при

помощи ремня, который и обвил вокруг ствола дуба.

— Если мне суждено спастись, я вернусь с рассветом сюда за тобою, моя крошечка, — произнес он потрясенным голосом. — Если же я стану добычей хищных волков, добрые люди, проезжая утром по этой дороге, найдут и приютят тебя. Во всяком случае, до тебя волки не доберутся. Господь с тобою! Прощай, моя крошка! В руки Бога передаю тебя!

Спустя минуту он стоял уже опять у саней. Женщина, оставшаяся там, рыдала навзрыд и громко молилась. Ямщик сурово молчал. Кони бились и храпели, чуя смертельную опасность.

Все понимали отлично, и люди, и животные, что от волков им не было спасенья... А те между тем все приближались и приближались с горящими, как фонари, глазами, уже издали щелкая зубами, как бы предвкушая заранее победу над обреченными смерти людьми.

Лошади бросились было вперед, но снежные сугробы, метель и вихрь мешали их бегу. Пронзительно и страшно прозвучал над лесом протяжный волчий вой... Звери оцепили сани, подвигавшиеся убийственно медленно по наметенным сугробам снега, и вдруг ринулись всею стаею на коней...

* * *

Начинало уже светать, когда в лесу прогремел выстрел. За ним прозвучал другой, третий...

Это с десятков крестьян-охотников, услыша далеко за лесом волчий вой и крики погибающих, спешили к ним на помощь. Волки, почуя приближающихся к ним вооруженных людей, мгновенно разбежались.

Охотники поспешили к месту нападения и увидели ужасную картину. Обе лошади были съедены до костей. Ямщик и женщина со знаками жестоких укусов лежали мертвые на снегу. Немного поодаль, в стороне от них, находился со слабыми признаками жизни молодой человек в оленьей дорожной куртке и собольей шапке, съехавшей на лоб. Он тяжело дышал. Укусы волков не миновали несчастного. Из рук и ног путника ручьем лилась кровь. Он был без чувств. Охотники подняли его и понесли к себе в поселок, который отстоял версты на две от проезжей лесной дороги.

Там они привели неизвестного в чувство, подкрепили его силы вином, обмыли и забинтовали его раны.

Когда незнакомец пришел в себя, его первыми словами было:

— Моя дочь... моя девочка... Она осталась в лесу... Я привязал ее к дереву у дороги, чтобы волки не могли ее достать... Ради всего святого, найдите ее, принесите сюда. Я богат и щедро награжу вас за это.

Охотники кинулись в лес, обыскали все лесные дороги и тропинки, но нигде не могли найти ребенка. Вместо него они принесли в поселок мертвых женщину и ямщика. Дитя же исчезло из леса бесследно.

Отец исчезнувшей девочки, узнав ужасную весть о том, что его девочки не нашли, впал опять в бесчувственное состояние...

* * *

— Надо от него узнать, кто он, и известить его родных, что он лежит у нас и опасно болен, — решили охотники.

Но больной не в состоянии был отвечать на вопросы. Он бредил, метался, говорил про свою исчезнувшую девочку, но, кто он, откуда и где его родственники, от него нельзя было добиться.

Тогда охотники стали искать в карманах его платья какой-либо записки. И вот в кармане дорожной куртки больного была найдена порядочная сумма денег, его паспорт, бумаги и несколько писем его друзей. Из бумаг охотники узнали, что это был очень богатый и знатный барин. Из некоторых писем выяснилось, что он овдовел недавно и ехал из Петербурга со своей маленькой дочкой и ее кормилицей-нянькой в Сибирь к одному пригласившему его другу. Адрес этого друга и письмо от него имелись в кармане больного, и этому-то другу и написали добрые люди о том, где и в каком положении находится его товарищ.

Друг приехал через несколько дней в поселок и ухаживал за больным товарищем с нежностью родного брата. Молодость и силы взяли свое, и больной поправился настолько, что мог уехать от приютивших его людей.

Он щедро наградил своих спасителей-охотников и, с растерзанным сердцем, обыскав предварительно все окрестные селения, надеясь найти дочь, уехал, оплакивая свою малютку, которую считал погибшей.

* * *

Малютка-девочка не погибла, однако. В то самое утро, когда охотники спасли ее отца, она проснулась и, не встретя любящего лица своей няни-кормилицы, начала громко и горько плакать.

Этот плач был услышан стариком птицеловом, который расставлял в лесу силки для птиц. Старик жил исключительно на деньги, выручаемые от продажи дичи, которую и ловил силками в лесах. Он был очень удивлен, услыша детский голос посреди леса, и еще более удивился, увидя прелестного белокурого крохотного ребенка, закутанного в дорогую шубу и подвешенного к дереву на ремне.

— Ах ты крошечка ненаглядная! Сам Господь, видно, тебя на моем пути посылает! — произнес старик и, осторожно отвязав ребенка, нежно поцеловал его.

Девочка, увидя доброе, ласковое лицо чужого человека, притихла и перестала плакать. Старик стал нежно баюкать ее, и девочка вскоре опять заснула.

Старик птицелов был одинок. Его единственная дочь, с которой он проживал со смерти жены все последнее время в Сибири, вышла несколько лет тому назад замуж и уехала с мужем в Петербург. Скучно стало старику Михайлычу без дочери.

— Вот славно-то! Вторую дочку Господь мне послал. Только крошечку-то какую! — радовался Михайлыч и понес к себе свою живую находку.

В дальнем селении старый птицелов снимал маленькую избушку у зажиточного сибиряка-хозяина. Сюда-то он и принес малютку. О том, что у ребенка есть родители, которые его ищут, старик не думал. Он понял одно: что ребенка покинули, поручив его Богу и добрым людям. О

нападении волков на путников он ничего не слышал, так как жил совсем в противоположной стороне от охотничьего поселка.

Придя домой, Михайлыч раскутал девочку, ища какой-нибудь записки, объясняющей ее таинственное появление в лесу. Но такой записки не находилось, и, кроме теплой дорогой мужской шубы, мехового пальтеца ребенка и красивого платья, свидетельствовавших о роскоши и богатстве, старик Михайлыч заметил лишь на шее девочки небольшой крестик на золотой цепочке. Короткая надпись на этом крестике гласила: «*Спаси, Господи, рабу твою Александру*». Таким образом Михайлыч узнал, как звали девочку. Но он сам прозвал ее иначе.

— Пускай уж ты Сибирочкой зваться будешь, — решил он, целуя ребенка, — потому, нашел я тебя в самой глуши Сибири. И буду я любить тебя, богоданная моя внучка Сибирочка, как родную, выращу тебя, научу грамоте и молитвам и не отдам никому-никому...

Боясь, чтобы от него не отняли его приемыша, Михайлыч в то же утро скрылся из поселка. В ближайшем городке он продал шубу, в которую был закутан ребенок, а на вырученные деньги уехал подальше, в самую глушь сибирских далеких губерний, и поселился в селении, где никто не знал ни его самого, ни его приемной внучки.

Часть I

В ГЛУШИ СИБИРИ

Глава I

Дедушка и внучка

— Холодно, дедушка, холодно!

И маленькая девочка лет девяти прижалась дрожащим худеньким тельцем к высокому тощему старику, строгавшему какие-то палочки.

На маленькой девочке были надеты ветхое платье и такое же пальтишко, и не пальтишко, вернее, а старый тулупчик, едва доходивший ей до колен. Из-под платка, надетого на голову, выбивались белокурые волосы девочки, вьющиеся крупными кольцами вокруг бледного худенького личика с большими ясными синими глазами.

— Холодно, дедушка, холодно! — еще раз проговорила девочка и еще теснее прижалась к деду.

Старик был очень худ и высок ростом. Желтая, как воск, кожа морщинилась на его высохшем лице. Выцветшие от старости глаза были тусклы. Какой-то убогий, порыжевший от времени полушубок покрывал его высохшее старческое тело. В небольшой тесной избе-чулане, где находились старик и девочка, было холодно, темно и неудобно. Единственное окошко, занесенное снегом, давало мало света. К тому же проказник мороз прихотливо разрисовал его узорами; окно все заледенело и вследствие этого еще менее пропускало света в чулан. Кроме черного стола и печки, которую Бог знает как давно не топили как следует, да охапки соломы, брошенной в угол и беспорядочно прикрытой каким-то тряпьем, в чулане ничего не было.

Дедушка и внучка сидели, тесно прижавшись друг к другу, дрожа от холода. Дедушка поминутно кашлял, хватаясь за грудь, и так тяжело дышал, что девочке иногда казалось, вот-вот он сейчас задохнется.

А за оконцем чулана между тем бушевал ветер и метелица кружила хлопья снега вдоль улицы небольшого селения.

У-у-у! — пронзительно завывал ветер.

У-у-у! — вторила ему зловецим голосом метель.

От этих страшных завываний дрожала крошечная темная избушка, дрожала белокурая девочка и, казалось, сильнее кашлял высокий худой старик.

— Дедушка! Если бы затопить печурку? — вдруг нерешительным, робким голосом осведомилась девочка.

— Хворосту больше нету, Сибирочка. Весь намедни хворост-то вышел. И еда, и хворост... Больше ничего у нас нет.

И, говоря это, старик закашлялся так сильно, что девочке стало страшно за него. Потом он ближе, теснее прижал ребенка к себе и, расстегнув полушубок, прикрыл его полою своей теплой одежды. Минуты две оба молчали. Дедушка строгал свои палочки, девочка зябко куталась в полу его меховой одежды.

А холод делался все чувствительнее. Стужа делала свое дело, и в маленьком чуланчике почти невозможно было сидеть.

Дедушка давно понял это и решил действовать, несмотря на стужу и метель.

— Слушай, Сибирочка, я пойду в лес. Наберу хворосту, да, кстати, и силки посмотрю, не попался ли в них какой-нибудь шустрый зайчишка. Вот-то пир мы тогда зададим с тобою! А? —

проговорил он, сияясь улыбнуться. — Ведь ты, чай, проголодалась, моя девчурка? Чай, кушать-то тебе хочется?

— Хочется, дедушка, — прошептала конфузливо девочка.

— Ну вот! Ну вот и отлично, — засуетился старик, — пойду в лес... Посмотрю силки... Найду в них зверька или птичку... И хворосту наберу... Печку затопим... Дичь зажарим... То-то будет славно, Сибирочка!

И, суетясь и покашливая, дедушка дрожащими руками снял с гвоздя какую-то рваную шубейку, нацепил ее на себя, накрыл голову старой бараньей шапкой и, перекрестив и поцеловав Сибирочку, открыл было дверь избушки или, вернее, своего чулана, стоявшего на самом краю поселка.

Метель, стужа и ветер — все это разом ворвалось с улицы в избушку. Сибирочка вздрогнула всем телом и от холода, и от страха. Ей почему-то особенно жутко было оставаться сегодня одной. Она соскочила со своего места, бросилась следом за стариком и, схватив его за руку, зашептала:

— Не оставляй меня одну, не оставляй, дедушка! Мне так страшно одной! Возьми меня с собою! — и все сильнее и сильнее сжимала пальцы дедушкиной руки.

— Да ведь замерзнешь в лесу, глупышка, — произнес старик, — ведь стужа-то, гляди, эн какая!

— Ничего, дедушка! Ничего, миленький! Я валенки надену и платок большой! — молила старика девочка.

Валенки и платок были единственным богатством Сибирочки.

Старик колебался немного. Очень уж холодно было на дворе. Но, встретивши жалобно-грустный взор синих глазенок, он махнул рукою и сказал:

— Ин, ладно, пойдем, большеглазая! Быть по-твоему. Оденься платком только поладнее да валенки напяль.

Сибирочка даже подпрыгнула от радости. Спешно укутавшись, она за руку с дедом вышла из избушки.

Глава II

Под свист ветра и песнь метели. — Неожиданное горе

В избушке-чулане, оказалось, было куда темнее, нежели на улице. Короткий зимний день еще далеко не погасал, когда старый Михайлыч вместе с внучкой, миновав опушку, углубились в чащу леса, отстоявшего в какой-нибудь версте от селения.

Это был огромный густой лес, или тайга, как называют такие леса в Сибири. Деревья, как огромные великаны, сторожили здесь свои владения. Здесь были и дубы, и клены, и столетние кедры. Они росли так близко друг к другу, что образовывали одну непроходимую сплошную стену своими широкими огромными стволами.

Через эту стену трудно, почти невозможно было пройти непривычному человеку. Но старый Михайлыч, долгое время проживший в Сибири, вблизи такой непроходимой тайги, отлично, как свои пять пальцев, знал все ходы и выходы из нее.

Дедушка жил и питался за счет этой тайги. Он расставлял силки и капканы и попадавшихся в них лесных зверей и птиц частью продавал в ближайшем городе на ярмарке, частью оставлял для себя и внучки. Он сам устраивал капканы и силки, сам строгал для них палочки и плел веревки длинными зимними днями и вечерами, когда пурга и стужа не позволяли ему выйти на промысел в лес. Работая таким образом, он не забывал и своей маленькой внучки. Он выучил читать и писать малютку, выучил ее считать немного, выучил молитвам да священной истории — словом, всему тому, что знал сам. Их жизнь текла тихо и мирно долгое время, до тех пор, пока однажды старик Михайлыч не простудился на охоте и не слег в постель. Он проболел долго и, не поправившись окончательно, с жесточайшим кашлем стал выходить снова на промысел.

С этого дня болезнь с ужасной силой и быстротой стала подтачивать железное здоровье старика птицелова. Он кашлял и задыхался, чувствуя сильнейшую боль в груди, особенно в те дни, когда приходилось выходить на промысел в тяжелую ненастную погоду. Сегодня была такая именно непогода. Но оставаться долее в избушке без еды и топлива дедушка считал более невозможным ради своей любимицы.

— Авось поутихнет метелица! — вслух говорил Михайлыч, углубляясь все дальше и дальше в лес.

Метелица действительно утихла мало-помалу, но зато мороз с каждым часом крепчал все больше и больше. Сибирочка все сильнее и сильнее дрожала под своим теплым платком, который, однако, отнюдь не грел ее заочевшие члены. Уже дедушка раскаивался в том, что взял внучку с собою. Чтобы добраться до того места, где были расставлены силки, приходилось идти по узкой, протоптанной путниками дорожке, на которую метелица намела немало снега. В лесу начинало темнеть. Ноги вязли в снегу, ветер и стужа забирались под ветхие одежки и немилосердно щипали тело. Но возвращаться назад без дичи и хвороста было немисливо. В холодной избушке ведь не осталось ни еды, ни топлива...

С трудом передвигая ноги, они доплелись до того места, где дедушка имел обыкновение расставлять силки. Увы! Они были пусты. Ни одна лесная птица не попала в ловушку. Должно быть, непогода напугала и ее. То же было и с капканами. Лесные зверьки, очевидно, попрятались по своим норкам от стужи и метели.

— Делать нечего, давай собирать хворост, Сибирочка, — произнес уныло дедушка, со всех сторон осмотрев пустые капканы и силки. — Не везет нам с тобою нынче... — с тяжелым вздохом заключил старик и тут же принялся за трудную работу.

Сибирочка бросилась помогать ему. Ее маленькие ручонки проворно хватили сухие ветки валежника и старые сучья, валявшиеся там и сям на сугробах. Увлеченная своей работой, наклоняясь поминутно, разогревшаяся от частого и быстрого движения, Сибирочка разом повеселела. К тому же у нее была своя маленькая тайна, которая радовала ее: утром от завтрака ей удалось спрятать для дедушки порядочную краюшку хлеба, которой она и решила угостить бедного больного старика перед тем, как ложиться спать.

«А дедушка-то и не знает, не подозревает, что у нас есть чем поужинать!» — радовалась Сибирочка и еще усерднее принималась за работу.

Вдруг тяжелый стон достиг ее слуха. Сибирочка вздрогнула и обернулась в ту сторону, где она оставила своего спутника.

Тяжелое зрелище представилось ее глазам: дедушка уже не собирал хворост, а, как-то странно согнувшись, сидел, прислонясь к стволу старого дуба. Он был очень бледен, кашлял и задыхался, а изо рта его лилась тонкая струя крови.

— Дедушка, милый дедушка! — вне себя вскричала девочка и со всех ног бросилась к старику.

Старик птицелов хотел сказать что-то и не мог. Он протянул вперед руки навстречу Сибирочке и замер, глядя на нее печальными глазами. Девочка схватила дедушкины руки и с плачем упала к его ногам.

— Дедушка! Милый! Дорогой дедушка! — лепетала Сибирочка, не зная, что сделать, что предпринять.

— Сибирочка... деточка... — слышалось хриплым стоном из груди дедушки, — плохо мне... умираю я... бедняжечка моя... родименькая... одна ты сиротинкой останешься... Господь призывает к себе твоего больного дедушку... Но Господь тебя не оставит... Помни одно, Сибирочка... как только я умру, сейчас же к дочке моей, к Аннушке, в Питер-город отправься... Добрые люди помогут... Адрес ты знаешь, я тебе не раз говорил... Христовым именем как-нибудь проберешься туда... Аннушка тебя не оставит... Я ей часто писал о тебе...

Старик замолк на минуту, потом, подняв затуманенные глаза к небу, произнес громко:

— Господи, помилуй сироту! Не оставь ее, Господи... Прощай, Сибирочка! Прощай, желанная, помираю я... Душно мне... неволю... — почти захлебываясь, все тише и тише лепетал старик и все ниже и ниже склонялся на сугроб, бледный, с тускнеющими, широко раскрытыми глазами.

Сибирочка была вне себя от горя и испуга. Она целовала холодеющие руки дедушки, поддерживала его голову, прижималась к нему, стараясь отогреть умирающего своим тоненьким, худеньким тельцем.

И дедушка в последний миг своей жизни почувал это. Его тускнеющие глаза широко раскрылись, слабые старческие пальцы легонько пожали маленькую ручку Сибирочки, и, глубоко вздохнув, дедушка повалился на снег.

Громко рыдая, Сибирочка обвила шею дедушки своими слабыми ручками...

Глава III

Сибирочка хочет спасти дедушку

Прошло немало времени, ночь уже спустилась на землю, когда Сибирочка пришла в себя. Ее бледное худенькое личико еще больше осунулось и побледнело. Огромные синие глаза вспухли и покраснели от слез.

Тело мертвого старика, распростертое на снегу, начало холодеть и коченеть понемногу. И сама Сибирочка заоченела и заохлодела, оставаясь около часу без движения подле своего мертвого дедушки. Мороз делался все крепче, все упорнее; под его студеную ласкою руки и ноги Сибирочки совсем онемели. Лицо и тело колело и резало, как ножом.

Первою сознательною мыслью Сибирочки было бежать по знакомой дороге в селение, созвать людей, чтобы они пришли и унесли куда-нибудь в теплую избу ее бедного дедушку, которого Сибирочка никак не хотела считать умершим.

Она его горячо любила, хотя знала, что дедушка ей не родной дед и что нашел он ее в лесу лет девять назад привязанной на ремне к дубу. Этот рассказ часто повторял своей названной внучке старик и говорил при этом: «Ты знатная сиротка, Сибирочка, очень знатная. Нашел я тебя в шубе важной, и бельишко, и платьишко самые что ни на есть графские были. Поди, ты еще графов каких дитя!» — шутил он.

Такие шутки не трогали Сибирочку. Ей было решительно все равно, графское ли, княжеское ли она дитя-сиротка. Она знала и любила одного дедушку и боялась подумать даже о разлуке с ним. И вдруг теперь ее дедушке так худо, что он упал без чувств!.. Что с ним, с дорогим, милым? Ей казалось, что ее дедушка так сильно ослаб, что лишился сознания, но что его еще можно спасти.

— Только бы добежать до селения, а там дедушку спасут... спасут непременно!.. — решила Сибирочка и, заботливо укрыв мертвеца своим большим платком, поцеловав его холодную щеку, она в одном рваном тулупчике, вся исципанная стужей и морозом, кинулась бежать со всех ног по тайге.

Злая ночь сыграла скверную шутку над бедной маленькой девочкой. Она укутала такую

темнотою тайгу, что ни зги не стало видно.

Сибирочка уже не бежала, а плелась теперь кое-как наудачу. Закоченевшие ножонки едва несли ее.

— Скоро, скоро дойду до опушки, а там и до селения рукой подать, — подбодряла сама себя девочка, с невольным страхом впиваясь глазами в обступившую ее со всех сторон тьму.

Она не заметила даже, что в темноте она ошиблась тропой и, вместо того чтобы идти к опушке, свернула в сторону от нее и теперь удалялась в глубь тайги все дальше и дальше, в глухой зеленый лес.

Все труднее и труднее становилось идти Сибирочке. Она едва плелась, переступая ногами в высоком снегу и путаясь по колени в сугробах. Но она все еще надеялась, все верила, что тропинка, ведущая на опушку, находится где-то здесь, поблизости, и что стоит ей только напрячь силенки, и она выберется из нее.

Внезапно близко-близко, в нескольких шагах от девочки, зашуршало что-то...

«Медведь!» — вихрем пронеслось в мыслях Сибирочки, и она рванулась в сторону, но зацепила ногой за корень дерева и полетела прямо в холодный снежный сугроб.

Глава IV

Четыре мохнатых зверя

Сибирочка лежала едва дыша, не будучи в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Совсем близко, почти рядом с нею, копошилось что-то мохнатое и большое, хрустело тяжелыми ногами по сучьям и ветвям деревьев.

Один сплошной ужас наполнил душу Сибирочки.

— Медведь, непременно медведь! — повторяла тихо девочка, наблюдая, как какое-то огромное чудовище приближалось к ней.

Луна выплыла из-за облаков, и при ее бледном свете Сибирочка, к ужасу своему, разглядела не одно, а несколько чудовищ, которые как будто подкрадывались к ней с четырех сторон. Крик ужаса сорвался с губ Сибирочки и замер вдали. Она закрыла лицо руками, чтобы не видеть надвигавшейся к ней с каждой минутой смерти.

Точно озадаченные этим криком, чудовища остановились на минуту, словно выжидая.

— Ребенок здесь, в лесу! — услышала близко подле себя человеческий голос Сибирочка.

Быстро открыв лицо, Сибирочка увидела стоявшего над ней какого-то высокого, в меховом кафтане человека. Этот-то кафтан и высокая мохнатая шапка делали его очень похожим на лесного зверя, и немудрено, что испуганная насмерть Сибирочка приняла его за медведя. К нему подошли еще трое таких же мохнатых, благодаря их теплым, мехом наружу, одеждам, людей. Эти были поменьше ростом, но показались Сибирочке не менее страшными, нежели первый, при слабом лунном сиянии. Все четверо склонились над девочкой, почти потерявшей

сознание в этот миг.

— Что за притча! Как так девчонка одна-одинешенька попала в лес? — произнес старший из четверых, лицо которого поражало своим жестоким, почти свирепым выражением. Космы седых волос торчали у него из-под мохнатой шапки. Всклокоченная седая же борода и масса морщин делали еще более неприветливым его и без того жестокое лицо.

Трое других людей казались много моложе. Один же был почти мальчик, лет четырнадцати на вид. У него было бледное личико, тонкие красивые черты и большие умные глаза, поражавшие сразу своим открытым и смелым выражением.

Двое других смотрели сурово и жестоко, так же, как и старший. У них, правда, лица были благообразнее, не было на них всклокоченных бород и морщин, но глаза, сверкающие из-под шапок, надвинутых чуть ли не на самые брови, отталкивали своим злобным выражением.

Старший путник, за плечами которого висело ружье, подошел к Сибирочке, нагнулся, поднял ее с сугроба и чуть живую встряхнул изо всей силы и поставил прямо перед собою.

— Кто ты, девочка, и как попала сюда? — спросил он ее хриплым голосом.

Онемевший от холода и пережитых волнений язык Сибирочки отказывался служить. Однако она собрала все свои силы и отвечала тихо, чуть слышно:

— Дедушка там на снегу остался... мой дедушка... птицелов Михайлыч, из соседнего селения... Пожалуйста, возьмите его к себе... отогрейте... Он очень болен... Ради Бога, помогите ему. Он так кашлял... а потом... упал... прямо в снег... Ах, Господи! Ведь он умрет... если... если вы не поможете ему! — И она горько заплакала, вспомнив о том, в каком положении остался на снегу ее дедушка.

— Не смей хныкать! — сурово оборвал ее сердитый старик. — Терпеть не могу, когда хнычут. Говори толком, где оставила старика.

Сибирочка, испуганная строгим окриком, начала снова пояснять. Она оставила деда близко от опушки, надо идти туда прямо, потом налево, потом направо.

— Как тут разберешь, что болтает эта девчонка! — окончательно вышел из себя старший из мужчин. — Ну, да ладно! Мы сами доберемся до старика. А ты, Андрей, — обратился он к самому молоденькому из спутников, — возьми девочку и отведи ее в нашу лесную нору. Да смотри гляди в оба, чтобы она случайно не удрала. Девчонка может пригодиться нам в деле. Ты вишь как вырос, для сбора милостыни не годишься больше. Такому большому дурню никто не будет подавать, а она как раз для этого пригодится. — И старик угрюмо взглянул на черноглазого мальчика, который смело выдержал его взгляд.

Черноглазый мальчик взял за руку Сибирочку и тихо шепнул ей:

— Пойдем со мною!

Его глаза смотрели так ласково, а голос звучал так дружелюбно, что Сибирочке нечего было бояться его. Она доверчиво протянула ему руку и, слабо передвигая окоченевшими ножонками, поплелась за ним.

Старик и его два спутника направились в ту сторону, куда указывала им Сибирочка, где, по ее мнению, находился теперь ее больной дед.

Молоденький благодетель. — Лесная нора

— Ты, может быть, очень устала и не можешь идти? Путь еще далек, а ты едва передвигаешь ноги. Давай я понесу тебя. Так мы доберемся скорее, — слышался над ухом Сибирочки тот же дружеский голос.

И не успела девочка ответить что-либо, как черноглазый мальчик подхватил ее на руки и понес.

— Ну, вот видишь, как хорошо теперь! Хорошо ведь тебе, не правда ли? — спрашивал он, ласково поглядывая ей в лицо своими добрыми, честными глазами.

— Очень хорошо, — согласилась девочка. — А вот если бы дедушку поскорее нашли и привели в чувство, тогда бы я была так рада, так рада! — лепетала она.

Мальчик ничего не ответил, только крепче прижал ее к своей груди и зашагал быстрее по черной тайге.

Через полчаса довольно быстрой ходьбы он, запыхавшийся и уставший, остановился и весело проговорил, спуская с рук Сибирочку:

— Ну вот мы и дома!

— Как дома? — изумленно проронила она. — Да ведь мы пришли в самую чащу тайги.

— Ну да, в самую чащу тайги. Здесь и есть лесная нора — наш дом.

Сибирочка не без страха оглянулась кругом. При слабом сиянии месяца она могла рассмотреть столетние дубы и кедры, со всех сторон тесно окружавшие крохотную полянку. На этой полянке тут и там торчали из-под снега черные пни, прикрытые сверху снежной шапкой и свидетельствующие о том, что здесь была когда-то совсем непроходимая глухая чаща. Почти вровень с землей, вся занесенная снегом, стояла маленькая избушка. Крепкая дубовая дверь ее находилась почти под землей. К ней спускались несколько ступеней, очевидно наскоро сколоченных из досок.

Андрей, так звали спутника Сибирочки, сунул руку в карман и вытащил из него огромный ключ и потайной фонарик. Фонарик он зажег при помощи спичек, нашедшихся также у него в кармане шубы, а ключом открыл дверь, жалобно и пронзительно заскрипевшую на ржавых петлях. Потом протянул руку Сибирочке и свел ее вниз по самодельным ступенькам. Девочка очутилась посреди небольшой, но теплой горницы с лавками вдоль стен, с грубо сколоченным столом перед этими лавками и с большой русской печью в углу.

Теплом и уютом пахнуло разом на иззябшую, измученную Сибирочку. После долгих мучительных скитаний и немилосердной стужи эта теплая избушка, почти врытая в землю, показалась ей чуть ли не роскошным дворцом.

Ее ноги подкашивались от слабости и усталости. Глаза ее слипались. Она едва добрела до лавки и, совсем обессиленная, упала на нее.

— Бедняжка, погоди спать немного, — проговорил ее спутник, — я дам тебе хлеба и немного мяса.

Хлеба и мяса! Об этом до сих пор не смела мечтать Сибирочка с той минуты, как увидела пустые дедушкины силки. А она была так голодна, так голодна, бедняжка!

— Вот, кушай на здоровье... Только скорее, ради Бога, а то придут наши и, чего доброго, отнимут еще! — с озабоченным видом говорил Андрей, протягивая девочке большой ломоть хлеба с куском жареной дичи.

У Сибирочки глаза разгорелись при виде лакомого съестного. Она взяла хлеб из рук мальчика и стала с жадностью есть. Но вдруг, словно вспомнив что-то, разломилась свою порцию на две равные части и, передавая одну из них мальчику, пробормотала:

— Дай это дедушке, когда его приведут, он тоже голоден, бедный!

Когда все до крошки было уничтожено девочкой, она снова почувствовала убийственную усталость во всем теле. Сон сковывал отягощенные веки. Сладкая истома разлилась по всем членам. Она упала белокурой, со свесившимися с нее кудрями, головкой на стол и в тот же миг погрузилась в сладкое забытие.

Черноглазый Андрей неслышно приблизился к спящей. Он осторожно поднял ее на руки и понес в маленькую каморку-боковушку, находившуюся подле первой горницы избы.

— Бедная девочка, — прошептал он тихо, укладывая Сибирочку на пол, поверх старого тулупа, валявшегося здесь, и заботливо подпихивая ей под голову подушку в довольно-таки нечистоплотной ситцевой наволочке. — Бедная крошка, если бы ты знала, куда попала, в чье страшное гнездо забросила тебя судьба, не спала бы ты так безмятежно и крепко, бедная маленькая девочка!

Глава VI

Сладкий сон и горькое пробуждение

Сибирочка спала, и ей снились сладкие сны.

Ей чудилось, что снова стоит красное лето, сверкает и палит жаром светлый июньский денек. А в тайге так прохладно и хорошо! Тень густолиственных деревьев так славно защищает от назойливых лучей солнышка! По ветвям прыгают белки, рыженькие и пушистые обитательницы леса. Дедушка давно обещался поймать и подарить своей Сибирочке такого маленького хорошенького рыженького зверька. А кругом цветов-то, цветов сколько! Чего-чего только нет: и брусника, и кукушкины слезки, и богородичная травка пестреет...

Затихла тайга и словно улыбается ей. И дедушка улыбается тоже. Дедушка так счастлив, что сегодня хороший улов дичи. Вон сколько рябчиков и тетеревов набежало в расставленные силки. Глупенькие! Прельстились зерном, которое рассыпал для них в ловушках дедушка! Как жаль, что у дедушки нет ни ружья, ни денег, чтобы купить его, а то какой же он без ружья охотник? Впрочем, и без ружья им дичи довольно.

А солнце уже заглядывает в темную чашу, уже золотит верхушки кедров и дубов... Вон прыгает

опять с ветки на ветку шалунья белка... Вон спускается... Вот бы поймать!..

И Сибирочка кидается опрометью вдогонку за пушистым зверьком. Но что это? Белка не боится девочки, не бежит от нее... Она сама поджидает ее, и, чуть только приблизилась к ней Сибирочка — скок! — белка очутилась у нее на плече. Вскочила и впилась неожиданно острыми зубками в тело испуганной девочки.

«У-у, сердитая белочка! Зачем ты так кусаешь плечо? — негодует Сибирочка на зверька. — Ой, пусти, больно же, больно мне!»

Но белка и ухом не ведет. Ее зубы впиваются все глубже, все сильнее в плечо Сибирочки.

— Больно, больно, — уже кричит в голос дитя, — пусти! Пусти меня!

И просыпается, вся взволнованная от своего тревожного сна. Ее плечо ноет нестерпимо, но не от укуса маленьких зубков зверька. Нет! Сильные, крепкие, как железные когти, пальцы впились в него. Страшный сердитый старик, знакомый уже Сибирочке по ночной встрече, стоит над нею и, больно схватив ее за плечо, тербит ее изо всех сил.

— Встанешь ли ты, наконец, лентяйка! Сколько времени не могу добудиться. Ишь, разоспалась, как барыня!.. Вставай сейчас! — грубо и резко звучал над нею его хриплый голос.

Как встрепанная вскочила на ноги Сибирочка, не понимая в первую минуту, где она находится и что произошло с нею. Но мало-помалу сознание вернулось к ней, она вспомнила все: и дедушку, обмершего на снегу, и страшных мохнатых людей, и все то, что приключилось с нею вчерашним днем и вечером в тайге. И ей стало разом жутко и тоскливо.

— Где мой дедушка? Куда вы дели моего дедушку? — громко плача, крикнула она.

— Молчать!.. — прогремел над нею свирепый голос. — Если ты не замолчишь сейчас же, я...

Тут глаза страшного старика так злобно сверкнули из-под нависших бровей, что Сибирочка задрожала всем телом.

Страшный же старик, видя, что девочка замерла от ужаса, несколько понизив голос, снова сказал:

— Мы все уйдем отсюда на работу, а ты изволь сготовить нам поесть. Вот там крупа и соль в горшочках... Хлеб найдешь в ящике стола. Дичи нет под рукою. Дичь будем есть завтра, а пока сварим нам кашу, да получше смотри, не то быть тебе наказанной с первого же дня... А про дедку твоего ты забудь... Дедко твой помер... Мы его и схоронили в лесу. К дедке тебе не воротиться уже больше, как ты ни реви... Я тебя оставляю у нас в лесной норе. Ты на меня и на сыновей моих стряпать будешь, стирать, полы мыть, убирать избу нашу, а то и иначе поработаешь на нас... Глади же, чтоб ни крику, ни реву не слышно было. Да как звать-то тебя?

— Сибирочкой! — всхлипывая, прошептала девочка, которую весть о смерти деда поразила, как гром.

— Диковинно что-то! — захохотал грубым голосом старик.

— Дедушка так звал меня, — ответила девочка.

— Ну, а имя-то есть у тебя какое, христианское? — спросил опять старик.

— Имя мое Шура, только дедушка никогда меня так не называл, — еще тише роняла сквозь слезы девочка.

— Ну ладно! Шурка так Шурка! Так и будем звать. Ну, так помни же, Шурка, чтобы, как солнышко поднялось, значит, была бы у меня каша да щи разогреты, вот в том котелке! Да чтобы слез не было, а не то живо плеткой осушу!.. Эй, сынки, марш на работу, нечего вам лежебочничать, не праздник сегодня! — приоткрыв дверь из боковушки в горницу, крикнул старик, обращаясь к сыновьям.

— Идем, батюшка! — отозвались сильные голоса оттуда.

И оба парня, которых Сибирочка при тусклом свете маленькой керосиновой лампы могла теперь разглядеть вполне, появились на пороге.

— Хорошенькая девочка, — произнес старший из них, коренастый и сильный, но некрасивый юноша лет двадцати семи.

— Такая-то много милостыни набирает. Больно жалостлив народ к таким смазливеньким ребятам, — подхватил его брат, такой же рыжий, весноватый, некрасивый, как и первый, только годом или двумя помоложе его.

— Ну, вот и пошлем, когда малость пообвыкнет с нами! Все же заработок лишней... Не даром же хлебом кормить эту дармоедку, — вставил свое замечание старик.

И все трое, переговариваясь и пересмеиваясь между собою, вышли из землянки, плотно закрыли за собою двери и два раза повернули за собою ключ в замке.

Сибирочка осталась одна-одинешенька в чужой и жуткой ей обстановке. Но ни страха, ни ужаса не было теперь в ее душе. Ее бедное маленькое сердце замирало от горя. Только сейчас она убедилась, поняла вполне, что ее дедушка умер, что его уже зарыли в могилку и что никогда, никогда не увидит она больше своего доброго старичка...

Слезы брызнули из ее глаз, и она глухо зарыдала, упав на лавку.

Глава VII

Голос из-под земли. — Тайна раскрывается

Долго плакала Сибирочка. Потом ее слезы стали стихать. Горе, вырвавшееся наружу, было слишком велико, чтобы было можно выплакать его слезами. К тому же девочка вспомнила вовремя, что ее дедушка не раз наказывал ей не плакать о нем после его смерти, а то ему было бы больно видеть горе Сибирочки оттуда, с небес, куда Бог взял теперь успокоившуюся душу старика.

— Лучше помолюсь за моего голубчика деду... Помолюсь Боженьке, чтобы Он помог мне поскорее соединиться с ним! — решила Сибирочка и, заметив крошечный образок в переднем углу землянки, быстро опустила на колени перед ним. — Господи! Боженька! Добрый, ласковый Боженька, — шептала она, — возьми меня к себе тоже!.. Возьми, как деду! Не оставляй меня здесь одну со злым стариком и его детьми! Добрый, ласковый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы я умерла и поскорее увидела дедушку у Тебя на небе!..

Пожалуйста, Боженька, миленький, дорогой!

Сибирочка молилась горячо. Слезы капали у нее из глаз, скатывались вниз и уходили в земляной пол избышки.

После молитвы она почувствовала себя много лучше и бодрее. Девочка уже не сомневалась, что Господь услышит ее просьбу и возьмет ее, как дедушку, на небо скоро-скоро...

Бодро поднялась она с коленей и принялась за работу. Работа не могла испугать девочку, которая привыкла хозяйничать в избышке деда. Прежде всего надо было растопить печь. Хворост лежал в углу темных маленьких сеней, которые она разглядела еще вчера ночью. Сибирочка храбро вступила в маленькие сени, широко раскрыв дверь землянки, и замерла от неожиданности и страха на пороге их.

Прямо из-под пола, из-под ног девочки, послышался стон, тихий и протяжный.

Стон прозвучал раз... другой... третий... Следом затем еще и еще...

Сибирочка, бледная как смерть, словно приросла к месту, боясь пошевелиться.

Опять простонал кто-то, еще внятнее на этот раз. Теперь уже Сибирочка не сомневалась больше: кто-то находится под ее ногами, под полом сеней. Голос выходил оттуда. Это был тихий, чуть слышный, жалобный голос, который точно молил о пощаде. Сибирочка, вся дрожа, бледная и взволнованная, кинулась обратно в землянку, схватила жестяную лампочку, горевшую там, и вернулась с нею обратно. Высоко подняв лампу над головой, она осветила сени. Прямо у ее ног находился четырехугольный квадрат из досок, как бы врытый в землю. Сибирочка нагнулась над этим дощатым квадратом и увидела приделанное к нему кольцо. Она схватилась за это кольцо своей слабой ручонкой и потянула его на себя изо всех сил. Неожиданно четырехугольный дощатый квадрат подался кверху, как крышка с ящика, образуя сбоку темное отверстие вниз.

В ту же минуту стоны раздались слышнее, и, прежде чем Сибирочка могла сообразить что-либо, перед ней откуда-то снизу появилось бледное лицо и большие впалые глаза, смотревшие на нее страдальческим взглядом.

Она узнала сразу и это лицо, и эти глаза. Перед ней был тот самый мальчик Андрей, который так заботливо отнесся к ней вчера ночью и которого она искала и не нашла сегодня утром в лесной норе.

— Ты ли это? Что с тобою? Почему ты стонешь, Андрюша? — с испугом и волнением спрашивала она его.

— Ах, они избили меня... за то... что я не позволил им сделать одно злое дело, — проговорил глухим голосом мальчик. — Ах, девочка, если бы ты знала только, как они били меня, как мучили!.. Если бы ты знала! Они требовали, чтобы я помог им в их гнусном поступке, а я не хотел, я спорил... отговаривал их, и вот... они приколотили меня и бросили сюда... в холодный подвал... Здесь темно, как в могиле... Здесь бегают крысы по моим коленям, и у меня нет сил даже прогнать их... У меня все тело болит и ноет... Ах, если бы можно было спастись отсюда, из лесной норы! Уйти совсем или умереть! — И Андрей снова застонал тяжелым страдальческим стоном.

— Выходи же, выходи отсюда! — торопила его Сибирочка. — Я посвечу в подполье... Ах, бедный, бедный ты мой!

— Но если я выйду, они избьют меня до полусмерти. Я не вынесу больше этой муки. Мое тело и так все в ранах и рубцах. Во рту все пересохло... и нет больше сил у меня, — произнес тем же вымученным голосом несчастный.

— Они не скоро еще вернутся, — торопливо срывалось с губ Сибирочки. — Пстой, я принесу тебе воды... Ты подкрепишься немного и потом вылезешь из этой ужасной дыры...

И, говоря это, она живо вернулась в землянку, почерпнула там из кадки, приютившейся в углу, ковшом воды и подала этот ковш мальчику. Тот с жадностью схватил его и выпил до дна.

Вода действительно подбодрила Андрюшу. Он сделал над собою усилие, поднялся во весь рост, причем его бледное личико очутилось наравне с полом сеней; затем, захватив края ямы руками, поднялся на них и через минуту сидел уже на полу подле Сибирочки.

— Знаешь ли ты, — начал он сразу, без всяких объяснений и расспросов, — куда ты попала?

— Не знаю! — тихо отвечала Сибирочка и подняла на мальчика широко раскрытый, вопрошающий взгляд.

— И я не знал тоже. До сегодняшней ночи не знал. Они никогда не говорили мне, кто они и откуда пришли и зачем скрываются в тайге. Они встретили меня как-то на опушке леса года два тому назад и предложили поселиться с ними. У меня только что умер тогда отец, оставивший меня круглым сиротою. Отец был лодочником, он перевозил людей на большой реке с берега на берег... А я учился в школе. Когда умер отец, пришлось бросить школу и идти искать работы. Вот они и предложили мне работу — сначала собирать милостыню для них по церквям в ближайших слободах и селениях да готовить им обед и чистить землянку. Такую работу еще можно было выносить, но сегодня ночью я узнал, кто они такие: они приказали мне помогать им в таком страшном деле, при одной мысли о котором можно сойти с ума... — дрожащим голосом закончил Андрюша.

— Что же они приказали тебе и кто они такие? — почти с ужасом прошептала Сибирочка, широко раскрывая свои и без того большие глаза.

— Они приказали мне, — прежним, чуть слышным шепотом продолжал Андрюша, и его тонкое личико стало совсем бледным, — они приказали мне идти с ними завтрашнюю ночь на работу...

— На какую работу? — так же тихо спросила Сибирочка.

Андрюша вздрогнул всем телом и, еще более бледнее и изменяясь в лице, проговорил чуть слышно:

— Здесь, видишь, далеко от железной дороги, очень далеко. И чтобы попасть на поезд близким путем из ближайшего имения купцов-лесопромышленников Гандуровых, надо ехать глухой тайгой. Вот они и узнали, что этой ночью сам купец Гандуров будет возвращаться с деньгами к себе в имение, и решили покончить с ним...

— Как покончить? — не поняла Сибирочка своего нового друга.

— Решили убить купца...

— Убить?!

— Да. Ведь эти люди не кто иные, как лесные бродяги, беглые каторжники, скрывшиеся из

тюрьмы... Они не одного человека обворовали и убили на своем веку. Их поймали, судили и сослали сюда, в Сибирь, на каторжные работы, а они бежали в тайгу и поселились в ней... Их всюду ищут и не могут найти. Это отец с двумя сыновьями. Их зовут: старика — Иван Палец, старший его сын — по прозвищу Зуб, а младший — Косточка... Вот к каким злодеям забросила нас судьба, — дрожащим голосом закончил свой рассказ Андрюша.

— Но отчего же ты не убежал от них? — потрясенная и взволнованная его рассказом, спрашивала девочка.

— Я только этою ночью узнал, что они за люди, — продолжал Андрюша. — Я думал, что это просто лесные охотники, звероловы и птицеловы, и жил у них потому, что мне некуда было деться. А сегодня ночью, когда они нашли тебя на мое место и ты будешь на них работать, как я работал до сих пор по дому и по хозяйству, они не захотели больше скрываться от меня и решили приручить и меня к их страшной работе — грабить и убивать людей. И уже сегодня они велели мне пробраться в лесное имение купца Гандурова и узнать там хорошенько, один ли он едет домой из города и много ли денег он везет с собою и какою дорогою поедет он по лесу... Чтобы я не мог убежать или выдать их, со мною пойдет Косточка и не отступит от меня ни на шаг... Потом мы вернемся к лесной норе, а ночью... ночью...

Тут голос Андрюши прервался, и он не кончил своей фразы. Все лицо его изображало теперь одну сплошную муку ужаса. Сибирочка дрожала, как былинка, с головы до ног.

— Надо спасти несчастного купца! — шептала она, схватив за руку своего нового друга.

— Да, надо спасти! И я придумал, как это сделать! — решительным голосом подтвердил он и, помолчав немного, прибавил: — Это сделаешь ты!

— Я?! — вскричала Сибирочка изумленно.

— Ну да, ты... Ты сейчас же проберешься в селение, найдешь дом урядника и расскажешь ему все, а он отрядит людей в лес, прежде чем на купца Гандурова будет сделано нападение. Я бы мог сам пойти в поселок, но это может возбудить их подозрение. Если же убежишь ты, будет лучше. Мы разобьем окошко в землянке, и ты вылезешь через него... Но только раньше я сяду снова в подвал как ни в чем не бывало, чтобы они не подумали о том, что я послал тебя. Только тебе придется самой провести сюда урядника и его людей, потому что лесная нора так ловко спрятана в лесу, что ее трудно найти. Тебе же я дам мешок старых кедровых шишек, и от времени до времени ты будешь сажать шишки в снег, и по ним вы найдете обратную дорогу, конечно, если ночью не поднимется пурга и луна будет сиять, как и вчера, светло и ясно. Но я уверен, что так и будет, потому что дело идет о спасении человека, и Господь поможет нам, — с уверенностью в голосе произнес Андрюша.

— Да, Господь поможет нам, — подтвердила и Сибирочка, — и мне почему-то кажется, что все должно кончиться хорошо!

— Но ты должна идти, даже бежать, очень скоро... Берегись опоздать... Может быть, они убьют купца прежде, нежели ты сюда вернешься с помощью, — произнес чуть слышно мальчик.

— О! — могла только проговорить Сибирочка. — Я побегу сейчас же, и добрый Боженька да молитва покойного дедушки помогут мне...

Андрюша одобрительно кивнул ей головой.

— Вот мешок с шишками, — произнес он, протягивая девочке плотно увязанный узел. —

Помни, что каждые десять шагов ты будешь сажать по одной шишке в снег. А теперь — раз, два, три! Сейчас я покончу с окошком.

И, отбежав немного, он со всего размаха вскочил на лавку и изо всей силы ударил кулаком по крошечному оконцу избы. Стекло с жалобным дзиньканьем разлетелось вдребезги. Из раненой руки Андрюши брызнула кровь, но он не обратил на это внимания.

— Теперь я спущусь в подполье и до самого их прихода не вылезу оттуда, — срывающимся голосом говорил он, — пусть думают, что я не виновен в твоём бегстве. А то, пожалуй, изменят свой план на новый, из страха быть выданными мною через тебя. Ну, с Богом. Прощай!

И он смело прыгнул в зияющую в полу яму.

— Закрой меня крышкой! — послышался через минуту его голос оттуда.

Сибирочка поспешила к нему и не без усилия исполнила желание своего нового друга. Потом, с трудом опустив над ним четырехугольную доску с кольцом, она крикнула ему «прощай!» — и, взобравшись на лавку, вылезла в оконце. Это было совсем не трудно сделать, потому что девочка была очень мала, а оконце землянки могло с успехом пропустить такую крошечную фигурку. К тому же с наружной стороны окно приходилось вровень с землёю, и Сибирочка очутилась на свободе легче, нежели сама могла предполагать.

Истиво перекрестившись на небо несколько раз подряд, она бросилась бежать с возможной скоростью по узенькой, чуть заметной для глаз тропинке. Помня наказ Андрюши, девочка не забывала через каждые десять шагов втыкать по кедровой шишке в рыхлый снег, по одну сторону тропинки, не убавляя шагов. Между тем рассвет уже начинался и день всходил над тайгой. Выскочили из своих норок пушные зверьки и любопытными глазками провожали девочку.

А Сибирочка все скорее и скорее бежала вперед, дрожа от страха при одной мысли, что она может опоздать сюда обратно к ночи. Волнение и усталость давали себя знать девочке все сильнее и сильнее. Маленькие ножки подкашивались каждую минуту, грудь дышала тяжелее, сердечко неровно билось в груди. Сибирочка буквально падала от усталости.

«Что будет, если я не дойду вовремя?.. Они убьют несчастного купца!» — вихрем пронеслась жуткая мысль в голове девочки, и, не обращая внимания на то, что ее ноги нестерпимо болели и ныли, она с редкой стойкостью подвигалась вперед так быстро, насколько позволяли силы.

Вот наконец мелькнул просвет в деревьях. Слава Богу, это опушка леса... Скоро конец ему... а от опушки до селения рукой подать...

— Ну еще! Ну еще! Сибирочка, подкрепись немного, и ты у цели! — ободряла сама себя девочка, и, теперь уже не обращая внимания на то, что сучья деревьев рвут ее платье и шубенку и больно царапают ее лицо, она неслась со всех ног к опушке леса.

Глава VIII

Сибирочка исполняет трудное поручение

Урядник Степан Артемьевич Алмазин собирался соснуть после дневного чая, когда ему

сказали, что маленькая девочка желает говорить с ним по важному делу.

— Какая еще девочка? — недовольным голосом проворчал Алмазин и велел ввести в горницу непрошеную гостью.

— Ах, это ты, Сибирочка! — сразу узнав внучку старого птицелова, произнес он. — Что же твой дедушка? Уж не болен ли? Зачем ты пожаловала ко мне одна?

Урядник говорил очень ласково с девочкой, которую любил за ее приветливость и милость. Он часто встречал ее вместе с бабушкой и всегда хорошо относился к Михайлычу и его внучке. Теперь он очень удивился, увидя девочку одну. Все привыкли видеть старого птицелова и его внучку всегда неразлучными, вместе.

Напоминание о бабушке больно-больно резнуло исходившее горем сердце Сибирочки. Она громко зарыдала.

— О чем плачешь, девочка? Говори толком... Что с бабушкой приключилось? — тотчас же спросил Степан Артемьевич, но Сибирочка рыдала навзрыд и не могла ничего ответить. Ее маленькое сердце теперь так и рвалось от тоски. Она впервые почувствовала здесь, в своем селении, всю тяжесть своего горя. Не было больше ее бабушки, и никогда, никогда она, Сибирочка, не увидится уже с ним!

Вдруг мысль о купце, которого надо было спасти во что бы то ни стало, как молния промелькнула в ее головке. И, захлебываясь от слез, девочка тут же стала взволнованно передавать все, что случилось в течение полусуток в тайге с нею и с дедом. Как они пошли за дичью и за хворостом, как упал бабушка, как захватили ее к себе лесные бродяги и как она узнала о том страшном деле, которое затевали они.

Урядник слушал внимательно, и лицо его принимало все более и более взволнованное и озабоченное выражение. Когда же, рассказав все, Сибирочка стихла и только тихо всхлипывала о своем горе, Степан Артемьевич погладил ее по голове и ласково сказал:

— Ты хорошая девочка, Сибирочка. Ты спасла жизнь купцу Гандурову, и не только ему одному: эти беглые каторжники наделали бы еще много бед, убили бы многих людей. Мы их давно разыскиваем и никак не подозревали, что они поселились в ближайшей от нас тайге... Ты получишь награду, Сибирочка, и от начальства, и от купца Гандурова, которому ты спасла жизнь! А теперь отдохни хорошенько, чтобы проводить нас в тайгу... Подкрепи свои силы. Моя жена накормит тебя. Ты пришла как раз вовремя, потому что купец Гандуров остановился у меня, чтобы дать отдохнуть лошадям, раньше чем пуститься снова в дорогу.

И, говоря это, урядник погладил белокурую головку Сибирочки, восторгаясь смелостью малютки.

Девочка, однако, отказалась от еды. Она знала, что медлить было нельзя. Хотя теперь смертельная опасность уже не грозила купцу Гандурову, но злодеи могли догадаться, в чем дело, и жестоко избить, а может статься, и убить Андриюшу за то, что он помог намеченной ими жертве ускользнуть из их рук.

Поэтому она была не в силах есть и спать и все торопила Алмазина спешить с людьми в тайгу. Урядник и сам сознавал, что необходимо было как можно скорее поймать злодеев.

Вскоре Сибирочку позвали в гостиную Алмазина, где находился сам купец Гандуров, уже узнавший о грозившей ему опасности.

— Ты хорошая, самоотверженная девочка, — произнес он, ласково обнимая появившуюся перед ним Сибирочку, — ты избавила от большого горя мою семью, крошка, и за это я позабочусь о тебе и дам тебе денег, чтобы ты могла безбедно существовать всю свою жизнь. Ведь ты сирота?

— Да, сирота, — произнесла Сибирочка, и опять при одном намеке на то, что она одна-одинешенька осталась теперь на свете, слезы хлынули у нее из глаз.

— Не горюй, — произнес Гандуров, — я возьму тебя в дом к себе и буду заботиться о тебе, как о родной дочери.

— И об Андрюше тоже! Возьмите к себе и Андрюшу! Ведь это он научил меня спасти вас. Без него вы бы погибли наверное! — проговорила Сибирочка и стала рассказывать купцу, кто такой был Андрюша.

— Ладно, возьмем и Андрюшу, — согласился тот, — и о нем позабочусь, и ему хорошо будет. А теперь надо ехать ловить разбойников, — произнес он, поднимаясь с места, с довольной улыбкой, без тени тревоги.

Действительно, надо было спешить. В какой-нибудь час времени урядник набрал себе помощников и разделил их на два отряда. Часть хорошо вооруженных людей он усадил в тройку купца и приказал им тихонько ехать по проезжему лесному пути, а сам, взяв с собой человек десять, вместе с Гандуровым и с Сибирочкой, пустился в путь пешком к лесной норе, в самую глубь тайги.

Девочка шла впереди, указывая дорогу маленькому отряду. Месяц вышел на небо и хотя слабо, но все же освещал путь. Шишки, разбросанные Сибирочкою там и тут по снегу, указывали, куда надо было идти. Дорога, по которой ехала тройка с вооруженными людьми, была недалеко. До пеших путников долетал и звон колокольчиков, и фыркание коней.

Отряд все глубже и глубже уходил в тайгу. Наконец где-то далеко блеснула маленькая точка огонька.

— Это лесная нора! — прошептала Сибирочка, и сердце ее сильно забилося.

Маленький отряд остановился. Урядник приказал людям, прячась за деревьями, медленно подвигаться к самому логовищу бродяг... Месяц как раз в это время спрятался за тучу, и в лесу стало темно, как в могиле.

Сибирочка стояла подле купца Гандурова. Сначала все было тихо. Сердце Сибирочки то билось, то замирало в груди... Она боялась теперь, чтобы вместе со злодеями не схватили по ошибке Андрюшу и не причинили бы мальчику какого-нибудь вреда. Она надумала уже было пробраться к лесной норе и поискать там мальчика и с этой целью отошла незаметно от Гандурова, около которого находилась все время, как вдруг кто-то неожиданно и сильно схватил ее за плечо.

— Это я! Я — Андрюша, — услышала она взволнованный шепот над своим ухом. — Ты сделала все-все, что я тебе говорил? — тем же тревожным шепотом осведомился он.

— Все!

— И урядник с людьми из селения здесь?

— Здесь!

Едва успела Сибирочка ответить это, как оглушительный выстрел нарушил мертвую тишину тайги. За ним другой... третий... Кто-то побежал в чащу, кто-то, тяжело хрипя, повалился на землю. И в тот же миг прозвучал в тишине громкий голос урядника:

— Держите разбойников, ребята! Держите их!

Свет фонарей, скрытых под полушубками до настоящей минуты, разом осветил лесную чащу.

Теперь Сибирочка уже ясно видела, как десяток людей окружал Ивана Пальца и его сыновей. Последние ножами и топорами всячески отбивались от хорошо вооруженных людей. Завязалась упорная борьба. Наконец старый бродяга и его младший сын окончательно выбились из сил. Продолжал бороться и защищаться один только Зуб, потом вдруг сделал ловкий прыжок и, увернувшись с быстротою кошки, бросился в чащу.

— Держи! Держи его! — кричал не своим голосом урядник, но бродяга был уже далеко. Размахивая огромным ножом и бросая проклятия и угрозы, он бежал теперь прямо на Андрюшу и Сибирочку, притаившихся за стволом огромного дуба.

— Он увидит нас! Что нам делать?! — прошептала вне себя девочка, прижимаясь к своему новому другу и как бы ища у него защиты. Но последний уже не медлил.

Бродяга бежал прямо на них, отрезав им путь к маленькому отряду.

Он уже успел заметить притаившихся за деревом детей. На минуту он остановился. По его страшному лицу проскользнула бешеная, злая улыбка. Он понял, кто донес на него, его отца и брата в селение, кто выдал их с головой и привел сюда вооруженный ружьями отряд.

— Ага, так вот ты как! — крикнул он бешено на всю тайгу и бросился на Андрюшу.

Но тот ожидал, казалось, намеченного удара. Он схватил Сибирочку за руку и в несколько скачков очутился с нею в темноте за группой огромных кедров, куда уже не проникал свет фонарей.

Здесь он быстро опустился на колени.

— Садись ко мне на спину! — произнес он, и когда Сибирочка, не медля ни минуты, исполнила его приказание, он вскочил снова на ноги и метнулся с девочкою на спине в самую чащу тайги.

Однако бродяга Зуб не отставал в погоне за ними. В темноте слышно было его тяжелое дыхание и хруст сухого валежника под его ногами. Он бежал почти по пятам детей... Только темнота ночи разделяла теперь их друг от друга... Сердце Андрюши колотилось в груди, как подстреленная птица... Упал он сейчас, и острый нож Зуба покончил бы с ним и с бедной, ни в чем не повинной Сибирочкой. Зная это, мальчик все прибавлял ходу, хотя усталые ноги болели нестерпимо, а спина мучительно ныла под тяжестью непривычной ей ноши. К тому же ветви деревьев больно хлестали его по лицу. Он бился из последних сил. А страшный Зуб все еще не отставал от маленьких беглецов. Это чувствовала Сибирочка, свернувшись в комочек на спине своего друга. В голове Сибирочки гнездилась теперь только одна мысль: «Пусть бежит и спасается один Андрюша, пусть бросит ее в снег... С нею все равно ему невозможно спастись... Слишком тяжело ему, бедному, бежать с такою тяжелою ношей на спине!» И, прильнув губами к уху мальчика, она зашептала ему, прерываясь на каждом слове:

— Брось меня, Андрюша... Брось... Беги один... Авось он не заметит меня... Спасайся сам, милый! Оставь меня... Я только мешаю тебе...

— Молчи! — хриплым звуком вырвалось из груди мальчика. — Вместе спасемся или умрем! — И, напрягая последние силы, он бросился как безумный вперед и в ту же минуту с глухим стоном вместе с Сибирочкой повалился на сугроб снега.

Глава IX

Ни хода, ни выхода

Что-то холодное коснулось лица Сибирочки и почти одновременно она услышала чье-то тяжелое дыхание совсем близко от себя.

Месяц скрылся за тучу, и в окружающей темноте не видно было ничего. Сибирочка протянула руку вперед и чуть не вскрикнула во весь голос: ее пальцы коснулись неподвижного лица Андрюши, по которому струилось что-то теплое и липкое, как клей.

Она вытянула другую руку и сильно ударилась о нечто твердое, как камень. Теперь девочка поняла все. В отчаянной поспешности бега Андрюша наткнулся на дерево, выросшее посреди тропинки, и, ударившись об него головой, упал, обливаясь кровью, в сугроб, в то время как преследовавший их Зуб пробежал далее.

Ужас сковал сердце Сибирочки. Что, если умер Андрюша? Что, если он, как и дедушка, не поднимется с сугроба больше никогда и она останется одна-одинешенька в этой страшной тайге, где бродят медведи и волки и где находится еще более страшный враг, взбешенный и готовый расправиться с ними своим огромным ножом бродяга! Но все страхи Сибирочки, весь ужас одиночества покрывались ее тоскою по Андрюше, которого она, несмотря на короткое

знакомство, успела горячо полюбить.

В несчастиях люди сходятся скорее и ближе. Ей казалось, что она знает мальчика давно-давно... Она взяла его за руку. Рука осталась неподвижной в ее маленькой ручонке. Мальчик был без чувств. Должно быть, он сильно поранил себе голову о ствол дерева.

Тогда Сибирочка вспомнила, как дедушка лечил ее от ушиба в зимнее время. Он брал снег и растирал им пострадавшее место. То же самое сделала со своим другом и девочка. Она схватила целые пригоршни снега и стала усердно прикладывать его к раненой голове Андрюши. Мало-помалу кровь перестала сочиться из лба, и мальчик начал проявлять кой-какие признаки жизни. С его губ сорвался первый стон, за ним другой, третий...

— Где я? Что со мною? — спросил он слабым голосом, окончательно приходя в себя.

— Андрюша, милый! Ты жив?! Жив! Слава Богу! — радостно прошептала Сибирочка, целуя и обнимая мальчика, все еще бессильно распростертого на снегу.

— Жив, только у меня сильно голова болит... Но я могу двигаться дальше, — стараясь говорить бодрым голосом, произнес он. — А где Зуб? Или его утомила погоня, и он отстал от нас?

— Нет, он пробежал мимо, теперь он находится впереди нас. Нам надо идти поскорее к лесной норе, где остались люди, а то он вернется сюда и найдет нас, — взволнованным голосом пояснила девочка. — Но ты не можешь идти, — добавила она, опасливо взглядываясь в белеющее перед нею во мраке лицо ее друга.

— О, я попытаюсь! — послышался ответ в темноте, и Андрюша сделал усилие, чтобы подняться. — Давай твою ручонку. Пойдем, держась за руки, а то мы потеряем друг друга... Видишь, какая здесь темнота, — произнес он, с трудом поднимаясь на ноги.

Сибирочка молча протянула ему руку, ощупью нашла его пальцы, и, тесно прижавшись друг к другу, дети повернули назад и пошли по тому направлению, где, как им казалось, они оставили урядника и людей.

Глава X

В пещере под снегом

— Нет, я не могу идти больше. Голова болит все сильнее... А здесь оставаться нельзя... Звать на помощь тоже нельзя. Зуб услышит и прибежит сюда разделаться с нами, прежде нежели подспеют сюда люди, — с отчаянием в голосе произнес Андрюша и, помолчав немного, прибавил уже значительно бодрее: — Вот что я придумал: мы выроем ямку в снегу, вроде звериной норки, заползем в нее и до утра отдохнем в ней хорошенько, а утром при свете увидим, где мы находимся и как нам пройти до селения, — уже совсем бодро заключил он свою речь.

И прежде нежели Сибирочка могла одобрить его план, Андрюша уже ощупью, в темноте, принялся за работу. Яму в сугробе пришлось рыть руками, за неимением лопат. Сибирочка, как умела и могла, принялась помогать своему другу. Вскоре в рыхлом снегу появилась глубокая нора, и дети могли укрыться в ней и уснуть в ожидании утра. Они так и сделали, не медля больше ни минуты. Усталость и пережитые волнения помогли им забыться, и,

прижавшись друг к другу, они уснули крепким сном в своей самодельной спальне...

* * *

Миновала ночь. Наступило утро. Проснулась и ожила старая тайга. Белочка шаловливо запрыгала по ветвям огромных дубов. Какой-то пушистый зверек высунул из дупла дерева свою острую подвижную мордочку. Где-то прозвучал вдалеке унылый крик хищной птицы.

От этого крика первый проснулся Андрей. Он вылез из своей снежной пещерки и не без изумления оглянулся кругом. В его лице отразились испуг и тревога. Он хорошо знал местность, окружавшую лесную нору. Хорошо знал прилегавшую к жилищу лесных бродяг тайгу, знал по крайней мере верст на десять кругом. Но здесь он еще не бывал ни разу. Местность казалась ему совсем незнакомой и дикой. Деревья разрослись здесь так густо кругом, что в лесу было сумрачно, как в могиле. Иногда, сплетаясь ветвями, они образовывали непроходимую стену, и только у корней их оставалось небольшое отверстие, которое можно было миновать, не иначе как только пригнувшись чуть ли не к самой земле. Невольное смущение охватило душу мальчика. Здесь, в этой непроходимой чаще, что могли поделаться без крова и пищи он и вверенная его попечению самой судьбой маленькая девочка?

Андрюша подошел к самодельной пещерке и заглянул в нее. В ней, подложив худенькую ручонку под голову, безмятежным сном сладко спала Сибирочка. Белокурые волосы, выбившись из-под платка, обрамляли ее личико, белое и нежное, как фарфор.

— Бедная маленькая девочка, — прошептал Андрюша, — что ждет тебя!.. Голодная смерть в дикой тайге. Бедная маленькая девочка! Как мне жаль тебя! — Он нагнулся к спящей и крепко поцеловал ее.

Сибирочка проснулась и недоумевающе открыла свои большие синие глаза. Она с минуту не понимала ничего. Потом оглянулась кругом и сильно испугалась, увидя незнакомую местность.

— Мы заблудились! Да? — со страхом прошептала она.

Андрюша хотел ответить своей маленькой подруге, но чьи-то тяжелые шаги, раздавшиеся в эту минуту, заставили его замереть на месте. Шаги приближались с каждой минутой, делаясь все слышнее и слышнее...

— Это Зуб! — прошептала в тоске и страхе Сибирочка.

— Да! — беззвучно проронил мальчик и прижал девочку к себе, заслонил ее собою, готовый защищать ее до последней возможности своими безоружными, но сильными руками.

И оба широко раскрытыми взорами впились в чаще. Шум шагов приближался. К нему присоединился теперь хруст ломаемых ветвей и какое-то жуткое сопение.

— Это Зуб!.. Теперь он уже не даст пощады и убьет нас сию же минуту! — прошептала девочка, и ее побледневшее личико выражало теперь один неизъяснимый сплошной ужас.

Андрюша не сказал ни слова. Его грудь бурно вздымалась. Черные глаза сверкали. Он решил, что теперь им не миновать мести Зуба, но он хотел только одного: спасти во что бы то ни стало бедную маленькую девочку, доверчиво припавшую под его защиту. Он думал: «Зуб ударит меня своим ножом, я упаду навзничь на пещеру и прикрою собой Сибирочку, и он ее не увидит. Не увидит ни за что... Таким образом она будет спасена».

Между тем шаги были уже совсем близко. Кто-то с остервенением пробивал себе путь, бешено ломая сучья и ветки по дороге. Вот они затрещали неистово, раздвинулись, и огромный бурый медведь выскочил из чащи и очутился в двух шагах от онемевших от ужаса детей.

Глава XI

Неожиданность за неожиданностью

— О! — простонала Сибирочка и закрыла лицо руками.

Медведь повернул голову, увидел детей и неожиданно поднялся на задние лапы. Оглушительный рев вырвался из его могучего тела. Тут только дети увидели зияющую рану в боку медведя и тянущуюся по его следу на снегу кровавую полосу. Глаза зверя были налиты кровью, пасть широко раскрыта. Казалось, полученная рана привела в бешенство страшное чудовище, и, издавая страшное рычание, оно готово было уже кинуться на неожиданного и беспомощного врага. В одну минуту Андрюша сообразил, что от разъяренного лесного чудовища нет спасения.

Если смерть под ножом лесного бродяги была ужасна, то вдвое ужаснее казалась она в когтях страшного медведя.

Андрюша взглянул на Сибирочку. Она была белее снега и вся трепетала, как птичка, прижавшись к нему. Если бы у мальчика было какое-нибудь оружие, он, не задумываясь ни на минуту, кинулся бы на четвероногого врага. Но увы! Оружия не было у Андрюши — значит, не было и спасения. Он крепко обнял девочку и, прислонив ее головку к своей груди, старался заслонить ее от ужасного зверя.

Раненый медведь с тем же жутким рычанием и с налитыми кровью глазами двинулся вперед.

Его дыхание и хрип, выходявший из горла, теперь обдавали головы детей... Огромные лапы с острыми когтями, выходявшими из-под мохнатой шкуры, направились к ним. С диким ревом чудовище пригнулось к земле, и...

Что-то просвистело в воздухе и изо всей силы впилося в голову зверя. Дикий, оглушительный рев прорезал тишину тайги. Обливаясь кровью, медведь с шумом рухнул навзничь, обагрывая алыми пятнами снег кругом себя. На месте страшного чудовища перед изумленными детьми появилось что-то странное, необычайное, чего еще не встречали ни Андрюша, ни его маленькая спутница никогда за все время их коротенькой жизни.

Глава XII

Получеловек-полузверь с добрым сердцем

К изумленным детям у входа в их пещерку подошло небольшого роста круглолицее существо, все с головы до ног зашитое в звериную шкуру. На странном существе была меховая куртка, плотно обхватывающая его спину и грудь, длинные штаны, узкие, словно трубки, из того же меха, невысокие сапоги из шкуры какого-то желтого зверька и меховой колпак, надвинутый на самые брови, из-под которых, поблескивая, сверкали маленькие, косо расставленные, но отнюдь не злые глазки. Плоский приплюснутый нос, толстые губы и румяные лоснящиеся щеки — все это так и дышало не то недоумением, не то любопытством.

Странное существо смотрело во все глаза на детей. Дети — на странное существо. Потом маленькие глазки звероподобного, благодаря его шкурам, человечка сузились. Лицо расплылось в широчайшую улыбку. Прищелкнув языком, странное существо проговорило ломаным русским языком:

— Твоя, здравствуй! — и закивало меховым колпаком вперед и назад, вправо и влево.

— Здравствуйте! — едва приходя в себя от изумления, произнес Андрюша. — Это вы убили медведя? — тотчас же сделал он вопрос.

— Моя убил, — опять закивал и заморгал глазами маленький человечек, — моя убил. Нымза убил. Великий шайтан ^[1]помог Нымзе. Лесной хозяин ^[2]пришел на чум ^[3]к Нымзе, барана взял, рыбы взял и в лес ушел. Нымза за ним... В тайге догонял, стрелу пускал. Не долетала стрела... Другая пускал... не долетала... топором башка рубил, пополам башка... Помер лесной хозяин!

— Убит, — согласился Андрюша.

— Хорошо убит. Не встанет. Шкуру моя в город к русским понесет. Мясо коптить на шоле будет моя и твоя угостит. Поди на чум к Нымзе, твоя у Нымзы в гостях будет!

И странное существо ободряюще похлопало по плечу Андрюшу.

— Спасибо, что в гости зовешь... Я и эта маленькая девочка устали и голодны... Накорми нас у тебя на чуме... Ты ведь живешь близко? — попросил он странного человечка.

— Моя близко, ошень-ошень близко живет, в тайге живет. Моя — остяк. Нымза — остяк, лето рыба ловит, зимой зверя бьет. Моя давно в тайге живет... Одна живет... Шкуры носит продавать на русские город... Нымза — остяк, но русских любит, хоть великому шайтану и

лесным духам молится. Русским Нымза первый друг. Вот убил лесного хозяина Нымза; моя — лапы себе берет, твоя — голову отдаст, сердце и печенку, все самое, ух, вкусная другу отдаст Нымза!

— Спасибо тебе. Сведи нас к себе, голубчик. Девочка устала и голодна, и я тоже, — попросил Андрюша.

— Твоя сестра? — ткнул бесцеремонно остяк пальцем в Сибирочку.

— Нет. Сиротка, чужая. Помоги нам. А я тебе с медведем управиться помогу.

— Спасибо. Моя согласна. Вот бери нож. Не попорть только шкура. Гляди, как моя работать будет. — И, говоря это, остяк быстро вытащил острый нож из своего мехового сапога. Оттуда торчали еще деревянные стрелы с медными острыми наконечниками, похожими на маленькие кинжалы. Лук болтался на спине охотника. Ружья у него не было, только кривой топорик был воткнут за пояс. Медведь лежал неподвижно с другим таким острым топориком, ловко раздвоившим ему череп.

Нымза подошел к убитому зверю и начал с того, что вынул у него топорик из головы. Черная кровь брызнула из раны. Нымза бросился на колени, приник к голове медведя и с жадностью стал пить теплую кровь.

Сибирочка с ужасом и отвращением смотрела на Нымзу. Она не встречала еще охотников-остяков и не знала их обычаев и вкусов.

Между тем Нымза разрезал ножом под брюхом медведя его теплую шкуру и приказал Андрюше надрезать лапы. Когда мальчик сделал это, охотник без труда снял шкуру с дымившейся еще туши медведя. Потом своим острым топориком отрезал ему голову и четыре лапы, одну за другой. Затем изрубил тушу зверя на четыре куска и, приложив палец к губам, пронзительно свистнул.

Опять затрещали сучья и хворост, и легкий на этот раз шум пронесся, поблизости. Прошла еще минута, другая, и из чащи выскочила огромная мохнатая собака, очень похожая на медведя, запряженная в низкие розвальни-сани, в два аршина длины.

Обыкновенно у остяков бывают только маленькие, худенькие собаки — лайки. Но собака остяка была совершенно особенная, из породы больших, сильных охотничьих собак, которые только редко встречаются на далеком Севере. Увидя детей, собака вся ошетибилась было, и ее кровью налитые глаза со злобою покосились на них, а огромные клыки оскалились, но Нымза произнес какое-то слово по-остяцки, и страшный пес тотчас же притих. Теперь он только облизывался и косился на лежавшие куски мяса на снегу.

— Лун почуял вкусное мясо... Лун кушать хочет, — сказал Нымза, снова сморщив свое плоское приплюснутое лицо в улыбку, и похлопал собаку по ее всклокоченной шерсти. Та лизнула его руку и умильно завиляла хвостом. — Моя добычу сейчас класть станет. Пускай Лун везет на путь... Твоя помогай... — коротко ронял Нымза, обращаясь к Андрюше, и, схватив самый большой кусок медвежьей туши, положил его в сани. Андрюша последовал его примеру. Когда последняя лапа мертвого и разрубленного на части зверя очутилась на розвальнях, Нымза снял с себя кожаный пояс и пристегнул им куски к саням. Потом он щелкнул языком, как-то особенно громко свистнул, и Лун, взявшись с места, двинулся в путь, волоча за собой сани в глубь тайги.

— Эк хороша! Хороша собака у Нымзы! — прищелкнул снова языком остяк. — А сейчас моя

домой идет, и твоя тоже, и он тоже! — снова бесцеремонно тыкал пальцем Нымза то в сторону Сибирочки, то Андрюши.

Андрюша ласково кивнул ему. Он был рад какому бы то ни было отдыху и покою для себя и своей спутницы и, взяв за руку девочку, бодро зашагал вместе с нею за гостеприимным охотником к его жилищу.

Глава XIII

В чуме Нымзы. — Пиршество. — Из огня да в полымя

— Моя чум близка! — изредка ронял шедший впереди детей остяк. — Сейчас там будем.

Действительно, вскоре мелькнул просвет за деревьями, и небольшая поляна, сбегаящая скатом к лесному озеру, покрытому теперь толстым льдом и запушенному снегом, представилась взорам детей. На самом берегу лесного озера стояло остроконечное остяцкое жилище, книзу широкое, кверху узкое, заканчивающееся шестом. Оно было сплетено из палок, покрытых звериными шкурами. Из небольшого отверстия вверху струился дымок. Остяк распахнул спущенную до пола шкуру какого-то зверя, и дети вошли в открывшееся им отверстие в чум. Посреди чума был устроен шол (так называют остяки очаг, род печурки); в нем тлели уголья и слабо догорал маленький синий огонек. На земляном полу чума лежали кошмы, то есть куски войлока и шкуры оленя и дикой козы, служившие заодно и постелью, и сиденьем. Незатейливая деревянная и глиняная посуда вместе с принадлежностями охоты, кривым ножом, топором и не то копьем, не то багром, висела на стене чума. Тут же в углу лежала и рыбацья сеть, а на небольшой подставке вроде полочки находилась чья-то высеченная из камня, безобразная голова с огромным ртом и торчащими ушами.

Андрюша понял сразу, что это был идол, домашний божок хозяина, которому он молился, как и многие другие остяки-язычники.

— Садись, гостем Нымзы будешь, — произнес любезно остяк и усадил обоих детей на мягкие кошмы.

Потом он выскочил на минуту из чума, распряг Луна и вернулся в сопровождении собаки в жилище, с трудом таща на спине огромный кусок медвежатины. Сибирочка невольно попятилась при виде огромного пса, подошедшего к ней.

— Твоя не бойся... Пускай твоя не бойся, — закивал и заулыбался остяк, — Лун не тронет. Лун умный, не ест человека.

Действительно, Лун обнюхал ноги незнакомых еще ему гостей и преспокойно улегся около девочки, не сводя с хозяина умильного взгляда и тихо поваливая хвостом. Нымза растопил между тем шол, бросив в него сухой травы и валежника, и когда веселый огонек запылал в чуме, он воткнул на железный шест кусок медвежатины и прикрепил его над огнем.

Вскоре вкусный запах жаркого распространился по всему жилищу. Проголодавшиеся дети с восторгом помышляли о вкусном куске медвежьего мяса.

Лун тоже изъяслял некоторое нетерпение. Умный пес был, очевидно, убежден, что хозяин не забудет угостить и его.

Жаркое наконец поспело. Нымза разрезал его на куски, посыпал солью, но прежде чем приступить к пиршеству, снова выскочил из чума и на этот раз вернулся очень медленно и торжественно, неся в руках голову медведя. Внеся ее в жилище, он положил голову на полочку рядом со своим божком-идолом и, присев на корточки перед ним, зашептал что-то по-остяцки и, присидев с минуту, вернулся к шолу.

— Теперь моя знает, лесной хозяин не сердает на Нымзу... Я сказал ему, что только голод и нужда заставили Нымзу-охотника покончить с ним! Великий дух заступится за меня, — довольно улыбаясь, пояснил он детям и роздал им горячие медвежьи куски. Луну он бросил внутренности убитой добычи, и пес с жадностью принялся за них.

Андрюша вспомнил, что его покойный отец, знавший отлично нравы инородцев, рассказывал ему, что медведь, или лесной хозяин, как его прозывают остяки, почитается у них священным, и хотя его разрешено убивать, но не иначе, как по совершении некоторых обрядов.

Впрочем, Андрюше не пришлось долго думать. Голод, измучивший порядком детей, заставил их уйти всеми мыслями в еду. Куски опаленной огнем и копотью полусырой медвежатины показались им таким необычайно вкусным блюдом, какого ни тот, ни другая, казалось, не ели никогда!

Лун вполне разделял их мнение и с редким аппетитом уничтожал свою порцию тут же рядом. Но вдруг он оставил еду, наострил уши и, глухо зарывчав, поднялся с места. Шерсть оцетинилась на нем, глаза налились кровью.

— Кто-то пробирается к чуму, Лун чует, — шепотом пояснил Нымза и, в свою очередь, приподнялся с кошмы, на которой сидел с жирным куском медвежьего мяса в руках.

Дети перестали есть и испуганно переглянулись. Андрюша вскочил первый. За ним поднялась Сибирочка.

— Что, если это Зуб разыскал нас? Надо бежать... — прошептал мальчик и, схватив за руку свою маленькую подругу, ринулся с нею к порогу остяцкого жилища.

В тот же миг с отчаянным криком дети отпрянули назад в глубину чума.

На пороге домика Нымзы стоял Зуб.

Глава XIV

Нымза-предатель и Нымза-друг

— Ага, попались! Вот они где, голубчики! — прогремел страшным голосом лесной бродяга. Его глаза, налитые кровью, его всклокоченные рыжие волосы и бледное, перекошенное от злобы лицо — все это было ужасно.

Сибирочка схватила дрожащими пальцами руку Андрюши и так и замерла на месте, впившись глазами, полными ужаса, в страшное лицо своего врага. Лун при виде непрошеного гостя оцетинился еще больше, выгнул спину и прилег к земле, глухо рыча, поглядывая на пришельца и готовясь прыгнуть на него по первому приказанию своего хозяина. Но Нымза цыкнул на Луну и пошел навстречу Зубу.

— Твоя что надо? — спросил он, не без любопытства оглядывая его.

— Вот их мне надо, ребят этих, на расправу мне они нужны! — грозно потрясая кулаками, грубо крикнул Зуб.

— Она моя гость, и она тоже, — не без достоинства произнес остяк, попеременно тыча пальцами то на Андрюшу, то на Сибирочку, — и твоя гость тоже будет; садись на кошма и ешь! — неожиданно заключил он добродушно, похлопав по плечу бродягу, и, отделив с прута при помощи ножа еще кусок мяса, передал его Зубу. Тот с жадностью схватил кусок и принялся есть, забыв все в мире. Несколько минут в чуме раздавалось только громкое чавканье усиленно жующих челюстей. Зуб, казалось, был очень голоден и забыл на время и свою вражду к детям, и задуманную им месть.

Но это лишь так казалось. Едва им был проглочен последний кусок, как он, с бешено засверкавшими глазами, заорал во весь голос:

— Эй, ты, остяцкая образина! Не думаешь ли ты, что куском мяса тебе удастся задобрить меня и я оставлю этих ребят в покое? Нет, брат, шалишь! Я расправлюсь с ними по-свойски... Дай мне их увести отсюда, а не то... — Тут он быстро сунул руку за голенище сапога и, вытащив оттуда огромный кривой нож, уже знакомый детям, с угрозой поднял его.

Нымза очень хладнокровно взглянул на страшное оружие, потом на детей и спросил Зуба, чуть усмехнувшись своими раскосыми глазами:

— Не пугай, брат русский, Нымзу... Моя не боится... На лесного хозяина пошел, не боится, твоя нож тоже не боится. Лучше толком говори: за что ножом грозишь детям?..

— Они сделали так, что моего отца и брата забрали, чуть не убили их, в тюрьму посадили... И меня бы посадили в тюрьму, да я вырвался и убежал. Мы их с отцом и братом, бездомных сирот, приютили, хлебом их кормили, за своих родных держали, а они, злодеи, на нас же напали, честных людей... Убить их мало, вот что! — глухо, хрипло и злобно вырвалось из уст бродяги.

— Ты лжешь, Зуб! Ты лжешь! — крикнул вне себя Андрюша и, весь дрожа от негодования, выскочил вперед. Его глаза горели, щеки пылали. Он весь трепетал от гнева, злобы и негодования. — Ты лжешь, — крикнул он еще раз, — не мы злодеи, а ты и твой отец с братом хотели погубить человека, а мы...

Андрюша не договорил. Как лютей тигр. Зуб бросился на него, пригнул его к земле и навалился на него всем телом. Казалось, еще минута — и от несчастного мальчика не останется и следа.

Сибирочка с плачем кинулась к бродяге и, рыдая, молила его пощадить ее маленького друга.

Зуб был вне себя от бешенства и злобы. Он не смел на глазах Нымзы покончить с мальчиком и в то же время не мог снести смелой выходки ребенка.

— Стой, приятель, стой! Моя говорить хочет, — неожиданно ударяя его по плечу, произнес остяк, — твоя мальчонка наказать хочет, так пусть твоя накажет, я помогу твоя... Моя с твоя мальчонка свяжет и на санки положит... И девушка тоже... Лун в санки впряжет... Твоя с ними сядет и на русская город повезет. Там русская начальник судить будет и наказан будет, кто виноват... Ладно моя говорит? — спросил он в заключение.

— Ладно говорит! — усмехнулся Зуб и, мгновенно поднявшись с пола, освободил Андрюшку.

Тот встал с угрюмо потупленными глазами. Он понял, что взрослому, сильному бродяге легко справиться с ним, с мальчиком, едва достигшим четырнадцати лет. А тут еще Нымза предлагает помощь его врагу... Предатель Нымза!

А Нымза уже нес веревки и крепко скрутил ими руки и ноги Андрюши.

— Твоя не сердись, приятель, — добродушно лепетал остяк, — твоя связать надо, не то убежишь твоя... И она связать тоже... — указал он на Сибирочку. — И в санки положить обоих надо... И Лун запречь... Она, — ткнул он пальцем в Зуба, — на русский город твоя повезет... Там тебя русский начальник судить будет.

Схватив связанного по рукам и ногам Андрюшу поперек тела, Нымза вынес его из чума и положил в санки, поставленные под навесом, сделанным из хвороста и ветвей.

Бессильный и взбешенный, несчастный Андрюша лежал на санях, не будучи в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой.

«Все кончено, — холодея от ужаса, подумал мальчик, — злодею Зубу удалось уверить остяка, что мы сделали какое-то зло, что мы виновны и нас надо судить. И Нымза предал нас бродяге. Конечно, Зуб не повезет нас в селенье, а завезет в тайгу и там безжалостно зарежет своим огромным ножом. А Нымза и не подозревает этого; он ведь не знает, кто такой Зуб. Что же делать теперь?»

Эти мысли вихрем пронеслись в голове мальчика и рвали ему сердце.

Нымза между тем, лепеча что-то по-остяцки, торопливо вернулся в чум. Вскоре Андрюша увидел его вышедшим оттуда с Сибирочкой на руках. Девочка была связана тоже по рукам и ногам. На ее бледном личике был написан смертельный ужас.

— Нымза... послушай, Нымза... Он нагнал тебе... он виноват, а не мы... Он беглый преступник и злодей... Освободи нас... во имя Бога, Нымза! — прошептал Андрюша, вкладывая в свой голос самую горячую мольбу.

Но Нымза не слушал его. Он молча положил девочку подле на санки, потом свистнул Луна, который и появился из чума в тот же миг. Так же молча остяк стал впрягать в сани свою большую собаку, вовсе не глядя на детей. Казалось, точно ему было стыдно встречаться глазами со взорами своих жертв. Он торопливо покончил работу и поспешил обратно в чум.

Вскоре оттуда послышался его голос, говоривший Зубу:

— Твоя может отдыхать... Твоя спи спокойно... Ребята не ушел... Веревки крепкий... А отдохнет твоя... ехать может... Лун дорога знает... Лун умен... больно умен собака...

— Ладно, усну, притомился я! — послышался в ответ грубый голос Зуба, и за ним последовал сладкий зевок.

Должно быть, вкусный обед и теплота чума разморили бродягу, и его теперь клонило ко сну. Вскоре голоса в чуме затихли, и оттуда послышался один только храп. Воспользовавшись этим, Андрюша тихо проговорил бодрым голосом на ухо своей маленькой подруге:

— Не бойся ничего. Он не посмеет сделать нам зла! — и в то же время с горечью подумал про

себя: «Вряд ли он завезет нас далеко... Вернее, он убьет нас тут же, поблизости чума. Как он обманул доверчивого Нымзу! Ну что ж! Когда-нибудь надо умирать... Жаль только Шуру. Она еще так мала и не видела жизни... Бедное дитя!»

Он с усилием повернул голову в сторону девочки, желая еще раз ободрить ее, и увидел, что она лежит без движения. Сибирочка, очевидно, либо, не подозревая всей страшной опасности, уснула, несмотря на неудобное положение в санях, либо, напротив, от пережитых волнений лишилась чувств.

Короткий зимний день клонился к закату. Было не позднее трех-четырёх часов, а уже сумерки сгущались в тайге. Поднимался резкий ветер. Деревья зашумели кругом. Запряженный в сани Лун дремал стоя. Андрюша тоже закрыл глаза, стараясь забыться.

Вдруг чье-то легкое прикосновение к его плечу разом вернуло мальчика к действительности.

Перед ним в сумерках сгущавшегося раннего вечера стоял Нымза.

В его руках блестело что-то. Андрюша взгляделся попристальнее в этот блестящий предмет и увидел, что это был нож, тот самый нож, при помощи которого остяк несколько часов тому назад на глазах Анд рюши так ловко сдирал шкуру с медведя.

Страшная мысль промелькнула в голове Андрюши: «А вдруг Нымза пришел убить их, чтобы сделать приятное Зубу?»

Холодный пот проступил на лбу мальчика, сердце перестало биться.

Остяк наклонился над лежащим и поднял руку.

Андрюша невольно закрыл глаза, шепча молитву. Что-то холодное коснулось его руки... И когда он снова поднял веки, веревки, связавшие его ноги и руки, а также и Сибирочки, были уже в руках Нымзы.

Последний наклонился к самому уху мальчика и, широко улыбаясь своим плоским, широким, как луна, лицом, заговорил быстро-быстро:

— Нымза — твоя приятель... Нымза — твоя друг... Нымза знает, что там (он указал рукою по направлению чума) спит злодей... Злодей хотела убить твоя и девушка, но моя спасла. Моя решил: надо связать и положить ваша в санки, надо, чтобы злодей видал, как ему помогают, и уснул спокойно... А теперь вот что: бери вожжи... Твоя поедет. Лун повезет. Лун дорогу знает на русский поселок. Там машина ходит. Машина на Тобольск пойдет... С Тобольска на русский землю дальше можно поехать... Ну, твоя прощай... Девушка, прощай тоже... Счастлива дорога... На поселке Лун пошли обратно... Он уж сам дорогу знает. А моя злодею скажет: «Убежали оба и Лун украли». Вот хорошо! Прощай!

И, охваченный радостным оживлением, добрый остяк погладил по голове Андрюшу, потом Сибирочку, недоумевающе, спросонья таращившую глазенки. Затем, попробовав упряжь на Луне, обнял его лохматую голову и долго шептал ему что-то по-остяцки прямо в мохнатое ухо. Лун точно понял, что ему шепнул его хозяин, разом взял с места как встрепанный и не хуже любого коня помчался вскачь, унося привязанные к нему санки с двумя детьми.

Андрюша оглянулся назад: ему хотелось поблагодарить великодушного Нымзу, хотелось выразить ему все, что он чувствовал к своему спасителю в эту минуту; но когда он посмотрел назад, ни чума, ни Нымзы уже не было видно. Одна глухая тайга шумела позади него.

Глава XV

Пурга. — Новая опасность. — У цели

— Какой он добрый! Какой великодушный! Он не побоялся даже дать нам все свое богатство: и Луна, и санки, — говорил Андрюша Сибирочке, предварительно рассказав девочке про поступок Нымзы. И тут же он смолк смущенно, вспомнив, как заподозрил благородного остяка в сообщничестве с бродягой Зубом, как он испугался его ножа, когда тот пришел этим ножом перерезать веревки и дать им свободу...

Лун между тем не убавлял ходу, несмотря на то что ночь сгущалась и в тайге воцарялась

постепенно полная тьма. Он, со свойственной охотничьей собаке чуткостью, отлично выбирал дорогу, минуя деревья, выроставшие на каждом шагу, как огромные черные призраки.

Но вот неожиданно поднялся ветер, затрещали вершины великанов дубов, посыпались старые гнилые сучья. Поднялась метель-пурга и закружилась по тайге, вырывая снежные хлопья и носясь с ними по лесу.

— Какое несчастье, — произнес Андрюша, — теперь нам вдвое труднее добраться до поселка. Пурга разыгралась не на шутку, и бедному Луну будет очень тяжело везти нас.

— Да, — согласилась Сибирочка, — и потом, ты не чувствуешь, что страшно холодно стало в лесу?

Действительно, стужа усилилась настолько, что даже привыкшим к студеному климату Севера детям она становилась все же не под силу. Мороз крепчал с каждым часом. С каждой минутой усиливался ветер. Все быстрее и быстрее кружила пурга. Ее злобный свист и дикий хохот жуткими, чудовищными голосами наполнили лес...

Дрожа всем телом, прозябшие дети жались друг к другу, стуча и лязгая зубами.

— Скорее бы, скорее добраться до жилья... Лун, голубчик, выручай из беды, родимый! — уже не опасаясь испугать свою маленькую спутницу, вслух говорил Андрюша.

Скрывать было нечего теперь. Сибирочка не хуже мальчика понимала грозившую им опасность. Замерзнуть в лесу и быть заживо погребенными пургой! О, какое новое страшное испытание посылала им судьба.

— О, если бы добраться только до поселка, — говорила она, с мольбою складывая онемевшие ручки и поднимая к темному небу молящие глаза, — только бы выбраться из этой ужасной тайги, доехать до машины... Мы никогда не вернемся сюда больше... Мы уедем в Петербург, Андрюша, к тете Аннушке, как велел дедушка... Попросим добрых людей дать нам на дорогу и уедем, — еле ворочая языком, роняла она.

— Нет-нет, просить не надо... На дорогу нам с тобою хватит денег, — также с трудом отвечал Андрюша. — Покойный отец оставил мне немного денег, умирая. Я ношу их всегда с собой... Они зашиты в подкладке моей куртки. Я так боялся, чтобы Палец с сыновьями не отняли их у меня. Нам хватит этих денег на дорогу... Лишь бы добраться до поселка. От него рукой подать до машины, а там в Тобольск, оттуда в Петербург к твоей тетке! Да... да!

— А ты поедешь со мною? — робко произнес под ухом Андрюши трепещущий, охрипший голосок. — Поедешь тоже к тете Аннушке?

Андрюша крепко обнял девочку.

— Я с тобой никогда не расстанусь, Шура! Ты будешь моей маленькой сестренкой. Отныне я всегда останусь твоим защитником и другом. Ведь мы оба сироты и оба одиноки... Сам Господь свел нас с тобой, — решительно проговорил мальчик и ласково взглянул в посиневшее от стужи личико своей спутницы.

Между тем Лун невольно замедлял все больше и больше шаг. Пурга свирепо насканивала на несчастное животное, хлопья снега слепили ему глаза, ветер, бросаясь под ноги, мешал бежать вперед. Пена комками катилась изо рта коня-собаки. Он едва передвигал ноги. Его шаг становился все медленнее и медленнее теперь. Наконец он остановился совсем и, сляясь

оглянуться на детей, громко, протяжно завыл. Андрюша весь вострепнулся, точно очнувшись от тяжелого сна.

— Я знаю, что делать, — стараясь говорить бодро, произнес он, лязгая зубами. — Я отпрягу Луна и пушу его одного. Привяжу только к его шее мой пояс. Он доберется до поселка и приведет к нам людей... Они успеют найти нас, пока мы не замерзнем! Не правда ли, Шура?

— Делай что знаешь. Ты такой умный и большой! — прошептала девочка, сонливо склоняя на плечо Андрюши свою отяжелевшую головку.

Мальчик, с трудом двигая заочеченными ногами, вылез из саней и трясущимися, холодными, как лед, скрюченными пальцами стал отвязывать веревочную упряжь Луна. Потом он ласково обнял одной рукой умную собаку, другою с трудом отстегнул на себе пояс и перекинул как ошейник через голову животного. Умный пес понял, казалось, чего от него хотели. Он ласково взвизгнул, лизнул руку Андрюши, в котором чуял теперь своего временного хозяина, и, блеснув в темноте глазами, с громким лаем исчез за деревьями тайги.

Андрюша медленно вернулся к саням. Его тело ныло, разбитое стужей. Глаза слипались, голова кружилась, и все мысли путались в ней. Он взглянул на Сибирочку, лежавшую неподвижно на санках. Во тьме наступающей ночи ее лицо смутно белело. Он притронулся к нему рукою. Оно было холодно и неподвижно.

— Замерзла! — воплем вырвалось из груди мальчика. — Замерзла! Оттереть ее надо снегом... Надо отогреть во что бы то ни стало! — лепетал он коснеющим языком и нагнулся к ней исполнить свое намерение... Но тут в голове у него вдруг зазвенело, страшная сонливость сковала все существо, и мальчик, обессиленный, упал на снег рядом со своей маленькой подругой.

А пурга по-прежнему все шумела, все бесилась и громко свистела над головами двух замерзающих детей...

Часть II

МАЛЕНЬКАЯ УКРОТИТЕЛЬНИЦА ЛЬВОВ

Глава I

В огромном городе

— Петербург! Приехали!

— Уже приехали, дяденька?!

— А ты бы еще хотел ехать, мальчуган?

И высокий плечистый кондуктор, добродушно ухмыляясь, похлопал по плечу Андрюшу.

— Никак, короток путь от Тобольска показался тебе, паренек? — прибавил он с ласковым смехом.

Путь от Тобольска до Петербурга не мог ни в каком случае уставшим и измученным за дорогу детям показаться коротким. Добродушный кондуктор шутил, говоря это; но ни Андрюша, ни Сибирочка, приютившиеся в уголке вагона, не могли отвечать шуткой на шутку. Чужой, незнакомый им город, мелькавший вдалеке огромными домами, церквями, высокими трубами фабрик и заводов, — все это было так малознакомо, так чуждо для детей, выросших в тишине дремучей тайги и маленьких крестьянских поселков! К тому же они ехали не только в чужой город, но и в чужую семью, в семью какой-то тети Аннушки, которую Сибирочка знала только по рассказам покойного деда да по ее редким письмам из Петербурга, а Андрюша и вовсе не знал этой тети.

Прошло около двух месяцев с той минуты, как замерзших до полусмерти детей отыскал умница Лун, приведший за собою толпу людей из селения. В это селение остяк Нымза частенько возил на продажу рыбу и зверей, и в поселке хорошо знали коня-собаку лесного охотника. Завидя Луну с привязанным на его шее поясом, обитатели селения решили, что Нымза погибает где-нибудь в тайге, сбившись с дороги, и с фонарями кинулись его разыскивать в лесу. Благодаря сильно развитому чутью того же Луна детей удалось скоро найти. Их тотчас же оттерли снегом, завернули в овчинные полушубки и, со слабыми признаками жизни, привезли на том же Луне в поселок.

Здесь их уложили в теплой избе на полати, дав им выпить по глотку крепкой сибирской водки с чаем. Потом, когда они пришли в себя, их накормили и снова напоили горячим... К этому времени отдохнул и Лун, плотно закусив, в свою очередь, овсяной похлебкой, и отправился домой к своему хозяину, в тайгу, благо, стихла пурга и зимняя ночь сменилась к тому времени утренним рассветом. Дорогу из поселка в тайгу умный пес знал отлично.

Дети прожили и отдохнули в селе у гостеприимных крестьян, а когда окончательно поправились и запаслись силами, пустились в путь, в далекую и чуждую им столицу...

Поезд с пыхтеньем и шумом подкатил к платформе.

— Ну, вот и доехали... Больше, стало быть, не повезут. Баста! — пошутил снова кондуктор, глядя на смущенные личики детей.

Те, видя, какая суматоха поднялась в вагонах, смущенно забились в угол, глядя оттуда растерянными глазами на всю эту сутолоку. Рядом с ними особенно торопилась собирать свои узелки и мешочки какая-то старушка. Дальше плакал ребенок, испуганный суетою. Трое чернорабочих, толкая публику, протискивались к выходу.

— Пойдем и мы, — произнес Андрюша и, взяв за руку Сибирочку, стал пробираться с нею из вагона.

Вот и платформа. Здесь суматоха еще больше, нежели в поезде. Бегут носильщики, бежит публика — все стремятся куда-то вперед. В узком проходе набралась целая толпа. Толкая друг друга и громко разговаривая, все высыпали на подъезд вокзала. Андрюша с Сибирочкой двинулись следом за остальными.

Длинная широкая улица, огромные высокие дома, магазины с зеркальными стеклами, конки и трамваи, нарядные экипажи и та же суетливая публика — все это разом представилось их глазам.

Свистки, звонки, стук колес и шум столичного города оглушили их. Они остановились как вкопанные посреди улицы, не зная, куда идти, в какую сторону направить шаги.

— Эй, берегись! Чего рот разинули! — послышался резкий окрик за плечами детей, и едва успели они отскочить немного в сторону, как мимо них промчалась великолепная коляска, забрызгавшая их грязью с ног до головы.

Почти одновременно с этим, как из-под земли, выросла перед детьми фигура полицейского.

— Что под лошадь лезешь? Не видишь разве? Гляди еще за вами!.. Есть время тоже!.. Смотри в полицию отправлю! — накинулся полицейский на Андрюшу.

Тот смотрел смущенно и по-прежнему крепко сжимал руку Сибирочки, точно боясь, что ее отнимут у него.

Городовой мельком взглянул на детей и отошел к своему посту.

— Пойдем же, а то он опять рассердится! — шепнул Андрюша своей спутнице. — Повтори мне еще раз, где живет тетя Аннушка.

— Карская улица, дома номер два квартиры номер пять, — проговорила Сибирочка давно наизусть заученный ею со слов деда адрес тетки.

— Вот и отлично. Спросим, где находится Карская улица, — внезапно оживившись, произнес Андрюша и, подойдя к тому же городовому, спросил: — А не знаете ли, дяденька, где здесь Карская улица будет?

— Здесь нет такой! — ответил, точно отрубил, полицейский. — Есть такая на другом совсем конце столицы, на Выборгской стороне, далеко отсюда. На конке либо на трамвае ехать туда надо.

Андрюша вздохнул. Ехать на конке им было не на что. Последний двугривенный он истратил сегодня на еду Шуре и себе. Купил ей в поезде яиц, пирожков, хлеба. Теперь у него оставалось только две копейки и больше не было ни гроша. Деньги, скопленные для него бедняком отцом и врученные сыну незадолго до смерти, все вышли на дорогу из Сибири в Петербург.

Но Андрюша не растерялся.

— Вы только путь укажите, дяденька, а уж мы доберемся как-нибудь! — смело тряхнув головою, обратился он снова к городовому, с полной готовностью идти хоть на край света.

Тот подробно объяснил дорогу на Выборгскую сторону, и дети бодро и весело пустились в путь.

Глава II

Тяжелое разочарование

Улица за улицей. Переулок за переулком. О, сколько этих улиц и переулков! Нет им, кажется, ни счета, ни числа. И всюду огромные дома и роскошные магазины с заманчиво разложенными в витринах товарами! Глаза у детей разбегались при виде этих витрин, этих товаров. Ничего подобного им не приходилось еще встречать в жизни. Поневоле они останавливались перед каждым окном, перед каждой витриной и подолгу любовались невиданным еще им зрелищем. Между тем быстро наступал вечер. На улице начинало темнеть. Зажглись электрические фонари, и город сразу принял праздничный вид.

Вскоре показалась нарядная набережная и начинавшая освобождаться от своего зимнего ледяного покрова петербургская красавица река Нева.

Сибирочка устала. Маленькие ножки девочки, успевшие отвыкнуть от движения за продолжительное время путешествия из Сибири, начинали болеть. На большом мосту, перекинутом через реку, они и совсем отказались служить. Заметив это, Андрюша, не говоря ни слова, поднял девочку на руки и понес.

— Помнишь, как тогда, в тайге? — напомнил он ей шепотом и улыбнулся.

Сибирочка только молча прижалась к нему. Бодро шагая своими сильными ногами, Андрюша миновал мост и вступил на другой берег Невы, всюду по дороге расспрашивая, как добраться до Карской улицы. Здесь уже не было таких огромных домов и блестящих магазинов, а если и были, то они шли вперемежку с маленькими деревянными двухэтажными домами. Вскоре и этих маленьких деревянных домиков стало попадаться все меньше на пути. Андрюша с Сибирочкой наконец вступили в узкую, бесконечно тянущуюся в длину улицу. Чем дальше углублялись они в нее, тем она становилась все пустынее и глуше. Наконец улица повернула в узкий переулок и прямо уперлась в какой-то забор. Два-три покосившиеся дома составляли все жилища этого захолустья.

Андрюша поднял голову и прочел надпись на углу одного из них:

— Карская улица!

— Здесь! Здесь живет тетя Аннушка! — разом оживилась и обрадовалась Сибирочка и легко соскользнула с рук своего друга.

— Дом номер два, — прочел Андрюша, — как раз этот... Пойдем!

И они быстро направились к воротам покосившегося деревянного домишки.

Минуя ворота и грязный двор, они вошли не то в коридор, не то в какие-то сени и очутились в полной темноте. Дети стояли, не зная, что предпринять, как неожиданно яркая полоска света прорезала тьму. Какая-то дверь отворилась подле, и расстрепанный человек с сапожной колодкой в руке появился на пороге.

— Вам чего надо? Чего шлаетесь по чужим квартирам? Нищие, что ли? Нищим мы здесь не

подаем! — крикнул он резким и грубым голосом.

— Нет, мы не нищие, — заторопился пояснить сердитому человеку Андрюша, — мы тетушку Аннушку, Анну Степановну ищем. Она здесь живет?

— Анна Степановна Вихрова? Коли она, так у меня комнату снимает, — смягчился незнакомец. — Ступай сюда... Родные вы ей, что ли? — коротко бросал он на ходу.

— Она вот родная... — указал Андрюша на Сибирочку. — Ее отца внучка, а я чужой... Укажите, дяденька, как нам к тетке-то пройти...

Сердитый человек с колодкой пошел вперед, ворча себе под нос что-то. Дети последовали за ним. Они переступили какой-то порог, где их охватил запах кислой капусты и какой-то затхлости. Несмотря на густые клубы дыма и чада, дети увидели, что они находились в чьей-то грязной кухне. Здесь хлопотала у плиты какая-то женщина. Двое ребятишек держались за ее подол. В углу кухни, сидя в поленьях, два дюжих парня трудились над сапожной работой.

— Анна Степановна! Гости к тебе! — грубым голосом крикнул хозяин квартиры и, широко распахнув небольшую дверцу, обитую рваной клеенкой, легонько толкнул в нее детей.

Андрюша и его спутница очутились в небольшой светлой комнате, большую часть которой занимала кровать, накрытая белым пикейным одеялом, с грудой подушек на ней. В углу стоял, прислоненный к стене, клеенчатый диван. Перед диваном стол, покрытый репсовой скатертью, и несколько кресел. Огромный сундук в одном углу, комод — в другом и киот с образами составляли все убранство комнатки.

Посреди комнаты стояла женщина в темном домашнем платье, с гладко причесанными волосами, с худым желтым лицом и с пронырливыми, маленькими, как у мыши, бегающими глазками. Эти бегающие глазки горели нездоровым, лихорадочным огнем.

Увидя на пороге появившихся детей, женщина невольно попятилась в глубину комнаты и замахала руками, причем лицо ее сделалось красным как рак.

— Нищих не пускаю... не подаю нищим!.. Сама нищая... сама голодаю!.. — закричала она и вдруг решительно направилась в угол, где стоял сундук, и, опустившись на него, схватилась руками за его края.

— Мы не нищие... мы в гости... жить то есть... — смущенно проронила, выступая на этот раз вперед, Сибирочка. — Я от дедушки Михайлыча из Сибири... Дедушка умер, а перед смертью велел ехать к тетушке Анне... Ведь вы тетя Аннушка Вихрова будете? Ну вот, значит, к вам. А я Сибирочка... Шура, о которой вам так часто писал дедушка... Сибирочка, дедушкина внучка... И я приехала к вам жить... Я и Андрюша, мы оба приехали... Здравствуйте, милая тетя Аннушка.

И, говоря это, Сибирочка протянула руку женщине.

Глаза женщины широко раскрылись, выражая ужас. На щеках вспыхнул яркий румянец. Она, очевидно, сильно испугалась чего-то. Глаза-щелки загорелись ярче. Дыхание с шумом вырывалось из ее впалой груди.

И вдруг она как безумная вскочила с сундука, на котором сидела, и, схватив за плечи девочку, стала трясти ее изо всей силы.

— Вон! — задыхаясь от бешенства, закричала она. — Вон, лгунья, попрошайка, воровка, нищенка! Никакой Сибирочки я не знаю и знать не хочу... Какое мне дело до чужой девчонки, попрошайки! Чтобы духу твоего не было здесь!.. Вон отсюда сию же минуту, или я...

Тут она с такой силой отшвырнула от себя испуганную насмерть девочку, что, если бы не подхвативший ее вовремя Андрюша, бедняжка Сибирочка больно-пребольно ударилась бы головой о косяк двери.

— Не смейте трогать Шуру! Как вам не стыдно, — крикнул, вне себя от гнева, мальчик, — попробуйте только обидеть ее, и вы будете иметь дело со мною!

Его голос звучал твердо, как у взрослого, брови грозно сдвинулись над сверкающими черными глазами. Гнев и негодование отразились на красивом мужественном личике.

Этот грозный вид юного защитника привел женщину в окончательное бешенство. Со сжатыми кулаками, бледная от злости и раздражения, она кинулась на него.

— Вон, сию же минуту вон, гнусные попрошайки, лгуны, нищие!.. Ишь чего выдумали! Из Сибири приехали! Я вам покажу Сибирь! Я вас отправлю в полицию, негодные этакие! — неистово продолжала она свои отчаянные крики.

И, окончательно выходя из себя и размахивая руками, готова была ударить Андрюшу, как неожиданно распахнулась дверь, и в комнату вбежал мальчик, закутанный в широкий теплый плащ, стройный и тонкий, лет четырнадцати-пятнадцати на вид. Поверх плаща лежали его кудри, пышно струившиеся по плечам из-под какой-то необычайного фасона бархатной шляпы-берета. Когда мальчик проворным движением сбросил с себя плащ, а затем пальто, Андрюша и Сибирочка невольно вскрикнули от изумления. На мальчике был надет какой-то странный костюм из розового вязаного шелка, облегавший все его тело так плотно, что оно казалось совсем лишенным одежды. Только коротенькие зеленые шелковые панталоны с блестками закрывали его бедра и часть ног до колен. На ногах мальчика были надеты высокие кожаные сапоги, ничего общего не имевшие с его странным нарядным костюмом.

Глава III

Никс решает дело

— А вот и я! Только что кончилась репетиция в театре, и я приехал к тебе. Не успел даже переодеться. Очень спешил. А ты опять сердисься, матушка? Перестань, ведь это вредно тебе... — произнес странный мальчик и тут же, окинув недоумевающим взглядом незнакомых ему детей и небрежно кивнув в их сторону головой, спросил: — А эти откуда?

Анна Степановна Вихрова, так звали женщину, бросилась к сыну.

— Это маленькие попрошайки, дармоеды, — взволнованно залепетала она, — бог знает откуда прослышавшие про покойного моего отца, который умер в Сибири, явились сюда и хотят навязаться нам в нахлебники... хотят отнять у нас последние крохи... они... они...

Тут Вихрова так сильно закашлялась, что не могла говорить больше.

— Полно, пожалуйста, матушка! Тебе нечего волноваться даром... Дай мне поговорить с детьми. Я все устрою... только ты-то не горячись. Ты мешаешь своими криками сообразить, в чем дело! — не совсем вежливо по отношению к матери произнес с гримасой розовый мальчик, стараясь и тоном своей речи, и манерами изображать взрослого.

Затем, подойдя к Сибирочке, он резко спросил:

— Ты откуда еще явилась?

Сибирочка хотела ответить и не могла. Ее смущение росло с каждой минутой. Тогда Андрюша, видя колебание своей подруги, ответил за нее:

— Это Шура, или Сибирочка. У нее умер дедушка... Осталась одна тетя Аннушка, о которой ей много говорил покойный дед... вот она и приехала к ней из Сибири по его желанию, как только он умер. Вот и все.

— Мы знаем, что дедушка умер в Сибири, замерз в тайге, и что даже не нашли его труп, — произнес сухо мальчик, — об этом нам писали уже. Но у него не могло быть никакой внучки. Правда, был когда-то приемыш — девочка, но он прислал ее к нам, как только узнал, что ее разыскивают ее родители, и мы отдали девочку отцу, который оказался очень знатным барин. Но больше у него не воспитывалось детей. Это так же верно, как меня зовут Никсом Вихровым, и вы только напрасно приехали сюда. Теперь, я думаю, вы сами это понимаете. Что же вам нужно больше? — заключил он резко, почти грубо, свою речь.

— Вы правы... нам больше ничего не нужно, — отвечал Андрюша, в то время как у Сибирочки хлынули слезы из ее синих глаз.

— Нам ничего не нужно, — уже насмешливо и бодро продолжал Андрюша, — и мы уйдем сейчас отсюда. Должно быть, дедушка Шуры не предвидел, что у него такие недобрые дочь и внук из Петербурга, а то бы он не посоветовал ехать к ним своей милой Сибирочке... Ну, да Бог милостив, и мы не пропадем с нею нигде. Не правда ли, Шура? — обратился он ласково к девочке.

Та только кротко взглянула на него сквозь слезы.

— Прощайте. После такой встречи нам действительно нечего оставаться у вас, — произнес Андрюша с горькой усмешкой. — Пойдем, Шура! Не плачь, мы уже как-нибудь устроимся, — шепнул он на ушко тихо всхлипывающей девочке и повел ее из негостеприимной комнаты, куда с такими надеждами они стремились несколько минут тому назад.

Тетка Анна и розовый мальчик, назвавший себя Никсом, остались одни.

С минуту длилось молчание. Никс первый прервал его.

— Матушка, мы скверно поступили, — произнес он.

— Чем скверно, дитя мое? — спросила Вихрова, и ее резкий, грубый голос зазвучал теперь неожиданно ласково, почти кротко в разговоре с сыном.

— А то скверно, что мы попадемся и пропадем ни за грош, если эти глупые ребята будут снова по городу и всем и каждому рассказывать о своей судьбе. Лучше бы было их прибрать в сторонку. Ты напрасно встретила их такую бранью и криками. Уже это могло показаться подозрительным детям. И еще напрасно я им сказал про бывшую у нас девочку...

— Но что же было делать, Николаша? Я так испугалась при виде ее, этой девчонки, которая, судя по письму, полученному нами из поселка, считалась пропавшей без вести после гибели моего отца... И вдруг она воскресает снова и появляется здесь, когда... когда... О, Боже мой! Да ведь с одним ее появлением здесь может рушиться все наше счастье!

Женщина говорила в страшном волнении и вся дрожала как в лихорадке.

— Ну, до этого еще далеко, положим... А знаешь, я вот что придумал, мама! — снова заговорил мальчик. — Девочка эта хороша, как картина. Такую смазливую рожицу давно уже разыскивает мистер Билль... Появление такой девочки в клетке диких зверей вызвало бы бурю восторга среди публики... Кстати, мистер Билль этой осенью уезжает со своими львами... Я не могу последовать за ним. Ты меня не отпустишь, да и ни к чему даже. У тебя достаточно денег лежит в твоём сундуке благодаря щедрости нашего благодетеля... Мы уедем куда-нибудь подальше, купим себе небольшую усадьбу и заживем припеваючи... А девчонка эта могла бы поступить в наш театр, к укротителю львов мистеру Биллю. Таким образом мы избавимся от нее и от всяких неприятностей с нашим благодетелем и сделаем приятное мистеру Биллю, которому, я уверен, придется по сердцу это дитя. Мы же, как только моя служба в театре окончится этой осенью, уедем подальше. Деньги у нас есть, и жалеть нам здесь некого, — докончил он свою речь тоном, не допускающим возражений.

— Как некого? А наша бедная Сашута? Ты забыл о ней? — с упреком в голосе проговорила Вихрова, обращаясь к сыну.

— Полно, матушка, что за нежности такие! Сестра Саша устроена отлично. Я первый не прочь быть на ее месте. Тебе ли заботиться о ней?! Наконец, когда благодетель умрет, Саша узнает всю правду и вернется к нам богатой наследницей. Разве это худо?

— Хорошо, Николенька, чего уж лучше! Лишь бы только мне не умереть раньше князя! — задумчиво проговорила женщина.

— О, ты будешь жить еще сто лет, матушка! — весело вскричал Никс. — Свежий воздух в имении, где-нибудь на юге, восстановит твои силы. Только надо устроить это дело с детьми, и как можно скорее! Не дай Бог, чтобы кто-нибудь узнал о нас настоящую истину... Тогда мы пропали... Я беру это на себя. Я попрошу мистера Билля взять девочку, а мальчугана

рекомендую директору театра «Развлечение». Он даст ему место, ну, хотя бы простого служителя на первых порах... А там мистер Билль уедет в начале осени в Америку, и ты избавишься навеки и от этой, как снег на голову упавшей к нам, Сибирочки и избежишь большой неприятности. Не правду ли я говорю?

— Ты всегда говоришь правду, мой милый мальчик. Ты всегда прав! — проговорила Вихрова и поцеловала сына, который очень неохотно принял этот поцелуй.

— Ну-с, а теперь я побегу догонять этих дурней! А ты приготовь им поесть что-нибудь, матушка. На пустой желудок, измороженных и усталых, их нечего и думать вести ни к мистеру Биллю, ни к директору театра. Таких усталых заморышей ни тот, ни другой не возьмет!

И, говоря это, мальчик, которого звали в одно и то же время и Никсом и Николенькой, накинул пальто поверх своего странного костюма, закутался в плащ и, бодро насвистывая себе под нос какую-то веселую песенку, вышел из комнаты.

Глава IV

О том, что было пять лет тому назад

Никс скрылся за порогом двери, а Анна Степановна Вихрова погрузилась в тревожные думы. То, о чем она думала, случилось ровно пять лет тому назад.

Был такой же мартовский вечер. Она возвращалась с кладбища домой. На кладбище она только что похоронила мужа, который, будучи портным, кормил до своей смерти семью. Теперь одинокая вдова осталась с детьми без куска хлеба...

С нею шел ее десятилетний сын Николай и четырехлетняя дочь Саша. Весь путь от кладбища к дому Анна Степановна продумала горькую думу: что она будет делать теперь? Чем прокормить детей? Если бы ее отец находился с нею, ей было бы значительно легче. Он бы научил ее своим советом. Но отец находился в далекой Сибири и весь отдался воспитанию той маленькой девочки, которую так чудесно нашел в лесной чаще. Об этой девочке он писал постоянно в своих письмах и просил дочь в случае его смерти принять ее к себе.

Пока был жив муж Анны Степановны, всей семье Вихровых жилось недурно. Теперь невольно приходилось голодать. Правда, старик отец научил Анну Степановну переносить нужду, но о нужде ей меньше всего хотелось думать. Все ее мысли были прикованы к детям, которых она любила безумно. Что будет с ними теперь, после смерти отца?

«Надо идти на место — служить горничной или няней, — решила она тут же, — а детей отдать в приют».

Но мест, где требовались няни или горничные, Вихрова не знала и, помня, что очень часто в газетах публикуются требования на прислугу, купила газету по дороге и принесла ее домой.

Каково же было удивление Анны Степановны, когда она, раскрыв первый лист объявлений, прочла:

«Убитый горем отец, недавно приехавший из-за границы, где он лечился четыре года в лечебнице нервных болезней, убедительно просит еще раз добрых людей сообщить ему о

маленькой дочери, четыре года тому назад оставленной на сибирской лесной дороге привязанной к дереву ради спасения ее от волков и исчезнувшей неизвестно куда на следующее утро».

Тут же, дальше, описывались и приметы девочки, и ее одежда, и золотой крестик на ее груди с надписью; «Спаси, Господи, рабу твою Александру». Значился и адрес очень богатого и знатного барина, жившего здесь же, в столице.

Анна Степановна пришла в большое волнение, прочитав эту заметку. Она сейчас же решила, что приемная внучка ее отца и была та знатная малютка, которую теперь, по прошествии четырех лет, разыскивал ее несчастный отец. Первой мыслью было пойти по напечатанному в газете адресу и сообщить отцу девочки, что его дитя находится в Сибири, у старого Степана Вихрова, птицелова сибирских лесов. Но вдруг новая мысль осенила внезапно голову Вихровой. Эта мысль была очень смела и преступна. «Что, если выдать за малютку, дочь богача, мою собственную дочурку Сашу? — вихрем пронеслось в мозгу женщины. — Саша такая же белокуренькая, нежненькая, как настоящая барышня, и зовут ее так же, и лет ей столько же от роду. Все равно отец никогда не приедет сюда с девочкой, а если и приедет, то никому и в голову не придет искать у него ребенка. А Сашу можно осчастливить этим навек. Только надо вбить в голову четырехлетней крошке, что она не родная дочь и что ее привезли из Сибири, где она была у деда с самых младенческих лет. Надо научить ее говорить это людям ради ее же пользы. Богатый и знатный барин наградит ее, Анну Степановну, да еще к тому же ее Сашута будет воспитываться как барышня, будет ходить в шелку и бархате, жить в роскоши и довольстве. И никто не узнает, что Сашута вовсе не та девочка, которую оставили в Сибири...»

Задумано — сделано.

Поделившись этой мыслью со своим десятилетним сынишкой и строго-настрога наказав ему молчать обо всем, Вихрова придела и приумыла свою Сашутку и, наказав ей, как вести себя, повела малютку по указанному в газете адресу. Ее тотчас же привели к молодому еще, но уже с заметной сединой в волосах, господину, и едва она успела рассказать ему, как ее отец нашел в Сибири, в лесу, привязанного к дереву ребенка и что этот ребенок и есть Сашута, как господин, не помня себя, с рыданием заключил в объятия девочку.

Он целовал ее без счета и твердил одно:

— Она! Она! Такая же нежненькая, белокурая... Девочка, родная моя! Наконец-то я нашел тебя! — И он проливал без конца радостные слезы.

— Доподлинно она, сударь, — самым искренним тоном подтверждала Вихрова. — Мне ее мой отец три года назад привез из Сибири... И крестик был у нее с надписью: «Спаси, Господи, рабу твою Александру». Да крестик-то мы продали в тяжелую минуту, когда нужда была... Девочка три года жила у нас и не знала вовсе, что не родная она дочь мне и мужу... Берегли и лелеяли мы ее не хуже родного сына... Хотели в газете печатать об этом, да не знали, как это сделать, да, признаться, и сами привязались к девочке — жаль было ее возвращать.

— О! — произнес господин. — Вы и не нашли бы тогда меня. Я только недавно вернулся из-за границы, где лечился четыре года после смерти жены и потери дочери, которую вы теперь возвратили мне! Я был очень болен, но особенно мучился я при мысли, что сам был виновником гибели моей дочурки... Я взял ее с собою в поездку, несмотря на хрупкий возраст моего ребенка, я повез ее к моему другу, который жил в Сибири. И вот в дороге на нас напали волки. Я был убежден, что погибну, и хотел спасти ребенка от смерти. О, дитя мое, дорогое дитя!..

И он снова со слезами обнял недоумевающе глядевшую на него Сашуту Вихрову, которую вполне принял за свою пропавшую дочку, целовал и ласкал Сашу и благодарил Анну Степановну.

Потом он щедро наградил Вихрову, прося во всякое время навещать девочку, которую он оставил у себя.

Он осыпал ласками и подарками свою мнимую дочурку, приставил к ней нянюшек, бонн, гувернантку, одел ее, как куколку. Словом, для бедной маленькой Саши наступило райское житье.

Осчастливленная таким оборотом дела, Анна Степановна вернулась домой. Все улыбалось ей теперь. Ее маленькая дочурка Саша будет важной и богатой барышней, а она сама, ее мать, с сыном Николаем не увидит более нужды.

Но некоторая доля страха не оставляла ни на минуту душу Вихровой. А что, если люди узнают об ее поступке? Что, если как-нибудь дойдет это до ее отца в Сибирь?

Ведь это такое огромное преступление — выдача одного ребенка за другого!

И, волнуясь этим вопросом, она тут же написала отцу, что ее дочь Саша умерла будто бы тотчас же после смерти мужа. Этим Вихрова надеялась, так сказать, «спрятать концы в воду» — скрыть подмену девочки. Затем надо было скрыть от людей, что у нее появились большие деньги, подаренные ей знатным господином. И вот Анна Степановна решила отдать сына до поры до времени директору театра «Развлечение», который охотно принял красивого, сильного и ловкого мальчика в свою труппу. Директор передал его в обучение своему компаньону, содержателю дрессированных львов, англичанину мистеру Биллю, дававшему в театре «Развлечение» представления со своими дрессированными львами.

И мистер Билль сделал мальчика укротителем львов, переименовав его из Николаши Вихрова в «мосье Никса». Способному и сильному юноше платили жалованье, как взрослому. На это жалованье они жили с матерью, а все то, что получалось от «благодетеля» (как мать и сын называли между собою мнимого отца Саши), Вихрова прятала в большой сундук впредь до лучших времен.

— Как умрет благодетель, Сашу возьмем к себе и заживем спокойно, — говорила она не раз сыну и тяжело вздыхала при этом.

Пока же Анна Степановна копила деньги, отказывая себе во всем и ютясь в скромной комнатке у сапожника-хозяина, на краю города. Страх, что ее проступок откроется, делал Вихрову нервнее и болезненнее с каждым днем. Она не спала по ночам. Совесть мешала ей жить спокойно. А тут еще разыгралась болезнь, унаследованная ею от отца. Анна Степановна стала кашлять и ощущать сильные боли в груди. Ей необходимо было переменить свою скромную комнатку на более просторную и удобную, но она не решалась. Она боялась, что люди допытаются, откуда у нее деньги, выдадут ее тайну, и тогда их благодетель прогонит ее Сашу и, что еще хуже, засадит их всех в тюрьму. Эти мысли особенно назойливо мучили ее теперь, после того как она увидела Сибирочку, ту самую Сибирочку, место которой заняла теперь ее, Анны Степановны, маленькая дочь.

— А вот и мы! Вернулись к тебе, матушка. Накорми нас хорошенько и приюти до завтра, а завтра утром я сведу наших гостей, куда мы уговорились. Там они найдут себе теплый кров и верный кусок хлеба.

И, говоря это, Никс небрежно сбросил свой плащ и пальто и очутился снова в своем странном розовом костюме.

Его мать с трудом поборолась и принялась хлопотать с ужином в соседней кухне.

Вошедшие вслед за Никсом Андрюша и Сибирочка остановились нерешительно у порога, не зная, что им делать и зачем их вернули сюда.

Глава V

Мистер Билль и господин директор. — Дело сделано. — Легко приобретенный враг

ТЕАТР «РАЗВЛЕЧЕНИЕ»

Ежедневное театральное представление, после которого — дрессированные львы, силачка негрятянка, эквилибристы, клоуны, воздушные полеты и пр. и пр.

Так гласила заманчиво расписанная пестрыми буквами афиша, прикрепленная в виде флага к огромному шесту, вбитому в землю у самого подъезда театра.

Андрюша, прежде чем войти в подъезд вместе со своими спутниками; пробежал ее с начала до конца.

— Ну, нечего глазеть-то без толку! За это, брат, деньги не платят! — резко заметил ему Никс, кутаясь в свой плащ и бросая по сторонам сердитые взгляды.

Никс был не в духе. Ему пришлось мало спать в эту ночь. Клеенчатый диван пришлось уступить девочке и самому спать с Андрюшей в каморке за кухней, что вовсе не улыбалось избалованному мальчугану. К тому же он каждую минуту боялся, что хозяин-сапожник, заинтересовавшись неожиданными гостями, начнет расспрашивать его с матерью, откуда они взялись.

«Уж скорее бы наступала осень, тогда мистер Билль уедет из Петербурга со своими львами и увезет девчонку!» — досадливо думал Никс, вводя своих спутников в большую полусветлую комнату, над дверями которой красовалась надпись: «Приемная директора».

— Вот, Эрнест Эрнестович, не понадобится ли вам мальчик в услужение? — громко проговорил он, обращаясь с поклоном к толстому маленькому человечку с совершенно лысой головой, который о чем-то оживленно беседовал с худым высоким рыжим господином в высокой блестящей, точно отполированной, шляпе и с сигарой в зубах.

И толстый человечек, и высокий рыжий господин обернулись сразу.

— Ага, это ты, Никс! Опоздал на утреннюю репетицию, мальчуган. Мистер Билль очень сердился. Не правда ли, вы сердились, мистер Билль? — обратился директор к высокому господину.

Рыжий господин хладнокровно вынул изо рта сигару и, взглянув своими оловянными глазами на Никса, проговорил по-русски, не совсем правильно выговаривая:

— Я будет делать вычет из твоего жалованья. Я будет штрафовать тебя, чтобы не зевал по улицам, когда надо учиться на репетиций, а теперь...

Тут оловянные глаза мистера Билля остановились на Сибирочке и стали еще оловянее от выразившегося в них полного удивления.

— Откуда этот красивый девочек? — спросил он Никса.

— Я привел ее в надежде, что вы оставите ее у себя, а этого мальчугана я надеялся рекомендовать Эрнесту Эрнестовичу, — принимая покорно-кроткий вид, произнес Никс.

— Хорошо. Я оставляйт у себя красивую девочек. Она будет давайт представление в клетке Цезаря и Юноны! — процедил сквозь свои желтые зубы мистер Билль и погладил по голове смущенную, оробевшую Сибирочку.

— А ты что умеешь делать, мальчуган? — одобряюще похлопывая по плечу Андрюшу, спросил, добродушно улыбаясь, директор театра. — Умеешь ты ходить по канату?!

— Нет, — коротко отвечал мальчик.

— Умеешь быть акробатом?

— Тоже нет.

— Плясать и петь?

— Нет.

— Так что же ты умеешь делать?

— Пока ничего, но буду уметь делать все, чему вы меня выучите! — смело отвечал мальчик, вперив в лицо толстяка свои честные, открытые глаза.

— Ха-ха-ха, чудесный ответ! Я не ожидал ничего подобного! — расхохотался Эрнест Эрнестович. — Ты мне нравишься, мальчик, и мы будем друзьями, если ты не окажешься негодяем, лентяем и бездельником.

— Разумеется, я не окажусь им! — отвечал, весь вспыхнув до корней волос, Андрюша.

— Почему? — спросил, высоко подняв брови, толстяк.

— Да потому, что я прежде всего честный человек! — без запинки, самым серьезным образом отвечал Андрюша.

— Еще один чудесный ответ, — сказал, улыбаясь, толстый директор, — так вот, мистер Билль берет твою сестру, а я беру тебя...

— Эта девочка не моя се... — начал было Андрюша, но стоявший рядом с ним Никс изо всей силы ущипнул его за руку.

— Говори всем, что это твоя сестра, — прошептал он чуть внятно, нагнувшись как бы нечаянно к самому уху Андрюши.

— Это будет ложь, а я никогда не лгу, — спокойно, таким же шепотом отвечал Андрюша.

— Но я дам тебе денег за это.

— Ни за деньги, ни даром вы не заставите меня солгать!

— Берегись, в таком случае ты будешь моим врагом!

— Я никого и ничего не боюсь.

— О чем вы шепчетесь? — неожиданно огорошил обоих мальчиков Эрнест Эрнестович своим вопросом.

Никс, вспыхнув до ушей, шепнул снова:

— Не выдавай меня! — и тут же стал оправдываться перед мистером Биллем в том, что опоздал немного.

Эрнест Эрнестович молча несколько минут разглядывал Андрюшу.

— Ты красивый и умный мальчик, и, наверное, ученье дастся тебе не слишком трудно. На первое время ты будешь клоуном и станешь смешить публику в антрактах.

— Я не умею смешить публику, — спокойно отвечал мальчик.

— О, это не трудно. Ты станешь выходить с нашим старым клоуном Дюруа, и он научит тебя, что надо делать и что говорить. О жалованье мы сговоримся после. Согласен?

— Вполне. Я прошу об одном: не разлучать меня с Сибирочкой.

— С кем? — снова недоумевающее поднял брови Эрнест Эрнестович.

— С белокурой девочкой. Ее зовут Сибирочкой.

— С его сестрою! — почти выкрикнул в голос Никс.

— Это твоя сестра? Какое у нее хорошее имя...

— Да, это его сестра! — ответил снова очень громко Никс за Андрюшу.

— Он говорит неправду, — спокойно и твердо произнес Андрюша. — Сибирочка чужая мне.

— Ты лжешь, — засмеялся Никс, — что за причина скрывать, что она тебе сестра?!

— Я говорю чистую правду!

— Не спорьте, дети, — снова вмешался Эрнест Эрнестович, — сестра ли тебе или нет эта девочка — ничто не изменит дела... Ты остаешься служить у меня и поступишь под начало Дюруа, а девочку берет мистер Билль в свою группу. Жить вы будете у меня на квартире. Теперь же довольно болтовни. Пора начинать второе отделение репетиции. Эй, кто там есть? — крикнул, высовываясь за дверь, директор. — Давайте второй звонок. А ты, Никс, проводишь детей на сцену.

— Хорошо, Эрнест Эрнестович, — ответил, нагнув голову, Никс и довольно резко обратился к Андрюше: — Ну, чего ж ты стоишь разиня рот! Ступай за мною вместе с девочкой, — и уже шепотом добавил так тихо, что только один Андрюша мог слышать его: — Деревенщина! Не

захотел моей дружбы, выставил меня луном перед начальством, я тебе врагом буду... Узнаешь ты меня скоро, дружочек ты мой!

И, сердито блеснув загоревшимися глазами, Никс прошел вперед.

Глава VI

Новые люди. — Цезарь и Юнона

Коридор, в котором горели небольшие электрические лампочки, показался Андрюше и Сибирочке очень длинным в первую минуту, пока они шли по нему вслед за ворчавшим себе что-то под нос Никсом. В конце коридора была небольшая дверь, откуда лились потоки света и слышались громкие голоса, какие-то хлопки и смех.

— Ступайте вперед. Там сцена. Мистер Билль и Эрнест Эрнестович сейчас придут туда. Мне надо по делу. Да раздевайтесь же, наконец! Не в этих же неуклюжих отрепьях вы ползете туда! — уже совсем грубо обратился к Андрюше и его спутнице их новый знакомый.

Потом он в одну секунду скрылся куда-то, точно провалился сквозь землю.

Андрюша и Сибирочка остались одни. В несколько секунд они дошли до конца коридора, который теперь значительно расширился, и очутились на пороге двери.

Шум, хлопанье в ладоши и крики — все это разом оглушило их. На сцене, залитой электрическим светом, прыгали и кувыркались какие-то люди. Они становились то на плечи друг другу, то на голову один другому, образуя высокую живую пирамиду. Ниже всех стоял на полу толстый и сильный, как барс, человек; на его плечах, растопырив ноги, находился другой; на голове этого другого стоял третий; на вытянутых руках этого третьего, едва касаясь руками его ладоней, ногами кверху, как бы повис четвертый, а на пятках четвертого плясал какой-то странный танец, весь состоящий из плавных телодвижений, хорошенький и подвижный, как обезьянка, мальчик лет двенадцати, с беспечным, веселым лицом.

— Это знаменитый русский акробат Иванов со своею труппой. А вы, верно, новые артисты? — услышал Андрюша чей-то нежный голос за собою.

Говорила тоненькая, высокая девочка, немногим старше Сибирочки, красивая и нежная блондинка, хрупкая, как цветок.

— Я Герта, дочь директора Шольца, — произнесла девочка, улыбаясь задушевной и милой улыбкой, пожимая руку Андрюши и целуя его спутницу в ее бледную щечку. — Ах, что за прелестное дитя! — воскликнула она с восхищением, только сейчас разглядев прелестные локоны Сибирочки и ее искрящиеся, как звездочки, синие глазки. — Чудо, что за девочка! Я должна показать тебя моей Элле, голубка! О, ты еще не видала Эллы?.. Не испугайся ее... У Эллы черное тело, но душа розовая, как утренняя заря. Элла, моя Элла, где ты?

— Элла здесь, госпожа! — послышался грубый, как из трубы, глухой голос, и Сибирочка с невольным криком попятилась назад.

Перед нею и Андрюшей появилось странное существо, черное, как сажа, со сверкающими белками посреди общей черноты лица, с курчавыми короткими волосами, с расплюснутым

носом и толстой, синевато-бурой выпяченной губой. На небольшом, но удивительно сильном, с крепкими мускулами теле негритянки была надета полосатая, желтая с черным, юбка и белая матроска с красным воротником. Огромные золотые кольца были продернуты в ее уши, а на голой шее, такой же сильной и мускулистой, как и все тело, висело в несколько рядов обмотанное коралловое ожерелье.

— Вот мой друг — Элла. Она называет меня своею госпожою, но мы с нею подруги. Она плохо говорит по-русски или, вернее, совсем не говорит, кроме двух фраз: «Элла здесь, госпожа» и «Элла тебя любит». Но сердце у нее золотое, и она будет вам другом. Ее выписали прошлою осенью сюда из Африки. Она негритянка. Пожмите ее руку. Не бойтесь ее черноты.

И маленькая Герта так ласково взглянула на Андрюшу и его маленькую подругу, что те не имели духу отказать ей в ее просьбе и оба протянули руки негритянке. Элла нежно, как хрупкую вещицу, пожала крошечные пальчики Сибирочки и так тряхнула руку Андрюши, что у мальчика буквально искры посыпались из глаз.

— Элла показывается публике как силачка, — поторопилась объяснить Герта своим новым знакомым.

— О, она, должно быть, страшно сильна, — согласился Андрюша. — Я думал, что она собирается оторвать мне руку или вывихнуть плечо! — прибавил он со смехом.

— Это она по дружбе... А вот когда Элла рассердится, то действительно ее сила может многим повредить. Смотрите, смотрите, она уже начинает сердиться, — проговорила Герта, живо оборачиваясь назад.

Братья-акробаты окончили между тем свои упражнения и, спрыгнув, как мячики, на пол, окружили Эллу.

Двое старших, которым было уже, по-видимому, лет около двадцати, сильные и рослые парни, подошли к негритянке.

— Слушай ты, черная кукла, продай мне твои кораллы, я подарю их моей сестре! — произнес старший и без церемонии схватился за красное ожерелье, обмотанное вокруг черной шеи Эллы.

— А мне продай твои серьги! Я надену их себе на нос, — вторил брату второй и дотронулся пальцами до черного уха негритянки.

Та что-то промычала в ответ и сердито тряхнула головою. Но сорванцы не унимались и, как ни отмахивалась от них негритянка, приставали к ней, уговаривая ее отдать им ее драгоценности.

— Ну зачем тебе они? Ведь ничто не может украсить такую чумазую глупую физиономию! — расхохотался старший акробат и потянул к себе со смехом коралловую нитку.

Тут произошло нечто неожиданное. Коралловая нитка не выдержала и порвалась. С нею вместе порвалось последнее терпение Эллы. Что последовало затем, никто из присутствующих на сцене не мог предвидеть. Элла с необычайною живостью схватила за шею одной рукою одного акробата, другою — другого и, сблизив их головы, прехладнокровно постучала ими одна о другую так, что оба акробата буквально взвыли от боли. Потом с тем же глухим ворчаньем, напоминающим рычание дикого зверя в девственных лесах Африки, Элла швырнула сначала на пол одного юного акробата, затем, как полено, сложила на него другого и как ни в чем не бывало преспокойно уселась на эту живую скамью. Оба акробата извивались, как змеи,

шипели, кричали и визжали, громко протестуя и бранясь под тяжестью сидевшей на них силачки, но ничто не помогало.

Элла продолжала сидеть, торжествующе поглядывая на всех и ярко поблескивая своими черными глазами. И только новый звонок, пронзительно зазвеневший в коридоре, и появление директора, мистера Билля и Никса нарушили эту сцену.

Мистер Билль и Никс были в гладких, из шелка, вязаных розовых фуфайках и в коротких зеленых шелковых трусах (штанах), осыпанных блестками. В руках англичанина был длинный хлыст, в руках Никса — кусок сырой говядины.

— Что это у него? Зачем он держит мясо? — обратилась было Сибирочка к Герте с вопросом, на который та не успела, однако, ответить, потому что почти одновременно с этим оглушительный рев послышался где-то поблизости, — рев, от которого дрогнули стены театра и невольно побледнели лица у людей. Незаметная до сих пор дверь сбоку сцены раскрылась настежь, и шестеро театральных слуг вкатили в образовавшееся огромное пространство в стене большую клетку на колесах с помещавшимися в ней двумя африканскими львами необычайной величины.

— Это Цезарь и Юнона, — пояснила Герта Сибирочке, — не правда ли, как они прекрасны?

Но Сибирочка далеко не разделяла ее мнения. Она не нашла в красавцах львах никакой красоты. Лев и львица были просто страшны с их расширенными пастями и оглушительным ревом.

Каков же был ужас девочки, когда, лишь клетка со львами появилась на подмостках сцены, Никс чуть ли не бегом бросился к ней! За ним степенно направился мистер Билль, играя своим длинным кнутом.

Минута-другая — и, приподняв железную дверь клетки, Никс очутился в ней.

За ним смело вошел мистер Билль. И, точно по волшебству, с их появлением в клетке страшный рев зверей мигом прекратился.

Никс бросил им по куску имевшегося у него мяса, и звери с жадностью стали уничтожать его.

Глава VII

Сибирочка и Андрюша вступают на новый путь. — Страшное начало

— Мисс Герта, позвольте вас просить приготовить маленькую артистку мисс Сибирушку, — тоном, не допускающим возражений, проговорил мистер Билль, любезно осклабив свои желтые зубы.

Эту фразу Андрюша и Сибирочка услышали ровно через две недели после того, как им пришлось поселиться в «Большом доме». «Большой дом», стоявший чуть ли не на самой далекой окраине Петербурга, находился через добрый десяток улиц и кварталов от снимаемого Эрнестом Эрнестовичем здания театра.

«Большой дом» директор населил исключительно членами своей труппы. Здесь жил он сам с дочерью Гертою и с своею престарелою теткою. Здесь жил эквилибрист Иванов со своими

сыновьями: Денисом, Глебом, Петром и Вадимом, тут же поселился и клоун Дюруа с его крошкой внуком Робертом, негритянка Элла со своею старухою матерью, мистер Билль, начальник — хозяин Никса Вихрова, и здесь же, наконец, нашли себе приют Сибирочка и Андрюша.

Клоун Пьеро Дюруа, нервный, желчный старичок за кулисами и дома, но незаменимый весельчак перед публикой, не говоря ни слова, взялся обучить своему нетрудному искусству Андрюшу. Пока мальчик не выступал на сцене, на его обязанности лежало ухаживание за шестилетним Робертом, большим задирой и забиякой.

Герта Шольц, любимая и единственная дочь директора, появившаяся перед публикою в качестве малолетней певицы немецких песенок, имела еще одну обязанность, возложенную на нее ее отцом, — следить за малолетними детьми, поступавшими в труппу, готовить их к их новому делу, внушать им в случае надобности бесстрашие и энергию к незнакомому еще труду.

Герта была тихая, кроткая двенадцатилетняя девочка, умевшая быть умной и серьезной не хуже взрослой. Она всюду и всегда появлялась вовремя. Капризничал ли маленький Роберт Дюруа, сердился ли его дед Пьеро, ссорились ли братья Ивановы, ожесточалась ли на поддразнивания своих гонителей Элла, насмешничал ли и задирали ли товарищей Никс, — Герта являлась всеобщою примирительницею и ангелом-утешителем в тяжелые минуты жизни, настоящею доброю феей труппы. Одновременно с этим Герта была и хозяйкою в «Большом доме» со времени смерти своей матери.

По утрам она поднималась раньше всех и разливала с помощью тетки в большой столовой чай, кофе и какао для всех участников труппы. Потом заказывала обед повару и собирала на репетицию младших артистов, осторожно напоминая старшим, что отец уже ждет их в театре.

Из театра присылались кареты; все усаживались в них после утреннего завтрака и ехали на репетицию. Помимо клоунов, эквилибристов, певиц и укротителей львов, у господина Шольца была еще оперная труппа артистов, которая, однако, не пользовалась квартирою и столом у директора театра, а жила в нанимаемых артистами на стороне комнатах и квартирах. С этою оперною труппою иногда играла и пела Герта. Для этого девочке приходилось разучивать небольшие партии и роли, доступные ее возрасту, и это отнимало у нее немало времени. К пяти часам вечера обитатели «Большого дома» возвращались домой обедать, а в восемь уже снова отправлялись в театр, где и выступали перед публикой в различных номерах, после исполняемой оперными артистами большой пьесы.

Герта по возвращении домой поила чаем и потчевала холодной закуской артистов и только после двенадцати часов ночи ложилась в постель. Все любили кроткую, ласковую, заботливую девочку, а негритянка Элла просто обожала ее. Для черной дикарки, приехавшей из далекой чуждой стороны зарабатывать кусок хлеба, белокурая кроткая Герта казалась каким-то неземным существом. За «госпожу Герту» Элла готова была исцарапать лицо и искусать руки кому угодно. Кого любила Герта, того любила и Элла. Герта с первого же дня привязалась к Сибирочке, и Элла стала смотреть такими же преданными глазами на Сибирочку, какими она смотрела на Герту.

Вот в какую обстановку и к каким людям попали Андрюша и Сибирочка и постепенно начинали входить во вкус этой новой, незнакомой им еще жизни.

Сибирочку взяла под свое покровительство Герта и даже поселила ее в своей маленькой, обитой розовой материей комнатке, где было всегда так хорошо и уютно.

Андрюша поселился с клоуном Пьеро и его внуком. Дети виделись, однако, постоянно и в театре, и дома, и в огромной столовой, где все члены труппы господина Шольца проводили свои досуги.

— Мисс Герта, позвольте вас просить приготовить маленький артистка. Мисс Сибирюшка выходит сегодня к Цезарь и Юнона в первый раз.

Голос мистера Билля, повторившего свое приглашение, звучал очень строго, а оловянные глаза пронизательным взглядом окинули обеих девочек — Герту и Сибирючку, стоявших за кулисами и любовавшихся силачкой Эллой, которая без труда нанизывала на каждый палец по десятифунтовой гире и легко, как перышками, вертела ими над головой.

Сибирючка заволновалась. Она была далеко не из трусливого десятка. Она, не задумываясь, побежала бы в темную тайгу ночью, но войти в клетку ко львам, к этим страшно рыкающим, свирепым великанам, страшно боялась, и дрожь охватывала все тело девочки при одной мысли об этом. Но Герта не дала ей много думать о ее новом положении и всячески старалась ободрить ее.

— Пойдем, я помогу тебе одеться, — ласково обнимая подругу, проговорила она и повела Сибирючку в небольшую уборную, где артистки при помощи горничной одевались к спектаклю.

Сибирючке не понадобилось звать горничную. Герта и освободившаяся от своих упражнений Элла помогли ей одеться. Они натянули розовое шелковое трико на стройное тело Сибирючки, коротенькую, всю в блестках, зеленую юбочку и, распустив ей локоны по плечам, растрепали их так, что они вдруг стали как-то похожими на львиную гриву.

— Помни, входить ко львам надо всегда в этом костюме, чтобы они привыкли к тебе, и волосы ты всегда взбивай таким образом: они примут тебя на первых порах за львенка и не тронут ни за что! — предупредила Герта Сибирючку и вместе с Эллой повела ее на сцену.

Там уже посреди подмостков возвышалась клетка, в которой металась взад и вперед из угла в угол оба зверя. Мистер Билль и Никс уже стояли готовые в своих обычных розовых трико и зеленых с блестками трусах. Мистер Билль держал в руках огромный бич и заряженный револьвер на всякий случай.

— Ну, пускай начинайте... С Богом!.. Никки, вы покажите вашему новому подруга, что надо делать! — скомандовал мистер Билль.

— Ступай за мною, — коротко приказал Никс и, взяв за руку Сибирючку, смело направился с нею к дверям клетки.

В эту минуту девочка искренне пожалела, что не умерла с дедушкой там, далеко в сибирской тайге.

Что-то щелкнуло позади нее. Это ударил своим бичом мистер Билль по железным прутьям клетки. Потом он спокойно открыл дверцу и очутился среди львов, трепля их гривы и говоря им что-то по-английски. Оба льва, тихо урча себе под нос, стали ластиться к укротителю, тереться головами о его ноги и, поднявшись на задние лапы, старались дотронуться мордами до его лица.

Сибирючка, забыв свой недавний страх, пораженная, глядела во все глаза на эту сцену. Голос Никса разбудил ее от ее задумчивости.

— Ну, что же ты? — крикнул он ей прямо в ухо и довольно грубо толкнул ее вперед.

Сибирочка тихо вскрикнула и подалась было на мгновение назад.

Но было уже поздно. Тяжелая дверь с грохотом захлопнулась за нею.

Она вместе с Никсом и мистером Биллем очутилась в клетке Цезаря и Юноны.

Глава VIII

Первый урок

Усилившееся рычание Цезаря, огромного льва с налитыми кровью глазами, возвестило о его недовольстве. Он тяжело поднялся со своего места, то есть из угла клетки, где успел улечься у ног укротителя, и направился к Сибирочке, все еще продолжая рычать.

Лицо девочки стало бледнее снега. Она беспомощно оглянулась назад. Если бы здесь был Андрюша, Сибирочка крикнула бы о помощи, и ее названный брат увел бы ее отсюда.

Но Андрюши не было здесь. Он занимался с m-г Пьеро и Робертом в своей уборной, разучивая с ними новые штучки и клоунские выходки, которыми надеялся потешать публику уже в конце этой недели.

— Не бойся ничего, Цезарь не тронет. Назад, Цезарь! — крикнул мистер Билль и, прежде нежели лев исполнил его приказание, изо всей силы ударил его бичом.

Цезарь с ревом отпрянул на прежнее место и, как послушный пес, улегся у его ног. Сибирочка с благодарностью взглянула на англичанина и не узнала его. Оловянные глаза мистера Билля горели, как факелы. Лицо, обычно спокойное, теперь было грозно. Казалось, в этом лице сосредоточилась вся его страшная сила, которою он властвовал над своими страшными зверями. Когда Цезарь с глухим ворчанием улегся у ног своего повелителя, последний приказал Никсу:

— Никки, начинай, пожалуйста, приручать к ребенку львицу!

— Юнона, сюда! — звонким голосом крикнул Никс.

Так как старая, ужасного вида львица не слушалась его, продолжая бродить по клетке из угла в угол, мистер Билль снова пустил в ход свой бич.

Юнона сделала скачок и завывала от гнева и боли.

— Сюда, Юнона, сюда! — закричал снова Никс, и, раньше нежели львица подошла к мальчику, он неожиданно очутился у нее на спине.

— Подойди к ней и дай ей это! — приказал мальчик, бросив Сибирочке кусок сырого мяса, вынутый им из кожаной сумки, повешенной у него через плечо.

Девочка дрожащей рукой взяла кусок и сделала шаг навстречу львице.

Львица сощурила глаза и потянула носом. Потом медленным шагом приблизилась к мясу и

очутилась около девочки. Ее огромная пасть была широко раскрыта. Она щелкала зубами от нетерпения получить лакомый кусок.

— Отойди в самый дальний уголок и позови ее оттуда! — еще раз скомандовал Никс, в то время как укротитель не спускал со зверя своего теперь ярко горевшего взора.

Сибирочка безмолвно повиновалась. Она вытянула руку вперед и позвала своим нежным голоском:

— Сюда, сюда, Юнона!

Львица на этот раз изменила своей медленности и быстро подошла к девочке, все еще, очевидно, надеясь получить лакомый кусок. Сибирочка отбежала от нее снова в угол и еще раз позвала оттуда зверя.

Равнодушный до этой минуты Цезарь тоже поднялся и потянулся, в свою очередь, за своей супругой.

Теперь уже Сибирочка не отступала больше, а поджидала, по приказанию мистера Билля, обоих зверей. Они медленно подползли к девочке, та протянула руку, и Юнона осторожно приняла из ее маленькой ручки первый кусок.

— Погладь ее и Цезаря, только не бойся и смотри им в глаза прямо и смело! — слышался новый приказ.

Сибирочка робко протянула руку и коснулась дрожащими пальчиками гривы обоих зверей, не отводя от них своего синего взгляда.

— На сегодня довольно! Завтрашний урок будет сложнее. А теперь ты свободна, — услышала над своим ухом голос укротителя девочка и с облегченным вздохом вышла из клетки.

Глава IX

Драка. — Непримирымый враг. — Первый выход

Прошел месяц. Наступила весна. Труппа господина Шольца перекочевала из зимнего помещения в летнее, выстроенное вроде цирка, с ареной посреди зала, усыпанной рыхлым песком.

Было воскресенье. Летний театр «Развлечение» давал свое первое представление. В это первое представление Сибирочка и ее друг Андрюша должны были тоже выступить впервые. На большой пестрой афише значилось:

Блестящий выход юного, необычайно остроумного, веселого и талантливого клоуна m-г Андре и новой, небывало смелой и неустрашимой укротительницы львов русской девочки-малютки Сибирочки — настоящего чуда света.

И «m-г Андре», и «чудо света» очень волновались в этот вечер.

Андрюша одевался вместе с четырьмя братьями Ивановыми в одной уборной. Старшие братья Ивановы смеялись над ним.

— Охота дураком рядиться. Лучше бы поступал в учение к нашему отцу... Он бы тебя таким прыгуном и гимнастом сделал, что просто чудо! А то Пьерошкиным штучкам выучился и думает, что умен!.. — хохотали они.

— Смотри, как вымазался-то!.. Теперь, брат, из уборной ни шагу: собаки увидят — разорвут.

— Ему, верно, брань Пьеро по душе пришлась. Не налюбуется он на своего старикашку! — засмеялся третий из братьев.

— Перестаньте его трогать! — вскричал младший Иванов, Вадим, жизнерадостный, красивый мальчуган с добрыми карими глазами. — Вы не понимаете, что Андрей из-за своего доброго сердца ни за что не оставит Пьерошку, хотя всюду у нас найдет какое угодно место. Он такой молодец! Ведь если бы Пьерошка не взял себе на помощь Андрея, Эрнест Эрнестович, наверное, выгнал бы его вместе с его внуком. Андрей мог бы остаться в цирке и не под начальством Дюруа. Всегда нужен такой. Старый клоун порядочно наскучил публике. И вряд ли он один сумел бы занять ее!

Вадим был прав. Старый клоун Пьеро не мог уже один забавлять публику, посещавшую театр. Все его старые проделки успели надоесть зрителям. Появление нового клоуна было как нельзя более кстати.

Андрюша лучше всех понял Пьеро. Старик был беден и несчастлив. Он жил ради внука и работал только для него. Он был желчен и сердит, старый Пьеро, и никто не любил его в труппе. И Андрюша всем сердцем жалел его. Старому клоуну трудно было зарабатывать своим

шутовским трудом кусок хлеба, тяжело было ломаться перед публикой, когда его дряхлые кости ныли и болели, прося отдыха. Андрюша всеми силами старался помочь ему в его труде. Труд клоуна не нравился и мальчику, но ему жаль было огорчать старика просьбой другой работы у директора театра. Он знал, что его участие в деле Пьеро и его помощь пришлись кстати. И когда сегодня насмешники братья-акробаты слишком пристали к нему, он только нахмурил свои черные брови и отвечал:

— Стыдно вам... Чего вы пристааете ко мне? Разве зарабатывать свой хлеб трудом позорно? В таком случае и вы поступаете скверно, ломаясь перед публикой!

— Молодец, Андрюша! Хорошенько, хорошенько их! — радовался Вадим, успевший сойтись с Андрюшей за последнее время и искренно полюбивший своего нового товарища по цирку.

Но Андрюше было не до него.

Андрюша сильно беспокоился в этот вечер. И не за себя беспокоился мальчик: его страшил первый выход перед публикой его названной сестры. Девочка должна была проделать трудную штуку с Цезарем и Юноной, которые едва-едва за этот месяц успели привыкнуть к ней.

Он наскоро натер себе лицо мелом, как учил его в продолжение месяца старый клоун, m-г Пьеро, густо покрасил румянами щеки, губы и кончик носа, замазал ресницы и брови (отчего его красивое личико приняло сразу глупо-растерянный вид) и, в своем широком клетчатом клоунском балахоне, в необычайно высокой шляпе, вышел за дверь уборной.

Маленькая, розовая, нарядная, как бабочка, девочка, вся в блестках, с распущенными кудрями по плечам и с яркой звездочкой из электрических лампочек над лбом, поджидала его у дверей уборной и, лишь только он появился, кинулась к нему на шею.

— Что ты, Сибирочка? Чего ты взволновалась так? Боишься? — наклоняясь к девочке и целуя ее, спросил заботливо Андрюша.

— Я ничего не боюсь, я не волнуюсь, только... только... я бы хотела снова очутиться в нашей Сибири с тобою вместе, — печально проговорила девочка, блеснув своими синими глазами.

— Ха-ха-ха-ха! — послышался грубый хохот, и Никс, розовый, нарядный, предстал так неожиданно пред ними, точно вырос из-под земли. — Нежная сцена: братец и сестрица празднуют труса пред началом представления, — насмешливо произнес мальчик и кнутиком, который держал в руке, слегка ударил по плечу Андрюшу.

— Не смей так шутить со мною! — серьезно и спокойно остановил его тот.

— Скажите, что за барин явился! С ним и пошутить нельзя! — пуще расхохотался Никс и еще раз, уже много больнее, прошелся кнутом по спине Андрюши.

— Берегись, или я отниму у тебя твой кнут, — спокойно проговорил Андрюша, хотя голос его дрогнул от затаенного гнева, а черные глаза ярко блеснули.

— Попробуй!

И в третий раз Никс поднял кнут, проговорив скороговоркой:

— Ты должен терпеть от меня все, потому что, не приведи я тебя сюда, ты и твоя глупая подруга должны были бы умереть на улице без куска хлеба!

— Вот потому-то, что ты сделал для нас это, я и не хочу проучить тебя, как ты этого заслуживаешь, и только отниму у тебя твой хлыст, — выходя разом из своего спокойствия, произнес Андрюша.

И, говоря это, он ловко выхватил кнут из рук Никса, сильными движениями руки сломал его на несколько кусков и далеко отбросил от себя.

— А, так вот ты каков! — закричал Никс и со сжатыми кулаками бросился на мальчика.

Но Андрюша ждал этого нападения и приготовился уже к нему. Мальчики схватились врукопашную. Кулаки Никса забарабанили по спине Андрюши. Руки Андрюши стиснули, как клещи, плечи Никса. Но вот Никс незаметно выставил ногу, Андрюша запнулся за нее, не заметив предательского приема своего противника, и пролетел на пол, увлекая за собой врага. Сибирочка бросилась к ним и умоляла опомниться, но никто ее не слушал.

Наконец Никсу удалось схватить за горло своего противника. В глазах Андрюши, ничего подобного не ожидавшего, разом пошли красные круги, и он почти лишился чувств.

Вдруг неожиданно Никс вскрикнул от боли. Над ним очутилась Элла, которая стала награждать мальчика звонкими шлепками.

— Убирайся, гадкая обезьяна! — закричал неистово Никс, вскочил на ноги и бросился на негритянку.

В ту же секунду он был отброшен от нее одним увесистым взмахом ее огромной руки.

— М-м-м, — мычала Элла, — м-м-м! Так! Так! Так!

Слово «так» она выучила недавно и очень гордилась этим.

Никс, не помня себя, завыл не столько от боли, сколько от гнева и обиды.

— Что за шум? Что здесь такое? — неожиданно предстал перед детьми м-г Пьеро с лицом, как и у Андрюши, вымазанным мелом и красками, в каком-то необычайно потешном фраке и в невообразимо широких штанах. Хотя м-г Пьеро был швейцарец, но говорил сносно по-русски и еще лучше бранился на этом языке, когда его ученики не понимали своего учителя. Но как скоро кто-либо выводил его из терпения, он начинал безбожно коверкать русские слова.

За его широкими штанами приютился шестилетний Роберт, который был одет в костюм бэби, или, вернее, спеленат с головы до ног, и напоминал собою куклу, наряженную грудным ребенком.

— Что за шум, что за крики, когда я скоро начинал наш представлений! — рассердился Пьеро. — Андре, что же это? Ты дерешься с Никсом?

— Я не виноват, м-г Пьеро, — произнес, стараясь говорить спокойно, Андрюша, приводя в порядок свой пострадавший во время схватки костюм.

— Нет, ты лжешь! Виноват только ты! Не притворяйся тихоней! — неистовствовал Никс, почти наскакивая снова со сжатыми кулаками на Андрюшу.

— Молшать! — бешено крикнул старый клоун, кидая на взбешенного Никса уничтожающие взгляды. — Я знаю тебя, негодяй!.. Знаю бездельника, задиру и лентяя... Я буду жаловаться на тебя мистеру Биллю. Пускай он выгоняет тебе. Пускай!..

Старик клоун хотел еще прибавить что-то, но в эту минуту в зрительном зале заиграла музыка, извещающая о начале представления.

— Идем, Андре, идем, Роберт, нам нашинать, — проговорил старый клоун и, легко подхватив на руки спеленатого Роберта, у которого оставались на свободе одни только ноги в розовых туфельках, исчез за драпировкой, отделяющей зрительный зал от кулис театра-цирка.

— До свиданья, Сибирочка, я выхожу на сцену, — прошептал Андрюша, взяв за руку свою названую сестру. — Пожелай мне благополучно проделать все, чему меня учил м-г Пьеро! До свиданья, прощай!

— Желаю тебе от души провалиться в тартарары! — со злобным хохотом крикнул ему Никс, но тут же невольно отшатнулся назад, потому что прямо перед ним выросла черная фигура Эллы.

Силачка негритянка весьма грозно показала ему кулак.

Глава X

Новый клоун м-г Андре начинает свои штучки

В занавеси, завешивающей выход на сцену-арену, была маленькая дырочка. Эта дырочка находилась как раз на высоте человеческого роста. Сибирочка была слишком мала ростом,

чтобы дотянуться до нее. Однако бедной девочке очень хотелось посмотреть, хотя бы в дырочку и одним глазом, как ее друг Андрюша станет проделывать свои «штучки» с Пьеро и его внуком. Но вот легкое мычание послышалось за плечами девочки, и не успела она опомниться, как чьи-то сильные руки подхватили ее, подняли на воздух, и Сибирочка почувствовала себя бережно опущенной на чье-то крепкое плечо.

— Элла, это ты! — прошептала она и благодарными глазами взглянула сверху вниз на черное, широко улыбающееся ей лицо негритянки.

— Так! Так! Так! Элла тебя любит, госпожа! М-м-м-м, м-м-м-м! — с самым довольным видом промычала негритянка.

Теперь, прильнув к маленькой дырочке одним глазом, Сибирочка могла великолепно следить за всем, что происходило на сцене.

Андрюша как раз в эту минуту выходил к публике. Важно, со степенным видом прошел он к середине арены, где сидел с невозмутимо спокойным видом м-г Пьеро, который, держа спеленатого Роберта вверх ногами, укачивал его, мурлыча вполголоса колыбельную песню, но настолько громко, что публика отлично слышала каждое слово:

Баю-баюшки-баю,

Я тебя качаю.

Я клоун, ты клоуненок,

Я кот, ты котенок,

Я человек, ты человенок...

— Вы неверно поете. Надо сказать не человенок, а ребенок, — с невозмутимым видом поправил его Андрюша, приблизившись почти вплотную к этой группе.

— А я говорил так: «я человек, ты человенок», и мне нравится, как я говорил, — еще более картавя и ломая язык, проговорил Пьеро, принимая глупый и обиженный вид. — И проходи, пожалуйста, своей дорожка.

И запел снова:

Баю-баюшки-баю,

Я тебя качаю.

Я клоун, ты клоуненок,

Я кот, ты котенок,

Я человек, ты человекеноч...

— Ты осел, а он осленок! — диким басом загудел на весь цирк Андрюша так, что Пьеро вместе со стулом и с Робертом очутились на земле, а публика покатила со смеху.

Пьеро сделал вид еще глупее и вдруг, широко улыбнувшись, поднял свою шляпу и самым неожиданным смешным образом произнес:

— Здравствуйте, пожалуйста!

— Здравствуйте, пожалуйста! — отвечал ему в тон Андрюша и, приблизившись к Пьеро, протянул руку.

Но у Пьеро на руках был Роберт. Старый клоун сделал бессмысленное лицо и проговорил:

— Извинить, пожалуйста, у меня занят моя ручка. Я сперва положит моего человекенка, а потом пожал ваш рука!

И, говоря это, он положил Роберта на песок, а сам протянул руку Андрюше и наклонил голову. Клоуны стукнулись головами и одновременно с комическим видом потеряли себе затылки.

— Уф, это не годит... Ви прошиб моя мозга! — затряс головою и зафыркал клоун Пьеро.

— Вы ошиблись, в вашей голове не было мозга, — с самым любезным видом, сняв еще раз шляпу, как бы извиняясь, произнес Андрюша.

— Как не было мозга на моя голова, — удивился клоун, — честное слово? Не было мозга, честное слово?

— Честное слово! — подтвердил Андрюша.

— Кар-рауль!.. Я потерял моя мозга... Надо давать знать в полицию! А ви не нашли моя мозга!.. Я вам верит, ви кароший человек!.. Здравствуйте еще раз! Кароший человек!

И неожиданно старый клоун снял шляпу и снова с самым почтительным поклоном склонился перед Андрюшею. Тот поклонился тоже, и произошло новое столкновение лбами. Опять потирание воображаемых шишек и снова вежливый поклон. И снова стуканье, и так раз пять.

Публика хохотала.

Сибирочка хорошо видела весь театральный зал, все ложи и места, спускающиеся уступами к арене, как в цирке. Особенно весело хохотали в одной ложе. Там сидел бледный, весь в черном господин, молодая дама и белокурая нарядная девочка лет девяти. Девочка смеялась звонко над проделками клоунов и громко вскрикивала от восторга. Иногда ее восторг проявлялся бурно, и тогда молодая дама и высокий господин наклонялись к уху девочки с белокурыми локонами и шептали ей что-то. Она затихала на минуту, делала недовольную рожицу, надувала губки и молча блестящими глазками следила несколько времени за клоунами. Потом забывалась снова и начинала хохотать и вскрикивать от удовольствия, не обращая внимания на замечания господина в черном и молодой дамы.

Эта девочка с немного надменным личиком, теперь, впрочем, оживленным улыбкой, почему-то заинтересовала Сибирочку. В ней было что-то резкое, что-то гордое и милое в одно и то же время, как будто девочка считала себя много знатнее всей этой публики и всех

присутствующих на представлении детей.

Между тем клоуны на сцене разошлись повсюду. Теперь они как будто ссорились, и Пьеро искал всюду своего спеленатого Роберта, который был пришпилен Андрюшей на спину самого Пьеро.

— Где мой человенок? — кричал неистово старый клоун.

— Он около вас. И не далеко, и совсем близко, и не совсем высоко, и совсем низко. Он висит и прямо, висит и криво, и потому некрасиво... Но чтобы узнать, где он, вы должны выйти вон, к зеркалу вернуться, встать к нему задом и обернуться! — с удивительно смешными гримасами пояснял Андрюша.

Публика хохотала. Девочка в нарядном платье хохотала громче всех.

Роберт между тем подражая ребенку, заплакал жалобно на спине у деда. Старый клоун, наконец найдя его, с растерянным видом произнес, засовывая палец в рот:

— Этот плютовка представлял из моей спины коляска. Очень карашо! Вот я буду наказать тебя.

И он улегся на спину, накрыв собою Роберта.

— Теперь он будет как в тюрьма! — с лукавым видом объявил он публике. И вдруг испустил пронзительный крик: — Мой человенок превратился в мотор!

Спеленатый Роберт соскочил очень ловко со спины деда и покатился по арене. За ним побежали Пьеро и Андрюша. Они настигали мальчика и садились на землю, чтобы схватить его, но, когда садились, он уже укатывался дальше. Так длилось несколько минут, пока Андрюша не бросился в песок и не стал кататься по земле следом за Робертом. Пьеро последовал их примеру. Старшим клоунам удалось наконец поймать младшего, и Андрюша, подхватив его, бросил Пьеро. Тот, как мячик, швырнул Роберта обратно, и так они перебрасывались до тех пор, пока Пьеро не грохнул малютку со всего размаха о песок и заревел при этом, как режут наказанные дети.

— Ой-ой-ой, что я наделал! Я убил тебя, мой человеночек! — вопил он, раскачиваясь над ним и причитая.

Роберт лежал на песке, не двигаясь, как мертвый.

— Надо его хоронить! Вырыть ему ямку и зарыть его! — предложил Андрюша Пьеро.

— Пойди и зарой!

— Сам пойди и зарой.

— Караул! Я не хочу!.. Я боюсь!

— И я боюсь!

— Пойдем вместе!

— Пойдем!

— Очено карошо!

Они взялись под руки и пошли, умышленно трясясь от страха и стучаясь друг о друга.

Потом улеглись на землю и поползли на четвереньках...

И вдруг, когда они уже были около Роберта, Пьеро тронул незаметно какую-то пружинку, скрытую в его пеленках. Роберт вскочил, взлетел на воздух и тотчас же опустился обратно, но уже без пеленок, а в нарядном костюме маленького итальянского рыбака и стал лихо отплясывать под веселые звуки оркестра.

Андрюша и Пьеро последовали его примеру, причем нелепые клетчатые балахоны и штаны их куда-то исчезли, и они оказались в таких же красивых неаполитанских костюмах, успев наскоро платком стереть краски с лица.

Окончив танец, Андрюша махнул рукою музыкантам и, перейдя на русскую плясовую, стал отплясывать казачка. Из-за кулис выбежала Герта с гармоникой в руках, наряженная в русский костюм, и лебедью поплыла по сцене.

Публика аплодировала и неистово кричала «браво».

— Bravo русскому мальчику! М-г Андре, браво! — неистовствовала публика, сразу догадавшись, что под итальянским покроем платья скрывается у юного клоуна настоящая русская душа.

— Ну, вот и кончили! — радостно произнес Андрюша, вбежав за кулисы и обращаясь к соскочившей с рук Эллы Сибирочке. — Ты видела меня?

— Все, все видела, — отвечала она, с восторгом глядя на него восхищенными глазами. — Ты очень хорошо исполнил все, что было надо... А особенно танец сошел хорошо! — восторгалась девочка, целуя своего названного брата.

— И м-г Пьеро похвалил меня, — весело проговорил Андрюша.

— Что-то будет со мною? — произнесла озабоченно Сибирочка. — Сейчас мой выход. Мистер Билль уже зовет меня.

— Мужайся... Я уверен, что ты будешь молодцом и заслужишь похвалу... Я буду стоять за занавесом и не спускать с тебя глаз, чтобы ты знала, что я здесь, рядом, и в случае надобности защищу тебя! Ну, иди же! Иди с Богом!

И он легонько толкнул девочку по направлению к выходу на арену.

Глава XI

Маленькая укротительница львов

Музыка играла что-то нежное-нежное, когда Сибирочка в сопровождении мистера Билля и Никса, вооруженных бичами, появилась на сцене. Первое, что увидела девочка, — это ближайшую к ней ложу, в которой сидела, уже замеченная ею сквозь отверстие занавеса, нарядная маленькая барышня, теперь державшая в руках огромную коробку и угощавшаяся конфетами из нее.

— Ах, какая чудная девочка! Смотри, папа, она такая же белокурая, как и я! — вскричала

нарядная маленькая барышня в ложе. — Прелесть, что за девочка, право!

— Надо говорить шепотом, Аля... Вы обращаете на себя общее внимание, — остановила ее дама, которая, по всей вероятности, была ее гувернанткой.

— Ах, отстаньте, вы мешаете мне смотреть! — сердито ответила девочка и надула губки. — Львы! Львы! О, какие страшные! — кричала она снова через минуту, увидя появившуюся на арене большую клетку. — Неужели эта маленькая девочка пойдет к ним туда?!

— Тише, Аля, говори шепотом, детка! — ласково остановил ее молчавший до сих пор бледный господин в темном костюме.

Девочка мгновенно стихла.

Лишь только львы появились на арене, Сибирочка смело прыгнула к дверям клетки и, с улыбкой держась за задвижку этой двери, послала публике воздушный поцелуй.

Теперь она уже ничуть не трусила Цезаря и Юноны; за этот месяц львы успели настолько привыкнуть к девочке, что без всякого недовольства подпускали ее к себе, позволяя ей проделывать с ними всевозможные штуки.

Мистер Билль не вошел в клетку с нею, а поместился неподалеку, подле ее двери. Сибирочка же и Никс смело переступили ее порог под оглушительные аплодисменты публики.

Цезарь и Юнона мигом подошли к детям. Никс первый должен был показать свое искусство юного укротителя львов. Он вскочил на спину Цезаря и, ударив его хлыстиком, стал скакать на нем по клетке, как на коне. Публика, удивляясь и восторгаясь его смелости, кричала «браво». Тогда улыбающийся, торжествующий и гордый своим успехом мальчик соскочил с Цезаря и заставил служить Юнону, дав ей небольшое ружье в передние лапы. С покорностью львица проделала все, что требовалось от нее. Наконец следовал самый сложный номер в исполнении Никса. Юнона должна была выстрелить из ружья и как бы убить Никса, потом, оглушая воздух пронзительным ревом, сесть над мнимо умершим мальчиком, щупать его сердце, пульс, обнимать и целовать его. Когда же Никс вскочил на ноги, львица, а с нею и Цезарь, обхватив друг друга на радостях, заплясали какой-то танец, к полному восторгу публики, хлопавшей неистово в ладоши и кричавшей: «Браво, Никс, браво!»

Счастливый и улыбающийся Никс раскланивался со зрителями, и никто бы не узнал теперь в этом приветливом, славном мальчике всегда грубого и сердитого Николая Вихрова.

Но вот наступила очередь действовать Сибирочке.

Никс выскочил из клетки, посылая поклоны и поцелуи все еще аплодировавшей ему публике, а Сибирочка заступила его место.

Она начала с того, что своей маленькой ручкой толкнула Юнону. Юнона толкнула Цезаря, и оба они повалились на пол и забарахтались на деревянном полу клетки.

С легким вызывающим криком Сибирочка бросилась на зверей и, весело смеясь, стала возиться с ними на полу клетки. Публика уже не кричала теперь «браво». Публика затихла и, затаив дыхание, следила за этой опасной игрой хищных диких зверей с ребенком. Сделай Сибирочка хоть одно неверное движение, не пришедшееся по вкусу львам, и звери разорвали бы в одно мгновение свою укротительницу. Это отлично понимала публика и, чуть дыша, смотрела на арену.

Белокурые волосы девочки спутались с золотистыми гривами страшных зверей. Ее руки попадали то и дело в их горячие пасти, ее пальчики теребили их за уши, дергали их за волосы, хлопали по ноздрям, из которых валил пар. Наконец, крикнув что-то звонко и задорно, Сибирочка вскочила на ноги... И тут публика буквально замерла от ужаса при виде того, что произошло вслед за этим. Сибирочка быстро подбежала к Цезарю и, заставив его легким криком усесться перед нею, обеими ручонками схватила его огромную морду и широко раскрыла пасть зверя.

Тут публика не выдержала и громко ахнула всем театром. А маленькая белокурая головка в это время очутилась в пасти Цезаря между двумя рядами острых зубов зверя...

Сибирочка открыла свой розовый ротик и, улыбаясь своими чудно разгоревшимися синими глазками, запела песенку о львах — царях пустыни, попавших нежданно в неволю к людям...

Страшно было видеть эту миниатюрную детскую головку, беспечно распеваящую в огромной пасти великана льва...

Синие глаза сверкали, как две чудные сапфировые звезды на фоне багрово-черного неба чудовища.

— Довольно! Довольно! — кричала публика, и, когда улыбающаяся, хорошенькая, как полевой цветок, Сибирочка выбежала из клетки, оглушительным восторгам зрителей не было конца.

— Bravo, Сибирочка, bravo! — кричали сидящие в ложах, в партере и на задних скамьях на самом верху.

— Молодец! Bravo! Она лучше Никса! Она смелее Никса! И такая крошка! Такая малютка! Никс великан перед нею! Где же Никсу проделать все это! Bravo, bravo! — слышались отдельные голоса.

Нарядная девочка в ложе кричала громче всех.

— Папа, — дергала она за руку отца, не отводя глаз от весело раскланивающейся с публикой Сибирочки, — папа, позови ее к нам сюда! Я хочу ее видеть! Хочу! Хочу!..

— Этого нельзя, моя девочка. Этого нельзя, — успокаивал ее господин в черном, — маленьких артистов не пускают в публику...

— Кто не пускает? Кто смеет не пускать? Несносные! Противные! — горячилась девочка. — Отчего не пускают?.. Я хочу! Я хочу! А если не пускают, так я вот что сделаю!..

И не успели господин и молодая дама остановить девочку, как она схватила коробку с конфетами, лежавшую у нее на коленях, быстро рванула ленту, связывавшую ее локоны, и, перевязав на скорую руку этой лентой коробку, широко размахнулась и бросила коробку вниз, к ногам изумленной и растерянно улыбающейся Сибирочки.

— Ну, чего стоишь? Бери! Тебе ведь! — услышала в ту же минуту Сибирочка голос Никса у своего уха и увидела бледное, исковерканное злою гримасою лицо мальчика.

«Что с вами, Никс? Отчего вы рассердились?» — хотела было спросить она мальчика, но он так сердито взглянул на нее и так больно сжал ее пальцы, схватив ее за руку и увлекая с арены, что вопрос так и замер на губах девочки.

Зависть и злоба. — Враги Андрюши и Сибирочки

Было ясное весеннее утро. Стоял красавец май. Все артисты труппы театра «Развлечение» сидели за завтраком. Миловидная Герта, как настоящая взрослая хозяйка, оделяла всех кушаньями. Элла, сидя подле своей любимой госпожи, не сводила с нее глаз. Подле Эллы приютилась Сибирочка, а рядом с Сибирочкою — Андрюша. Дети весело болтали на странном смешном языке, который вряд ли был понятен им самим. Это делалось для Эллы, которую лишь восемь месяцев тому назад привезли из Африки и которая не умела говорить иначе, как по-негритянски.

Весело вспоминали дети последнее представление, во время которого белокурая девочка из ложи бросила Сибирочке коробку конфет.

— Я не раз встречала эту девочку на улице, — проговорила Герта, — она, должно быть, очень богатая и важная барышня. На ней всегда такие нарядные костюмы, и ездит она в экипаже, запряженном парюю прекрасных рысаков.

— О! — подняла палец кверху Элла, догадавшись, о чем шла речь, и стала делать уморительные гримасы, желая изобразить свой восторг перед маленькой русской госпожой.

— А все-таки ты, милочка, лучше ее! — улыбнулась с чрезвычайной нежностью Сибирочке Герта. — Если б ты знала, какую красоточкою ты выглядела в клетке у львов! И такая смелая, такая храбрая! Признаться, у меня сердце екнуло, когда я увидела твою головку в пасти этого свирепого Цезаря.

— Да, маленький мисс у нас совсем молодец. О, она, эта малютка, перещеголяет Никса! — вмешиваясь в разговор детей, произнес мистер Билль, завтракавший за отдельным столом с директором, его теткой, господином Ивановым, главою акробатов, и клоуном Дюруа.

Мистер Билль редко хвалил кого-нибудь, и поэтому все очень удивились его неожиданной похвале.

— Молодец мисс Сибирушка! — продолжал он, глядя на порозовевшую от удовольствия девочку. — Молодец! Куда нашему Никсу! О, я придумайт один весьма хороший игра... представление... Публикум будет в восторге. И Андре будет читать. Андре тоже! Дюруа похваляйт. О, это будет чудесный штук, то, что я придумал.

Мистер Билль был, очевидно, в самом лучшем настроении духа. Успех Сибирочки совсем преобразил его. Оловянные глаза англичанина блестели, на желтом лице играл румянец.

— О, — произнес он снова через минуту, — вышел мисс Сибирушка первый разов и большущий коробка конфет уже получайл. Этого не бивало еще никогда. Никс не помогал нишево! Надо беречь мисс Сибирушка и выпускать на публика пореже, как можно пореже. Пускай на зверь выходит кто похуже, пускай выходит Никс.

И, совершенно спокойно произнеся эту фразу, мистер Билль отвернулся и заговорил о том же с директором Шольцем, продолжая восхищаться девочкой.

— Поздравляю, поздравляю, Сибирочка! Видишь, как дорожит тобою мистер Билль, — зашептали Герта и Андрюша на ушко ошастливленной девочке, в то время как силачка Элла, не говоря ни слова, сцапала ее в свои железные объятия и, нежно прижимая ее к себе, начала целовать.

— Как ты чувствуешь себя сегодня? Каково тебе? Небось не пришлось по сердцу эти похвалы?

Эта фраза, сказанная старшим Ивановым, точно молотом ударила в ухо Никса. Во все время завтрака он сидел сам не свой, то бледнея, то краснея каждую минуту.

Похвалы Сибирочке точно ножами резали и терзали его завистливую душу. Никс был взбешен на девочку, на ее шумный успех, на мистера Билля, захвалившего ее, на Эллу, Герту и Андрюшу, восторгавшихся ею. Но больше всего был зол на себя за то, что он сам привел «негодную девчонку» (теперь Никс не называл иначе Сибирочку) к мистеру Биллю и сам дал ей возможность показать себя.

Слова мистера Билля о том, что ему, Никсу, далеко до Сибирочки, что он не так хорош, смел и ловок, как она, приводили его в бешенство. Самая черная зависть глодала душу мальчика. А тут еще Денис Иванов, угадав, что происходило в сердце озлобившегося, завистливого Никса, словно подливал масла в огонь.

— И тебе не стыдно уступать свой успех какой-то глупой девчонке? — шептал он на ухо Никсу. — Ты такой молодчинище, и вдруг...

— Ну, какой он молодчинище — зареветь готов! — подзуживал с другой стороны Никса второй брат, Глеб.

— Понятно, зареветь! Фи, стыд какой! А еще мужчина! — захохотал третий, Петр. — Да я бы на твоём месте не ревел, а проучил бы их всех хорошенько, и девчонку эту, и мальчишку, Андрейку негодного. Тоже, поди, нос задрал, загордился своей пляской, — продолжал он тише. — Пока его не было, я плясал и русскую, и все. Меня публика чуть на руках не носила, а тут на вот, как снег на голову свалились оба... О, будь я на твоём месте, я бы вздул их обоих так, что любо-дорого.

— Не стану я рук марать о девчонку! — презрительно оттопыривая губу, произнес Никс.

— Ну, так Андрейку отколоти как следует — девчонке это еще больнее будет, чем ее самое обидеть. Он к тому же и зазнался не в меру! А мы поможем тебе! — предложил снова Глеб.

— Поможете?

— Конечно. Только ты брату Вадимке не говори. Он с Андрейкой дружен... Сейчас ему насплетничает о нашем решении. А уж руки у меня на этого Андрейку чешутся. Еще бы! Вчера еще Шольц говорит отцу: «Вот, — говорит, — если б кто-нибудь из ваших сыновей мог выучить акробатическим штукам Андре, он бы всех за пояс заткнул. На диво ловкий мальчик!» Вот мы и покажем этому ловкому... Проучим хорошенько. Ведь точно принц какой: нос задирает, не разговаривает с нами даже. Гусь!

— Сначала его проучим, а потом придумаем, как бы Сибирку эту с места сдвинуть, — нашептывал на ухо Никсу Денис Иванов.

Никс угрюмо мотнул головою.

В его душе не было сейчас места ни одному светлому чувству; напротив того, в голове Никса зрело одно новое решение, которое он ни за что бы не высказал своим новым друзьям.

Глава XIII

Письмо. — Сюрприз. — Затея Никса

«Милая маленькая девочка! Я не знаю твоего имени и потому просто называю тебя милой маленькой девочкой. Пожалуйста, не сердись на меня за это. Тебя называют Сибирочкой. Почему? Должно быть, ты родилась и выросла в Сибири... Так сказал мне мой папа — князь. Я тоже была в Сибири, но очень давно и не помню, когда это даже было... Тогда я была совсем маленькой девочкой. Теперь я большая. Мне уже девять лет. А тебе сколько? Какая ты храбрая! Когда я увидела твою голову в пасти этого ужасного льва, я чуть не закричала от испуга. Я думала, что он тебя съест. М-лле Софи, моя гувернантка, сделала мне выговор за то, что я бросила тебе конфеты, а не послала их с лакеем. Она говорит, что это неприлично, потому что я княжна и княжне надо уметь вести себя. А ты не княжна, маленькая девочка? Это хорошо и худо. Хорошо — потому что ты можешь кричать и тебя не останавливают каждую минуту, можешь громко разговаривать, смеяться, а худо — потому что у тебя нет таких нарядных платиц, шляп, нет таких игрушек с картинками, как у меня, и ты должна входить в клетку этих ужасных львов, потому что иначе тебе нечем будет кормиться! Мне очень жаль тебя... Когда ты снова будешь давать представление, мой папа — князь повезет меня в театр. Ну, вот видишь, как много я тебе написала! М-лле Софи говорит, что я худо написала и испортила двумя кляксами письмо. Но это ничего. Тебе приятно будет получить это письмо и с кляксами, тем более что вместе с кляксами ты найдешь в нем и маленькое колечко с рубином, которое я тебе дарю. Когда я буду в театре, я приду к тебе с папой за занавес. Ведь пустят? Должны пустить. Мой папа — князь, очень богатый и важный барин. У него столько денег, что если их навалить в кучу — получится гора.

Прощай, Сибирочка! Скоро я тебя увижу.

Княжна Аля Гордова».

Это письмо несколько раз подряд было прочтено Гертой, самой Сибирочкой и Андрюшей. На пальчике Сибирочки уже красовалось приложенное к письму прелестное кольцо с рубином, похожим на алую капельку крови. И письмо, и колечко рано утром доставил высокий лакей, одетый, как барин. Лакей пришел с парадного крыльца и спросил, можно ли ему видеть «барышню Сибирочку». Смущенная девочка вышла к лакею, и тот вручил ей письмо с колечком.

— Вот видишь, — весело говорила Герта Сибирочке, — вот видишь, у тебя нашлись покровители и друзья. Я очень счастлива за тебя, милочка.

Счастлив был за свою милую подругу и Андрюша, счастлива и Элла. Негритянка прыгала и хлопала в ладоши, пальцем показывая на колечко. Сибирочка написала ответ, в котором поблагодарила свою новую подругу, и вручила письмо лакею.

Потом Андрюша, она и Герта поехали на репетицию в театр, где их уже ждали остальные члены труппы.

Мистер Билль и господин Шольц придумали неделю тому назад совершенно новое и

чрезвычайно интересное представление, какого еще не приходилось видеть посетителям театра «Развлечение».

Они решили представить на сцене то, что было почти две тысячи лет тому назад. Это была небольшая пьеса из времен гонения римлян на христиан, сочиненная самим мистером Биллем. Она заключалась в следующем.

Девочка-христианка, по имени Вероника, живет в Риме, которым правит цезарь, то есть император, Нерон.

Нерон запрещает христианам верить в Христа и мучает, и пытается всех, кто не хочет поклоняться бездушным идолам, которым поклоняется сам император и его приближенные.

Веронику, которую должна была изображать Сибирочка, схватывают слуги Нерона и приводят ее по приказанию цезаря в клетку со львами, которые и должны растерзать девочку-христианку.

Львы готовы броситься на нее, готовы вонзить в нее свои когти, но девочка надевает на шею одного из них венок из лавров, брошенный ей в клетку Нероном, как бы в насмешку над нею, и лев тут же преклоняет колена перед девочкой Вероникой. Его примеру следует другой лев, и Вероника здоровой и невредимой выходит из клетки, получает прощение императора, приближенные которого тут же уверовали в Христа.

Эту небольшую пьесу очень усердно разучивали теперь дети: Никс, Андрюша, Герта, Сибирочка и другие. С утра до вечера они находились теперь в театре-цирке и проделывали все, что требовал от них мистер Билль.

В то утро, когда лакей князя Гордова принес письмо и подарок Сибирочке, репетиция немного запоздала, так как мистер Билль пошел осматривать с врачом ногу Юноны, которую та нечаянно подвернула во время последнего представления.

Господин Шольц был занят у себя в кабинете. Старик Дюруа занимался со своим внуком, которого, вследствие его молодости, учил отдельно.

Никс и три старших брата Ивановы были уже на арене, когда Герта, Элла, Сибирочка и Андрюша появились там.

— Что это у тебя на пальце? Откуда ты стащила такую прелесть? — грубо крикнул Никс, успевший сразу заметить на тоненьком мизинце Сибирочки рубиновое кольцо.

Последняя вспыхнула от обиды. Вспыхнула и Герта за свою любимицу, в то время как негритянка, слыша грубый голос и заметя вызывающий тон мальчика, грозно сдвинула свои сросшиеся брови.

Зато Андрюша был бледен, как белый воротничок его рубашки.

— Как ты смеешь обижать девочку! — сдержанно произнес он, не возвышая голоса, в то время как глаза его уже загорелись гневными искрами.

— Ах, скажите, пожалуйста, какие нежности! Не забудь, что я должен знать все, что касается вас. Я вас поставил на место и за вас отвечаю. Девчонка стянула где-то кольцо, и я не должен этого заметить... — начал было с хохотом Никс и не докончил своей фразы.

В два прыжка Андрюша очутился около него. Его тонкие, но сильные пальцы, как клещи, впились в плечо Никса. Его перекошенное лицо с бешенством приблизилось к лицу противника.

— Слушай, ты, — произнес он голосом, от которого Никс невольно вздрогнул, — если ты посмеешь когда-нибудь еще дурно обращаться с нею, — он обратил взгляд на Сибирочку, — то я... то я разделаюсь с тобою сам! Слышишь ты меня?!

И Андрюша оттолкнул от себя не ожидавшего ничего подобного Никса так, что тот закачался из стороны в сторону и в тот же момент растянулся на песке, во всю свою длину, под звонкий хохот всех присутствующих.

Глава XIV

Таинственная каморка. — Черный дух

В большом летнем театре имелся длинный подвал. Этот подвал, вернее, целое подземелье, был устроен для того, чтобы там складывать старые и новые декорации, всевозможные театральные костюмы, имущество театра и цирка и прочие вещи, необходимые для каждого хозяина театрального дела. Часть этих вещей находилась в здании обоих театров, часть была сложена здесь.

Этот огромный подвал состоял из длинейших переходов, образовавшихся от нагроможденных здесь ящиков и кулис, и заканчивался небольшою каморкою, куда никто не заходил даже днем, потому что там было темно, как в могиле, и слышалась какая-то неприятная и шумная возня. Разумеется, это возились крысы, но у младших членов труппы театра «Развлечение» было убеждение, что внизу, в подвале, живет черный дух, хозяин подземелья, который и ночи, и дни проводит в каморке. Если бы кто-либо заглянул сюда в перерыв между репетициями, то понял бы, какой там хозяйничал дух или, вернее, четыре духа разом.

Лишь только днем кончалось первое отделение занятий на сцене и давался часовой отдых, три старших брата Ивановы и Никс Вихров незаметно уходили и один за другим пробирались сюда.

Здесь один из них доставал огарок свечи и зажигал его. Другой вынимал из разных карманов всевозможное угощение. Тут были и сласти, и фрукты, и закуски, и даже вино. Употребление вина строго воспрещалось в «Большом доме» у господина Шольца. Но старший из братьев Ивановых успел утащить бутылку вина из погреба хозяина, которое исключительно держалось для гостей, и распивал его с братьями и Никсом. Последнего он успел тоже приучить к этому дурному делу. Если запастись лакомствами и вином было почему-либо неудобно этим путем, Никс покупал это угощение на свои деньги, которые умел всегда выклянчивать у матери, не чаявшей в нем души.

Они пировали здесь днем, пировали во время представлений, в перерывах между выходами на сцену.

Братья Ивановы были испорченные молодые люди, но Никсу они казались самыми лучшими друзьями, и он во всем старался подражать им. Если Денис, Глеб и Петр Ивановы курили — курил и Никс, хотя курение и не доставляло ему ровно никакого удовольствия. Пили братья вино — пил и Никс, хотя от вина его тошнило и нестерпимо болела голова. Но Никсу не хотелось отстать от своих старших товарищей, и он во что бы то ни стало желал показаться им

вполне взрослым молодым человеком. Это было гадко, глупо и смешно. С этой целью четыре друга удалялись в крохотную комнатку подполья, где пировали, не боясь быть открытыми начальством и стариком Ивановым, который, разумеется, сильно рассердился бы на своих сыновей.

— А ведь я придумал славную штучку! — воскликнул Никс, только что выпивший большую рюмку вина, отчего у него закружилась голова.

— Что ты еще придумал? — спросили у него три брата-акробата.

Они с Никсом сидели в этот вечер в каморке подземелья прямо на полу, поджав под себя ноги по-турецки.

Перед ними стоял ящик, уставленный старыми, с отбитыми краями тарелками, наполненными лакомствами до краев, и едва початая бутылка вина. И вино, и сласти на этот раз были унесены из кладовой директора, пока Герта, выдававшая повару провизию, утром отлучилась на кухню, оставив дверь не запертой на ключ.

— Что ж ты придумал?

— А вот что: вам известно, друзья мои, что в пьесе «Христианка и львы» я играю Нерона. Я сижу на троне и бросаю венок в насмешку над обреченной к смерти Вероникой. Она надевает его на шею Юноны. Так вот — ха-ха-ха! — в венок я спрячу две острые иголки и... и... воображаю, как захочет слушаться негодную Сибирку львица, когда ей вонзятся в тело по обе стороны шеи две острые иглы! Ха-ха-ха-ха! Разумеется, покорности от нее тогда и не жди! И вместо того чтобы улечься к ногам девчонки, она запрыгает бесом по клетке!.. Ха-ха-ха-ха! Вот то будет потеха! И уж выругает мистер Билль Сибирку за это... И перед публикой она осрамится, и нагоняй получит, и никто уже не станет хвалить ее и подносить ей подарки! Ха-ха-ха-ха!

— А вдруг львица рассвирепеет и кинется на Сибирочку? — тревожно произнес один из младших Ивановых, в котором еще не вполне заглохли хорошие порывы.

— Ну вот еще! Так вот тебе и кинется сразу! У меня будет револьвер наготове, и я выстрелю чуть что, да и мистер Билль не допустит: он всегда находится тут же, рядом, поблизости у клетки. И потом, стоит только чуть-чуть ранить львицу, чтобы она забыла все и, бросив намеченную жертву, кинулась разыскивать обидчика...

— Ну, в таком случае все пойдет отлично, — одобрил Никса Денис Иванов, — все увидят, что девчонка испортила пьесу, не умея внушить покорности львам. И публика уже не будет на ее стороне, и опять ты станешь, Никс, ее любимцем.

— О, мне это безразлично! — с деланно небрежным видом произнес Никс. — Я скоро уйду от Билля, и он один с Сибирочкой поедет в Америку подыскивать и приручать новых молодых львов.

— Он возьмет и Андрея! — произнес старший Иванов и тотчас же добавил с лукавой усмешкой: — А ты, Никс, так и забыл, как тебя оскорбил Андрей, и простил ему все, как божья коровка!

Никс вспыхнул до корней волос.

— Я?.. Я?.. Я простил? — залепетал он смущенно.

— Ты... ты... — передразнил его Денис. — Что ты дашь мне за то, если мне удастся заманить сюда Андрея?

— Как что? — так и всколыхнулись его два брата и сам Никс.

— Ну да! — продолжал с усмешкой Денис. — Я поспорил сегодня утром с Андреем. Я сказал ему, что, вероятно, он боится, как и все здешние ребята, черного духа, который бродит в подполье. Он ответил, что не боится ничего. Тогда я ему сказал: докажи и приходи сегодня вечером в перерыв представлений. И глупый мальчик обещал прийти. Сейчас он явится сюда... Нам остается только проучить его как следует и навсегда отвадить от глупой привычки важничать перед нами.

— О, какой вы умный, Деня! Как вы славно придумали все это! — вскричал Никс. — Я сделаю вам за это все, чего бы вы ни пожелали! Но, чу... вы слышите шаги? Это он!.. — внезапно прервал Никс свою речь.

Действительно, в подполье кто-то шел по направлению к каморке. Все три брата и Никс чутко насторожились... Вот ближе... ближе шаги... еще ближе... Теперь они уже у самых дверей каморки.

— Сейчас он войдет! Слушайся, братцы, меня! — скомандовал шепотом Денис. — Я первый подскочу к нему и схвачу его за руки, чтобы он не мог защищаться. Вы же хорошенько прибейте его, не жалея кулаков. Потом мы свяжем его и оставим здесь, а сами пойдем к господину Шольцу и приведем его сюда. Он увидит связанного Андрея, недопитую бутылку и закуску из своего погреба и... и... решит, что благодетельствованный им мальчик бездельник и вор. А мы все четверо подтвердим это...

— Прекрасно, прекрасно! — зашептали два младших брата Ивановы и Никс. — Теперь-то мы доберемся до него, как и следовало бы давно! — И, потирая руки, они стали ждать появления Андрюши.

Еще ближе послышались шаги. Теперь уже совсем-совсем близко... Кто-то тронул дверь... Скобка звякнула, и...

Высокое, в черном плаще существо, со страшным бледным лицом, появилось на пороге каморки. На голове, покрытой черным капюшоном, торчали рога. Из-под плаща змеился длинный хвост. Стекловидные глаза слабо мерцали при тусклом свете огарка.

— Ага! Попались! Будете хозяйничать в моем царстве! Вот я вас за это! — гробовым голосом произнес неизвестный посетитель и, отделившись от двери, огромными шагами двинулся вперед.

— Ай-ай-ай, черный дух! — взвизгнул не своим голосом Никс и, продолжая неистово визжать, закрыл лицо руками и вне себя повалился на пол.

Два младших Иванова присели тут же, подле него, шепча молитвы.

— Чур, меня! Чур, меня! Чур, меня! Чур! Чур! Чур! — закричал дико, вытаращив глаза на страшное явление, старший Иванов и забился носом в самый угол каморки.

— Ха-ха-ха-ха! И трусы же вы, братцы! Сами черным духом пугали и сами же первые его испугались! — раздался веселый звонкий смех из-под капюшона, и вмиг полетела с грохотом

страшная маска с высокой палки, на которой она была надета, упала черная мантия, отскочили рожки с хвостом — и смеющееся лицо Андрюши предстало внезапно перед насмерть перепуганными друзьями. — Ха-ха-ха-ха! Это я... Я же, глядите, трусы! — весело вскричал он. — Я шел к вам, да по дороге увидел в каком-то раскрытом сундуке в подполье старый, заношенный костюм с рожками и хвостом и эту маску и напялил все это на себя. Дай, думаю, припугну их в шутку... А выходит, что вы — трусы и на самом деле испугались. Ха-ха-ха-ха! — тем же веселым смехом заключил он свою речь.

Юноши во все глаза смотрели на него, еще не понимая сути дела. Наконец Денис Иванов тихонько вышел из своего угла. Никс, все еще продолжавший тихо подвизгивать, точно испуганная комнатная собачка, тоже нерешительно приподнялся с земли. Так же нерешительно встали на ноги и другие два брата, Глеб и Петр.

— Так это ты, а не черный дух, на самом деле! — произнес Денис.

— Ха-ха-ха-ха! Ну разумеется, я! — пришел совсем уже в веселое настроение Андрюша.

— Это он! — словно эхо проронили Никс и два младших Иванова в один голос.

— Это он! — подтвердил их брат Денис, и у него сделалось в эту минуту сконфуженное и очень глупое лицо.

— Но как же ты смеешь смеяться над нами?! — неожиданно разразился он, глядя сердитыми глазами на все еще продолжавшего смеяться Андрюшу.

— Да, как ты смеешь?.. Мы проучим тебя за это! — послышались угрожающие голоса его братьев.

— Да, да, проучим, проучим! — подтвердил внезапно обретший свою прежнюю храбрость Никс.

— Вот я тебя за это! — гаркнул во весь голос старший Иванов и кинулся на мальчика с поднятыми кулаками, прежде чем тот успел что-то сообразить.

Кинулись вслед за ним и его братья, и Никс Вихров на Андрюшу. Но тут случилось нечто неожиданное! Андрюша внезапно прыгнул на середину каморки и в одну секунду затушил свечу. Полная тьма воцарилась теперь здесь. В этой темноте только слышалась какая-то отчаянная возня и наконец раздался звенящий слезами голос Никса:

— Вы с ума сошли, Денис! Мне больно! Вы дергаете меня за волосы... Ой-ой-ой-ой!

— Да разве это ты, Никс? — послышался изумленный голос старшего Иванова.

— Я! Разумеется, я! Да оставьте же мои волосы, говорю я вам.

— Вот странно! А я ведь думал, что это Андрюшка.

— Андрюшка должен быть в противоположном углу, — откликнулся Глеб.

— Держи его, братцы! — неистово закричал Петр и метнулся по подполью в полной темноте.

— Ай-ай-ай! Это не Андрюшка, а я! Я же — Денис! Как ты смеешь меня бить! Я пожалуюсь отцу и господину Шольцу! — неистово завопил он в тот же миг на все подполье.

— Ах, это ты! Прости, пожалуйста, и не хнычь! Я думал, это Андрей. Да где же он, наконец?

Братья Ивановы и Никс носились в потемках, награждая шлепками и тумаками один другого, причем они тут же узнавали свои промахи и неистово бранили Андрюшу, который давно успел уже в это время подняться наверх и, весело смеясь, рассказывал обо всем происшедшем своим друзьям. Только перед самым началом второго отделения спектакля четыре истерзанные, в разорванных платьях, с предательскими синяками на лбу, растрепанные фигуры вылезли из подполья.

Господин Иванов сделал строгое внушение своим сыновьям, мистер Билль — Никсу, а господин Шольц пригрозил выключить всех четверых из своей труппы, если что-либо подобное повторится еще раз. Господин Шольц еще не знал всего, что случилось, и бранил юношей только за драку и шум, доносившийся к ним все время из подполья. Андрюша же был далек от намерения поведать всю правду. Благородный мальчик не хотел причинить никому зла.

Глава XV

Снова княжна Аля. — Счастливый день

— Вас зовут, дитя мое! За вами пришли!

И господин Шольц, взяв за руку Сибирочку, с таинственной улыбкой повел ее через столовую, где только что окончился завтрак, в приемную, куда заглядывали иногда редкие знакомые и друзья обитателей «Большого дома». У дверей приемной директор оставил девочку и ушел. Она была очень удивлена. Она никого не знала, кто бы мог прийти к ней. Правда, та странная маленькая аристократка-барышня обещала побывать у нее в театре в вечер представления пьесы «Христианка и львы», но до этого представления оставалось еще два дня, стало быть, княжна Аля только через два дня могла заглянуть, и то только в театр... Кто же это мог быть?

Выходя из столовой, Сибирочка успела обменяться быстрым взглядом с Андрюшей, лицо которого выказывало тоже живейшее любопытство. Нерешительно, несмело вошла в гостиную Сибирочка. При ее появлении со стула поднялась нарядная, в белом пальто барышня и с веселым смехом бросилась к ней навстречу.

— Вот и я! Вот и я! — вскричала весело княжна. — А ты не ждала меня? Не ждала? Ведь правда? Здравствуй, маленькая девочка! — залепетала она, покрывая лицо Сибирочки градом нежных поцелуев. — Я приехала к тебе, потому что не могла дожидаться свидания с тобою еще два дня... Не правда ли, я поступила хорошо? Папа написал письмо твоему начальнику, чтобы он отпустил тебя на целый день к нам. Господин Шольц позволил, и мы проведем отлично денек! Я так рада тебя видеть. Ты ведь тоже любишь меня? Ты рада мне?

Слова у княжны Али сыпались, как искры. Она едва-едва успевала произносить их.

Сибирочке не было никакой возможности отвечать что-либо своей болтливой гостье.

Маленькая щечетунья наполнила всю комнату своим милым голоском.

— Ах, как я хотела тебя видеть! Как хотела видеть тебя! — трещала княжна, сияя хорошенькими глазками. — Вот m-lle Софии скажет! Правда, m-lle Софи?

М-lle Софи, которую тоже увидела здесь Сибирочка, подтвердила слова княжны. Она очень ласково поздоровалась с Сибирочкой и прибавила от себя, что князь позволил дочери

пригласить на целый день ее к себе.

— А ты поедешь с нами вечером в театр! — неожиданно объявила княжна.

— В театр? В какой театр? — изумилась девочка.

— Ну, хотя бы в ваш театр-цирк! Это будет очень забавно. Ты, маленькая укротительница львов, будешь сидеть со мною в ложе, и все будут завидовать тебе! — не без некоторой доли гордости произнесла маленькая аристократка.

— Ах, мне уж и так завидуют!.. — вздохнула Сибирочка. — Андрюше завидуют тоже у нас.

— А кто такой Андрюша? — заинтересовалась снова княжна Аля.

— Это мой названный брат. Он очень хороший мальчик.

— И ты его любишь больше меня? — уже с некоторою досадою в голосе спросила княжна.

Сибирочка, которая не умела лгать, ответила просто:

— Да, я его люблю больше вас, больше всего в мире! — горячо вырвалось из ее груди.

— Но ты должна меня тоже любить больше всех! — топнула ножкой княжна. — Я так хочу.

— Аля! Аля! — остановила девочку m-lle Софи.

— Ну, что такое — «Аля! Аля!». Вечно только и слышишь: «Аля, сиди смиренно!», «Аля, не грызи ногти!», «Аля, не болтай ногами!». Очень все это скучно! — И она презабавно надула хорошенькие губки.

— Перестаньте, Аля! Ведь ваша подруга с вами! Ведите же ее к нам скорее! — напомнила m-lle Софи, стараясь изменить настроение капризной девочки.

— Ах, да! — неожиданно рассмеялась княжна. — Пойдем, Сибирочка. Позови лакея! Пусть он наденет тебе пальто! — заторопилась она.

— У нас нет лакеев, а горничная нанята не для нас, детей, и господин Шольц не позволяет ей нам прислуживать. Легкие труды мы должны исполнять всегда сами, — проговорила серьезным голосом Сибирочка княжне.

— Вот это уже совсем глупо! — снова рассмеялась Аля. — Зачем тогда брать прислугу, если не для того, чтобы услуживать нам? Ай!.. — вскричала она внезапно, едва успев закончить свою фразу. — Что это за чучело там глядит? Смотри! Смотри! — И она бесцеремонно ткнула пальчиком по направлению к двери, откуда просовывалась черная голова Эллы.

— Это наша атлетка! — пояснила Сибирочка и ласково кивнула своей чернокожей подруге.

— Фи, противная какая! Черная, как сажа! — сделала презрительную гримаску княжна. — А что она умеет делать? — заинтересовалась она внезапно.

— Дайте ей монету, и она двумя пальцами согнет ее, — предложила Сибирочка, — она у нас страшно сильная, наша Элла.

— Да неужели? — И глаза княжны Али загорелись самым жгучим любопытством.

Она сунула руку в карман и вынула оттуда нарядный бархатный кошелек. В кошельке было немало золота и серебра. Князь Гордов очень баловал свою маленькую дочку и дарил ей много денег.

— Вот золотой, пусть согнет его! Если согнет, я подарю ей его! — И Аля небрежно швырнула монету негритянке.

Та ловко подхватила золотой на лету, весело усмехаясь и сверкая белыми зубами, и крепко зажала его на минуту в своих сильных пальцах. Потом подбросила золотой кверху, и когда десятирублевик очутился снова на ее черной ладони, он оказался сплюснутым в трубочку.

— Ха-ха-ха! — звонко рассмеялась княжна. — Вот так молодец! Действительно, она умеет сплющивать монеты. А теперь, чумазка ты этакая, разогни-ка ее снова! — обратилась она снова к негритянке, и так как та не поняла ее, то Аля жестами и движениями пояснила негритянке, чего ей хотелось от нее.

Последняя снова широко улыбнулась губами и глазами. Ее белые зубы сверкнули, как большие миндалины. Она закивала и снова зажала монету в пальцах. И опять золотой приобрел свой прежний вид и заблестел на ладони негритянки.

— Очень, очень хорошо! — захлопала в ладоши княжна Аля.

Потом она приняла важный и гордый вид знатной барышни, покровительственно-небрежно кивнула Элле и пошла из комнаты об руку со своей новой подругой. М-лле Софи последовала за ними. Неожиданно на лестнице тяжелая черная рука опустилась на плечо княжны. Она вскрикнула от испуга и живо обернулась.

Перед ней стояла черная Элла. Негритянка протягивала ей золотую монету, трясая своей курчавой головой, и что-то мычала.

— Зачем она отдает? Это ей в подарок от меня, — пожала плечами Аля, — объясни ей это.

Сибирочка оживленными жестами стала пояснять что-то своей чернокожей подруге. Но та только по-прежнему трясла головой и мычала в ответ, сильно размахивая руками и пытаясь объяснить что-то.

— Она не возьмет денег от вас, — смущенно пояснила княжне Але Сибирочка, — она говорит, что она мой друг, стало быть, и ваш тоже!

— Ну, дружбы ее я не особенно-то просила, и какая это дружба с чернокожей! — засмеялась княжна и стала спускаться с лестницы.

— У нее светлая душа! — произнесла Сибирочка, которая с каждым днем узнавала все лучше благородную душу черной Эллы.

У подъезда княжну Алю ждала богатая коляска, запряженная парой вороных рысаков.

— Садись же скорее! — нетерпеливо сказала Аля своей новой подруге и птичкой впорхнула в экипаж.

Сибирочка, никогда в жизни не ездившая в экипаже, почти с робостью поместилась в нем. Лошади с места взяли рысью, и экипаж бесшумно покатыл по мостовой.

Был ясный весенний день. Деревья уже зазеленели в скверах, уличные мальчики продавали повсюду букеты нежных и пахучих цветов.

Через четверть часа экипаж остановился у большого дома-особняка с мраморными колоннами и роскошным подъездом.

— Вот мой дом! Не правда ли, он похож на дворец? — проговорила с гордостью княжна Аля, и ее юное личико приняло надменное выражение.

Швейцар выскочил из подъезда и стал суетливо высаживать приехавших из экипажа.

— Пойдем, я познакомлю тебя с моим папой, князем, — проговорила снова Аля и, схватив за руку Сибирочку, бросилась с нею почти бегом по широкой лестнице, устланной коврами и уставленной тропическими растениями по площадкам.

Сибирочка широко раскрытыми от изумления глазами смотрела на невиданную еще никогда ею роскошную барскую обстановку. Громадные комнаты с высокими зеркалами, мягкая шелковая мебель, ковры, картины, нарядные безделушки — все это невольно приковывало ее взгляд.

— А вот и папа! — проговорила княжна Аля, вбегая в роскошный, несколько мрачный кабинет, в котором сидел за письменным столом тот самый бледный господин в черном сюртуке, которого Сибирочка видела с княжной в театре.

Этот, далеко еще не старый, но с печальным лицом господин поднялся со своего места и протянул Сибирочке обе руки.

— Здравствуйте, дитя мое, — проговорил он приятным, мягким голосом, — я рад, что вас удалось заполучить сегодня моей шалунье. Она с тех пор, как увидела вас, и слышать не хочет о других подругах. Упросила меня написать вашему директору и попросить отпустить вас к нам на целый день. Ведь вы свободны сегодня? Не правда ли, дитя мое?

— Да! Да! Она свободна! — не давая ответить смущенной этой любезной встречей Сибирочке,

вскричала княжна. — Да, да, она свободна и поедет со мною в свой театр! Я хочу ехать сегодня в театр, в ее театр! — шумно и весело заявила она.

— Не будет ли это слишком часто, дитя мое? — произнес князь, ласково взглянув на дочь своими печальными добрыми глазами.

— Но я так хочу, папа! — задрожавшим голосом произнесла готовая уже заплакать маленькая княжна.

Князь, боявшийся причинить какое-либо горе своей любимице, поспешил согласиться.

— Хорошо, крошка, — сказал он ласково, — на этот раз я не лишу тебя удовольствия, хотя посещать так часто театры в твои годы очень вредно. А вы, дитя мое, родились и выросли в Сибири? И должно быть, вследствие этого вам и дали в театре такое хорошенькое имя? — обратился князь Гордов с вопросом к совсем уже потерявшейся от смущения девочке.

— Да, — сорвалось с уст Сибирочки, — я только два месяца как приехала оттуда в Петербург.

— А ваши родные остались там?

— У меня нет родных. Был у меня дедушка, но умер... Правда, есть еще Андрюша, брат, то есть... не родной, но...

Но тут княжна Аля без церемонии прервала Сибирочку и с шумом и смехом потащила ее к дверям.

— Пойдем, пойдем! Я покажу тебе мою комнату, игрушки, книги, все-все! — И Аля выпорхнула бабочкой из кабинета, увлекая за собою девочку.

Князь долго с грустной улыбкой смотрел вслед дочери. Он очень любил свою Алю и исполнял все ее малейшие капризы и желания. Постоянным страхом князя было потерять девочку. Княжна Аля часто злоупотребляла любовью к ней отца. Девочка была капризна, надменна и требовательна, но князь прощал все своей взбалмошной дочурке и никогда не сердился на нее.

— Вот моя гостиная! — торжествующе заявила княжна Аля своей новой подруге, вводя ее в прелестную комнату, всю уставленную крошечной мебелью розового плюша, миниатюрными зеркалами в золоченых рамах, хрупкими и драгоценными, похожими на игрушки. Рыхлый пушистый розовый ковер покрывал весь пол комнаты. На ковре валялась нарядная кукла, небрежно кинутая в угол, и раскрытая книга в золоченом переплете. — Это моя гостиная, а там, рядом, — моя спальня, классная и зала для игры... В зале ты увидишь мои игрушки и книги... Их у меня очень много! — продолжала тараторить княжна. — В зале мы будем и обедать сегодня, нам накроют на игрушечном столе, — решила она неожиданно.

— Но, дитя мое, — вмешалась m-lle Софи в решение своей воспитанницы, — что скажет ваш папа? Или вы не будете обедать с ним сегодня в большой столовой?

— Ах, Господи, если я так хочу! — капризно надувая губки, произнесла княжна и очень сердито взглянула на свою наставницу.

— Аля! — с укором проронила m-lle Софи.

— Что, Аля! Ну что, Аля! — вся покраснев, как вишня, с гневом повторила, передразнивая, княжна. — Папа добрый, и он все позволит! А вы запрещаете все потому, что вы недобрая, вы

— злая! Вы мне всю радость портите только всегда... вы... вы... Я сейчас пойду попрошу у папы и... и пожалуюсь заодно на вас, — с плачем заключила она и бросилась вон из комнаты.

Гувернантка пожала только плечами и взглянула на Сибирочку. Та стояла потерянная, смущенная, с потупленными глазами. Маленькая княжна и нравилась ей, и отталкивала ее от себя в одно и то же время. Кроткой, нежной и послушной Сибирочке была непонятна эта необузданная натура богатой, знатной маленькой аристократки.

Она все еще думала об этой необузданной девочке, когда последняя снова появилась на пороге и торжествующими глазами, без всякого уже гнева, взглянув на m-lle Софи, громко заявила:

— Позволил! Папа позволил! Мы обедаем за игрушечным столом, а вечером едем в театр!

Это был какой-то сплошной сказочный сон наяву, переживаемый Сибирочкой. Чудные, как во дворце, комнаты с роскошной обстановкой, четыре прелестные собственные комнатки княжны Али, ее дорогие куклы, игрушки и книги с картинками, наконец, великолепный обед, поданный в игрушечной зале на миниатюрных тарелках, — все это было так диковинно и интересно для бедной маленькой девочки, выросшей в нищете.

После особенно вкусного десерта стали собираться в театр. Княжну Алю одели в нарядное белое платье, в котором девочка выглядела настоящей фарфоровой куклой.

Сибирочка осталась в своем коричневом платье, которое ей сшила домашняя портниха семьи Шольц. Разница в наряде обеих девочек была поразительная и сразу бросалась в глаза. И все же скромная, маленькая цирковая актриса была куда красивее и милее благодаря своему прелестному кроткому личику, чем нарядная, в пух и прах разряженная княжна.

Глава XVI

Новое открытие. — Страхи г-жи Вихровой. — Выход найден

— Гляди, матушка, наша-то Шурка, принцесса-то ненаглядная, Сибирочка, в ложе с Аленькой восседает...

— Где? Где, Николашенька?!

— Да вот, прямо! Ишь, пролезла все же в княжескую семью. Стало быть, и кольцо она ей подарила, и письма ей пишет...

— Какое кольцо? Какие письма?

— Да Аленька, говорю, письма пишет Сибирке этой!

— Что? — Лицо Анны Степановны Вихровой покрылось при этих словах смертельной бледностью. Она сидела с сыном в дешевых местах театра «Развлечение» (Никс не был занят в этот вечер и, решив дать возможность матери поразвлечься немного, привел ее сюда). — Что ты говоришь, Николаша! — почти с ужасом прошептала она. — Неужели попала в дом князя пройдоха эта?

— Тише, матушка! Услышит еще кто! — остановил Никс Вихров и с досадой закусил губу.

Действительно, им надо было остерегаться. Впереди них сидел какой-то старик, с длинной бородой, в синих очках, не то ремесленник, не то мелкий торговец по виду, и все время вслушивался в их разговор, не желая, очевидно, пропустить из него ни единого слова. Если бы Анна Степановна и Никс проследили за стариком, они заметили бы, что внимание последнего было точно так же привлечено той ложей, где сидела Сибирочка вместе с княжной Гордовой и m-лле Софи. Глаза старика не отрывались от этой ложи во время спектакля.

«Так и есть — она!» — произнес он мысленно, и лицо его приняло злое, торжествующее выражение, лишь только он услышал разговор матери и сына за своими плечами и понял, что речь идет о той же живо заинтересовавшей его девочке, сидевшей в ложе.

В свою очередь, и Анна Степановна Вихрова была теперь как на иголках. Ее щеки то вспыхивали пятнами румянца, то делались белее полотна. Она буквально задыхалась от волнения и, забыв даже смотреть на арену, где на воздушных трапециях кувыркались братья Ивановы, горящими глазами впилась в Сибирочку, не чуящую устремленного на нее взгляда.

— Погубит нас девчонка, как есть погубит, если останется здесь еще хоть несколько дней! — громко, в забывчивости отчаяния прошептала Вихрова.

Никс испуганно сжал руку матери и процедил сквозь зубы:

— Ради Бога, тише, мама! Еще услышит нас кто-нибудь.

Лицо у Никса было не менее испуганно, нежели у матери.

— Ах, я полжизни отдала бы, кажется, лишь бы удалось усладить Сибирочку теперь же из Петербурга куда-нибудь подальше! — продолжала вне себя, волнуясь и дрожа всем телом, Вихрова и в отчаянии хрустнула пальцами, совершенно не умея владеть собою.

К счастью, около них не было публики, и ближайšie места оставались пустыми. Один только старик в синих очках, сидевший впереди, слышал каждое слово разговора.

Между тем на сцене-арене окончился последний акт представления. Публика зашумела и засуетилась, покидая места. Княжна Аля, нежно поцеловав Сибирочку, рассталась с нею.

Анне Степановне и Никсу не было слышно, что они говорили, но трогательное прощание девочек еще более взволновало обоих Вихровых — и сына, и мать.

— Еще два-три таких свидания, и... мы пропали! Сибирочка не ограничится одной дружбой с Аленькой, и благодетель скоро узнает все. Заинтересует же он прошлую жизнь подруги своей дочери! — в отчаянии ужаса лепетала Вихрова, поминутно кашляя и хватаясь за грудь. — Нет-нет! Надо придумать что-нибудь сейчас же... Надо ее вон отсюда, и не осенью с мистером Биллем, а теперь, теперь... Завтра, Никс, заходи домой! Мы переговорим об этом.

И, беспорядочно и прерывисто кидая слова, Анна Степановна наскоро простилась с сыном (который теперь жил также в «Большом доме» Шольца и только изредка забегал к матери) и взволнованная, как никогда, поплелась домой.

Она была так занята своими тревожными мыслями, что совсем позабыла о дальнем расстоянии от театра к дому и, не нанимая извозчика, пешком зашагала по глухим улицам столицы.

Она шла, вздрагивая и спотыкаясь каждую минуту, сворачивая машинально из улицы в улицу, из переулка в переулок.

Если бы Вихрова не была поглощена своей тревогой и обернулась хоть раз, она увидела бы в весенних сумерках майской ночи неустанно следовавшего за нею человека. Этот человек был не кто иной, как сидевший перед нею в театре старик, в синих очках, с седой, совсем белой бородой. Однако старик шел далеко не старческой, а скорее юношески легкой походкой и то и дело зорко оглядывался по сторонам.

Когда Вихрова, миновав несколько улиц, очутилась наконец в захолустном переулке Выборгской стороны, по одну сторону которого тянулся забор какого-то огорода, а по другую — убогие, покосившиеся домишки, незнакомец вдруг ускорил шаги и в несколько минут догнал ее.

— Остановитесь! — произнес он хриплым голосом, хватая Вихрову за руку.

Она замерла от испуга, увидев точно из-под земли выросшего перед нею человека.

— Не кричите. Я не причиню вам никакого зла! Слышите ли, я запрещаю вам кричать! — грозно приказал странный старик, видя, что она уже открывает рот, чтобы крикнуть, позвать на помощь. — Повторяю, я не хочу вам зла. Напротив, я остановил вас ради вашей же пользы... Вы, насколько я понял из вашего разговора с сыном в театре, хотите избавиться от той маленькой девочки, которая сидела в ложе Горловых? Так ли я говорю?

— Да! — совсем машинально проронила Вихрова, у которой ноги подкашивались от страха в этот миг.

— Эта девочка мне нужна, — снова заговорил незнакомец. — Больше того, она мне необходима. Я должен ее увезти из Петербурга надолго... навсегда... увезти далеко, в Сибирь... Без нее мне не прожить спокойно и безопасно, — продолжал незнакомец своим хриплым, далеко опять-таки не слабым и не старческим голосом.

— Вы ее родственник? — начиная чуть-чуть приходить в себя от испуга, слабо осведомилась Вихрова.

— Да, я ее дед...

— Дед! — пораженная изумлением, почти вскричала она. — Дед?.. Но как же... как ваше имя?

— Меня зовут Степан Михайлович Кашинов, — отвечал, не дрогнув, хриплым голосом. — Я бедный сибирский птицелов.

— А-а! — вырвалось не то испуганным криком, не то стоном из груди Анны Степановны, и она зашаталась, готовая грохнуться на землю.

Имя и фамилия, произнесенные незнакомцем, принадлежали ее покойному отцу. Степан Михайлович Кашинов и был тот самый дедушка Михайлыч, который нашел и взлелеял девочку Сибирочку и потом умер в тайге. Теперь Вихрова отлично поняла одно: перед нею стоял опытный обманщик, бродяга, может быть, вор и убийца, присвоивший себе имя ее покойного отца.

— Что с вами, — изумился незнакомец, заметив волнение своей собеседницы, — или вам знакомо это имя? — приходя, в свою очередь, в волнение, помолчав с минуту, осведомился он.

— Кашинов — мой отец!.. Он умер... — простонала женщина, снова задрожав от страха с головы до ног.

На минуту незнакомец смутился. Но только на минуту. Потом он живо оправился и заговорил снова:

— Ну, да... я сказал неправду... но... это не изменяет дела, так как у меня паспорт и бумаги вашего отца... Я их нашел в кармане старика, когда хоронил его с отцом и братом в глуши сибирской тайги.

— Вы хоронили моего отца? — едва слышно осведомилась Вихрова упавшим голосом.

— Да. Мы с отцом и братом нашли его замерзшим в сибирской тайге... Его бумаги я взял себе и с тех пор живу по его паспорту, так как своего у меня нет... Люди, видите ли, поступили со мною и с моими родными слишком зло и несправедливо, — продолжал говорить незнакомец. — Они обвинили нас в преступлении, в котором мы были невиновны, и посадили нас в тюрьму. Но нам удалось бежать оттуда... Мой отец и брат, однако, попали вскоре снова в руки полиции, я же спасся и, благодаря найденному паспорту в кармане того старика, который, как вы говорите, приходится вам отцом, могу жить если не вполне спокойно, то хотя бы отчасти... Для того чтобы жизнь моя была спокойна совсем, я должен вполне уверить людей в том, что я действительно и есть этот старый птицелов Кашинов, по бумагам которого я живу. Но это можно сделать только при помощи той девочки, которую вы зовете Сибирочкой и которую я искал повсюду и нашел совершенно случайно здесь... Она должна считать меня своим дедушкой, как скоро я получу ее в мои руки, а тогда и все будут признавать меня за старика птицелова, которого считают пропавшим без вести.

— Но вы говорите правду? Мой отец действительно умер? — прервала с трепетом снова Анна Степановна незнакомца.

— Умер и похоронен. К чему мне вам было бы лгать... Но не в том покамест дело. Через несколько дней я уезжаю в Сибирь, где томятся в тюрьме мои бедные невинные отец с братом. Мне надо спасти их во что бы то ни стало. Девочка Сибирочка мне необходима сейчас. С нею мне легче будет пробраться в знакомые места. Люди тогда скорее поверят мне, что я тот самый человек, по паспорту которого теперь проживаю. И я прошу вас помочь мне в этом. Это будет нетрудно для вас, так как вы сами хотите, я не знаю, впрочем, по какой причине, избавиться от этой девчонки. Но помните одно: все должно быть сохранено в полнейшей тайне, иначе... не вините меня, но я доберусь до вас и разделаюсь с вами по-свойски, если вы выдадите мою тайну, — заключил свою речь бродяга таким зверским тоном, что Вихрова снова задрожала всем телом при его словах.

Опять наступило долгое молчание. Подавив волнение, Анна Степановна робко осведомилась у своего собеседника:

— Но как же и куда доставить вам девочку?

— Я остановился на Нарвской улице, в гостинице «Байкал». Завтра вечером вы привезете мне девочку. Я буду вас ждать, — уже тоном приказания обратился он к Вихровой. — Это будет нетрудно сделать... Скажите ей, что ее дедушка жив, что он только пропал без вести и что ее обманули лесные бродяги, сказав, что он умер. Глупая птичка поддастся на эту приманку и поедет с вами тогда охотно. Что же касается остального, то я приложу все старания, чтобы показаться ей в настоящем виде ее деда и вашего покойного отца, благо я хорошо его запомнил, и постараюсь сделать так, чтобы быть похожим на него. Впрочем, девочка едва ли так хорошо помнит старика. Она и не расчухает обмана в первую минуту, а когда расчухает, то будет уже в моих руках.

Незнакомец смолк и ожидал теперь, что скажет Вихрова.

В душе Анны Степановны шла тяжелая работа. С одной стороны, она угадала в незнакомце беглого преступника и злодея и ей было жаль отдавать в его руки любимицу ее покойного отца. С другой стороны, если бы Сибирочка осталась в Петербурге и вела дружбу с семьей Гордовых, кто знает, истина могла бы обнаружиться очень скоро, и ей, Анне Степановне, и близким для нее людям пришлось бы очень худо, а может быть, это и вовсе погубило бы их. Последнее обстоятельство заставило Вихрову сразу решить дело далеко не в пользу Сибирочки, и она, поборов последние признаки волнения, проговорила твердо:

— Хорошо. Завтра вечером ждите меня и ребенка. Но вы должны мне дать слово, что не будете обращаться дурно с ней.

— Конечно, — с плохо скрытой насмешкой произнес незнакомец. — Внучка вашего отца будет у меня воспитываться, как принцесса, но с условием, чтобы обо всем этом разговоре и нашей встрече не узнал никто. Иначе не поздоровится ни вам, ни девчонке. Честь имею кланяться. Завтра я вас жду!

И прежде чем Анна Степановна могла ответить что-либо, странный незнакомец уже исчез из вида.

Глава XVII

Радость

Следующий день как раз приходился кануном представления новой пьесы «Христианка и лвы». Чтобы дать хорошенько подготовиться Сибирочке к предстоящему ей на другой вечер новому представлению, мистер Билль позволил девочке не участвовать в сегодняшнем спектакле. Сибирочка вместе с Эллой, которая тоже не была занята в этот вечер, осталась дома. В восемь часов все обитатели «Большого дома» уезжали в театр.

Андрюша должен был ехать вместе с остальными. Он пришел, по обыкновению, проститься с названной сестрою и очень изумился, увидя, что хорошенькое личико Сибирочки было очень грустно и печально в этот вечер.

— Что с тобою, Шура? — озабоченно спросил мальчик. — Что-нибудь недоброе случилось с тобой?

— Наша принцесса, должно быть, не успела опомниться от всех княжеских богатств, которые изволила видеть вчера, — не пропустил случая съязвить Никс, неожиданно вынырнувший как из-под земли.

Андрюша так строго взглянул на него и с такой угрозой сдвинул свои черные брови, что у злополучного Никса пропала всякая охота шутить дальше.

— Послушай, Элла, — остановил Андрюша проходившую мимо негритянку, — побереги Сибирочку и развесели ее, пока я буду в театре! — И жестами он стал пояснять свои слова.

Элла поняла его, закивала курчавой головой и заблестела зубами, открывшимися в приветливой улыбке.

Андрюша поцеловал Сибирочку и уехал в театр. Девочки остались одни. Элла тотчас же приступила к исполнению возложенной на нее задачи. Чтобы разогнать грусть на личике «госпожи», она проделала по очереди все свои штучки: гнула пальцами монеты, поднимала гири, становилась на голову, ходила на руках. Но ничего не помогало — Сибирочка была грустна. Эта грусть девочки была не без причины.

В эту ночь девочка видела во сне покойного дедушку, и печаль о дорогом старике наполняла теперь ее сердце. Немудрено поэтому, что личико ребенка было покрыто облаком грусти весь день.

Элла была в отчаянии. Ей во что бы то ни стало хотелось растормошить свою подругу. Она уже надумывала новую штучку, которая, по ее мнению, должна была непременно развеселить Сибирочку, как неожиданно в передней раздался звонок, а через две-три минуты вошла горничная и сказала Сибирочке, что госпожа Вихрова ждет ее в приемной.

С того самого утра, как Никс увел из жилища его матери Сибирочку и Андрюшу, девочка ни разу не видела Вихровой. Поэтому девочке показался очень странным ее неожиданный визит, но еще страннее показалось Сибирочке приветливое и радостно улыбающееся лицо Вихровой, то самое лицо, которое она видела в первый раз перекошенным от гнева и ненависти.

— Здравствуй, Сибирочка! — произнесла насколько можно ласковее лукавая женщина. — Здравствуй, милая моя девочка! Я принесла тебе радостную весть.

— Какую весть? — смущенно кланяясь и получая непривычный поцелуй, спросила девочка.

Вихрова окинула ребенка быстрым взглядом и, помолчав минуту, спросила так ласково и нежно, как только могла:

— Что бы ты сказала, деточка, если бы твой дедушка, которого ты считаешь умершим, оказался жив?

Сибирочка вздрогнула от неожиданности и широко раскрыла свои большие синие глаза.

— Этого не может быть, мой бедный дедушка умер в тайге... — упавшим голосом отвечала она.

— Ты видела его мертвым?.. Видела, как его хоронили? Видела его могилу? — каким-то странным голосом выпрашивала Вихрова.

— Нет. Я видела только, как он лежал на снегу... И потом уже не видела его... Он умер, умер! — И Сибирочка, закрыв лицо руками, горько заплакала, переживая снова в своей памяти тяжелую картину.

Анна Степановна быстро обняла девочку и зашептала ей на ухо:

— Полно, не плачь... Дедушка жив... Его удалось спасти... привести в чувство... Он был сильно болен и теперь поправился... Приехал сюда и ждет нас с тобою к себе в гости...

По мере того как Анна Степановна говорила это, слезы Сибирочки иссыкли. Ее огромные глаза раскрылись еще больше. В них сверкнула робкая радость. Она схватила руки Вихровой и, не помня себя, сжала их, лепеча бессвязно:

— Жив? Дедушка жив? Дорогой мой жив? Где он? Приведите его сюда ко мне... О, скорее, скорее! Не мучьте же меня, ради Бога!

— Дедушка не может прийти, он очень устал с дороги. Он остановился в гостинице и ждет нас к себе. Едем к нему, Сибирочка! — взволнованным, срывающимся голосом лепетала не помня себя Вихрова.

— Едем! Едем! — вырвалось радостным звуком из груди обезумевшей от радости Сибирочки, и она порывисто кинулась на шею Вихровой, плача, смеясь и душа ее своими поцелуями. — Дедушка жив! Мой дедушка, дорогой! Милый! — лепетала она, чуть живая от счастья.

Анне Степановне, которая, кстати сказать, чувствовала себя очень скверно, хотелось во что бы то ни стало прервать поскорее эту мучительную сцену. Она, ласково уговаривая Сибирочку не волноваться, повела ее в прихожую, помогла девочке одеться и, сказав горничной, что к барышне Сибирочке приехали родные издалека и что Сибирочка только на полчаса съездит повидаться с ними, вывела девочку без всяких препятствий из «Большого дома».

Взяв извозчика до Нарвской улицы, Анна Степановна усадила в пролетку свою маленькую спутницу и приказала ехать вознице как можно скорее. Улицы, дома, магазины — все это запестрело перед девочкой в легкой дымке сумерек весенней ночи.

Сердце Сибирочки то билось сильно, то замирало. Всеобъемлющая радость наполняла до краев ее маленькую душу.

«Дедушка жив! Дедушка здесь! Дедушка ждет меня! Вот счастье! Вот радость! Ах, скорее, скорее бы его повидать!» — пела-ликовала маленькая, безгранично счастливая теперь душа девочки.

Сибирочка почти не заметила быстро промелькнувшего пути и опомнилась только тогда, когда извозчик подвез ее и ее спутницу к подъезду плохенькой грязной гостиницы, стоявшей на самом дальнем краю города.

— Ступай за мною! — произнесла, волнуясь, Вихрова, войдя с нею в подъезд и поднимаясь по ветхой и грязной деревянной лестнице во второй этаж здания. — Где остановился Степан Михайлович Кашинов? — осведомилась она у попавшегося ей навстречу слуги.

Тот указал на дальнюю дверь в самом конце коридора.

— Ну, беги скорее одна к дедушке! Я уже видела отца, не хочу мешать вам и пойду тихонько за тобою! — проговорила Вихрова, обращаясь к Сибирочке, и умышленно замедлила шаги.

Сибирочка не заставила Вихрову повторять это приглашение и стрелой пустилась бежать по коридору прямо к указанной двери. Вне себя, вся запыхавшаяся, взволнованная и счастливая, она рванула эту дверь и, широко распахнув ее, влетела в комнату.

— Дедушка! Миленький! — вырвалось радостным криком из ее груди, и она упала в широко раскрытые объятия находившегося в комнате старика.

Теперь она была как безумная. Она обвила ручонками его шею, целовала его седую бороду, белые волосы, которые были так похожи на дедушкины волосы, целовала лицо и мочила это лицо слезами, радостными, счастливыми слезами, шепча одну только фразу, словно в забытьи:

— Дедушка! Миленький! Дедушка!

Глава XVIII

Не он

— Ха-ха-ха-ха! Пора прийти в себя, внученька! Довольно наобнималась и нацеловалась! Садись теперь сюда и слушай меня хорошенько, что я тебе буду говорить!..

Этот грубый смех и голос, совсем не похожий на голос и смех дедушки, заставили затрепетать Сибирочку с головы до ног. Она тихо вскрикнула и отскочила от мнимого деда к двери. Но старик, точно ожидая этого, опередил девочку и, прежде нежели она достигла порога комнаты, быстрым движением затворил дверь и запер ее на ключ.

Лицо Сибирочки покрылось смертельной бледностью. В глазах отразился ужас: только теперь она убедилась, что перед ней не дедушка, а Иван Зуб. Последний между тем расхохотался еще грубее.

— Что запрыгала? Что, небось признала по голосу-то?.. Старого знакомого своего признала, голубушка?.. — хрипло ронял он слова своим грубым голосом. — Ну, и ладно... Слушай же теперь хорошенько меня. Ты теперь в моих руках. Теперь что захочу, то и сделаю с тобой. Если будешь покорна мне, забуду прошлую обиду, забуду, как ты с негодяем Андрюшкой меня и отца с братом полиции выдала. Прощу тебе все, только за это ты меня своим дедушкой признать перед всеми должна. Слышишь? Я твой дедушка отныне, Степан Михайлович, птицелов сибирской тайги... Слышишь? Так ты и знай! И повезу я тебя с собою в Сибирь, и будешь ты жить в ней до тех пор, пока отца и брата не вызволим из неволи, а там отпущу тебя на все четыре стороны, коли умна и покорна мне будешь. Слышишь, что говорит тебе Иван Зуб?

С теми же широко раскрытыми, почти вытаращенными глазами и до смерти испуганным лицом Сибирочка слушала, точно в каком-то страшном кошмаре, эти речи.

— Иван Зуб! Иван Зуб! — воскликнула она не своим голосом.

Да, это был Иван Зуб! С первого же звука узнала она голос лесного бродяги, своего злейшего врага, и почти онемела от ужаса.

Зуб видел впечатление, произведенное им на Сибирочку, и, желая несколько ободрить ее, произнес, значительно смягчая свой грубый голос:

— Ишь, зашла со страху, глупая! Ну, чего испугалась? Говорю тебе: в холе у меня будешь заместо дочери жить, если признаешь меня за своего покойного деду и другим меня за него выдавать будешь. Согласись, глупенькая, тебе же лучше станет. Ну же, тебе говорю, согласись!

Что-то новое произошло в эту минуту с Сибирочкой! Только сейчас, казалось, она поняла все, что требовалось от нее. И странно — недавний страх при этих словах Зуба, казалось, сразу покинул ее. Как, признать этого злодея за дедушку?.. За милого, доброго покойного дедушку?.. О, никогда! Никогда она, Сибирочка, не сделает этого. Пусть лучше он, этот злодей, убьет ее!

И, не помня себя от горя, ужаса, тоски и обиды за своего деда, она крикнула, вся охваченная одним сплошным гневом, одною мукою и тоской:

— Никогда! Слышите ли? Никогда я не сделаю этого, никогда, никогда, никогда!

— Ага, вот ты как! Ну, не прогневайся, миленькая! Как аукнется — так и откликнется! — почти

прорычал взбешенный Зуб и, раньше чем девочка могла крикнуть, позвать на помощь, схватил ее на руки, быстро сунул ей в рот какой-то комок тряпиц и, связав ей лежавшей на стуле веревкой руки и ноги, грубо бросил ее на диван.

Потом быстро подскочил к ней и, нагнувшись к ее уху, зашипел злобно:

— Слушай ты у меня, мерзкая девчонка!.. Ты могла бы быть счастливой теперь... внучкой моей быть... дочерью любимой... как родной дочерью... а теперь... теперь... Постой же ты у меня... В Сибирь я тебя повезу все же с собою... Недаром приехал я сюда и разыскивал тебя за тысячи верст. Стало быть, ты мне нужна. Но кабы ты охотой ехала со мной, легче было бы тебе... А теперь одно скажу: лучше бы тебе и на свет Божий не родиться. Не раз помянешь Зуба и руку его... Дай только срок, улягутся все, я тебя проучу хорошенько... Небу жарко станет... Пока лежи одна-одинешенька да на досуге подумай обо всем! А вернусь я — иной у нас будет разговор с тобою...

И, сверкнув бешено горящими глазами, Зуб погрозил девочке своим огромным кулачищем и вышел из комнаты, не забыв повернуть ключ в замке с наружной стороны дверей.

Связанная, почти задохшаяся, Сибирочка лежала теперь, близкая к обмороку, поперек широкого грязного ситцевого дивана, без воли, без мыслей, без слез...

Глава XIX

Снова Зуб. — Отчаяние. — Неожиданная защита

Сибирочке становилось с каждой минутой все хуже и хуже. Веревки резали ей руки и ноги. Тряпка, засунутая в рот бедной девочки, мешала ей свободно дышать. Она почти совсем задыхалась. Ее спутанные мысли отказывались работать... Уже не прежний ужас, а тяжелая тоска сковывала маленькое сердечко. Теперь уже самый страх перед тем, что будет, не терзал, как прежде, душу девочки. Она хотела только одного: хотела всеми притупленными в ее измученном мозгу мыслями, чтобы то, чему неминуемо было суждено свершиться, свершилось бы теперь, сейчас...

Так тянулись тяжелые минуты, может быть, и часы. Сибирочка не могла сообразить, сколько времени прошло, как неожиданно послышались быстро приближающиеся шаги по коридору и кто-то, подойдя к двери, повернул ключ в замке. В сильно сгустившихся сумерках, царивших в комнате, Сибирочка увидела Зуба. Он был страшен. Его глаза бешено сверкали. Лицо подергивалось судорогой. От него пахло вином, и, казалось, он едва стоял на ногах.

Медленно, неверной походкой подошел он к Сибирочке и, грубо схватив ее, с силой поставил девочку перед собою.

— Ну что, надумала наконец? Хочешь не хочешь, а нужно тебе сделать по-моему! — грубо проговорил он и сильно потряс девочку за плечи.

Та если бы и захотела отвечать своему мучителю, вряд ли бы могла сделать это. Тряпка, воткнутая ей в рот, не давала возможности девочке произнести ни одного слова. Тогда, видя это, Зуб освободил рот девочки, вынув оттуда грязный комок тряпиц.

— Ну, отвечай теперь, согласна ли исполнить мой приказ? Говори, а не то худо будет! —

произнес он с плохо сдерживаемым бешенством.

Сибирочка едва-едва могла перевести дух и молчала... Только маленькое сердечко ее билось в груди, как подстреленная птица.

— А, так ты не хочешь говорить!.. — зашипел снова Зуб и изо всей силы отшвырнул от себя девочку, так что та, пролетев несколько шагов, тяжело рухнула на пол.

Злодей в один прыжок очутился подле нее; его перекошенное злобой лицо, со страшными от бешенства глазами и трясущимися губами, наклонилось близко-близко над лежавшей пред ним связанной жертвой. Он сжал свой огромный кулак и взмахнул им над головой Сибирочки...

Ужас, отчаяние, трепет перед побоями заставили Сибирочку собрать последние силы и прервать свое тяжелое, мучительное оцепенение.

— Помогите! — отчаянно и глухо крикнула она с мольбой.

В ту же минуту сильно затрещала ведущая в соседнюю комнату ветхая дверь, соскочила с петель, рухнула под чьим-то могучим напором плеча — и черная, как сажа, женская фигура появилась на пороге комнаты...

— Элла! — крикнула вне себя угасающим голосом Сибирочка.

— Да-да! Элла здесь, госпожа! — прогремела негритянка и с нечеловеческим, диким остервенением бросилась на Зуба.

Тот, не ожидавший ничего подобного, замер от ужаса, увидя перед собою черное лицо, сверкающие белки и оскаленные, как у зверя, зубы.

Воспользовавшись этим замешательством, негритянка, толкнув бродягу на пол, наскоро сорвала простыню с кровати, находившейся тут же в комнате, и скрутила ею ноги и руки все

еще не пришедшего в себя нетрезвого Зуба. Потом, не медля ни минуты, она так же быстро освободила от связывавших веревок Сибирочку и, распахнув дверь в коридор, громко крикнула своим сильным гортанным голосом, призывая на помощь. Прошла минута, поднялась суматоха в коридоре... Слуги, сторож и еще какие-то люди, заспанные и испуганные, появились в комнате, занятой Зубом. Они с изумлением, почти с ужасом, таращили глаза на их связанного постояльца, на дрожащую белокурую девочку и на черную негритянку, неизвестно каким образом очутившуюся здесь.

Между тем Сибирочка, ободренная присутствием своего черного друга, уже стояла в толпе людей и, вся бледная, взволнованная, прерывающимся голосом говорила:

— Это не дедушка... нет... нет... Они обманули меня... Это разбойник и преступник... Он бежал из тюрьмы... из Сибири... Он... очень злой человек... Он хотел убить купца Гандурова, меня и Андриюшу... там, в тайге... а здесь предлагал мне, чтобы я... чтобы я признала его своим дедушкой и всем заявила это... Но мой дедушка умер... а это... беглый каторжник... Я боюсь его... Я боюсь его... Он не дедушка!.. Нет!.. нет!.. — простионала несчастная девочка, едва держась на ногах от пережитых страхов и мучений.

Между тем Зуб, бившийся на полу, тщетно стараясь освободиться, угрожал всячески Сибирочке, черной девушке и всему миру, браня и проклиная все и всех. Он то злобно рычал, как раненый зверь, то шипел в бешенстве, бессильный сделать что-либо.

Вскоре подоспела полиция, за которой уже послал управляющий гостиницей, и Сибирочка должна была рассказать все подробно о случившемся с нею. Потом ее, Эллу и связанного Зуба повели в участок, где должно было разобраться это загадочно-странное и темное для окружающих людей происшествие. Но теперь Сибирочка не боялась ничего больше. Ее черная подруга находилась с нею.

Глава XX

Элла действует

В то время как Анна Степановна Вихрова беседовала с Сибирочкой в приемной «Большого дома», негритянка Элла незамеченная притаилась за дверь. Правда, она не могла понять ни слова из того, что говорилось матерью Никса, но плач Сибирочки, ее взволнованный голос, то звучавший глубокой печалью, то шумной радостью, — все это навело на смутные подозрения молодую негритянку. Она, как и все в труппе, знала, что Никс от души ненавидел Сибирочку и Андриюшу, и потому один уже необычайный и поздний визит матери Никса к их общей любимице заставил Эллу предположить что-то дурное. Когда Сибирочка в сопровождении Анны Степановны вышла из дома, негритянка Элла незаметно проскользнула вслед за ними. Они взяли извозчика и поехали. Элла не могла сделать того же: другого возницы не было поблизости, да и нанять его, не зная русского языка, было трудно. И потому она не теряя ни минуты и нимало не смущаясь, побежала бегом вслед за пролеткой, взятой Вихровой. Вне представлений, будучи дома, Элла носила обыкновенное платье простой девушки, и теперь она была в длинной юбке и темной цветной кофте. Большой платок, накинутый второпях на голову, делал ее похожей на бегущую за покупками горничную, и поэтому никто из прохожих не обращал внимания на странную черномазую девушку, почти скрывшую все свое лицо под платком. Извозчицья пролетка, увозившая Сибирочку, ехала довольно быстро, но Элла не отставала от нее. Сильные ноги негритянки, казалось, не знали усталости.

Когда Анна Степановна сошла с пролетки у подъезда гостиницы и вошла в нее в сопровождении Сибирочки, туда же проскользнула вслед за ними и Элла.

Она видела, как стремительно бросилась бежать Сибирочка, как открыла ближайшую дверь и услышала сначала радостный крик и плач девочки, потом почти тотчас же за этим ее испуганный возглас. Как раз одновременно с этим возгласом Элла заметила быстрое исчезновение Вихровой из гостиницы. Это еще более усилило подозрения черной атлетки, и Элла во что бы то ни стало решила дождаться Сибирочку здесь.

Дверь номера-комнаты, находящейся подле той, куда прибежала Сибирочка, была полуоткрыта, и, не замеченная никем, Элла проскользнула в нее.

Каково же было радостное изумление негритянки, когда она увидела оклеенную обоями дверь, сделанную в смежной стене обеих комнат. Она бросилась к ней, схватилась за ручку, надеясь при первом же новом крике Сибирочки прийти к ней на помощь. Но увы!.. Дверь оказалась запертой на ключ...

Глава XXI

Они вернулись!

Господин Шольц волновался всю ночь, все утро, весь следующий день и вечер. В его доме случилось загадочное происшествие. Два человека разом исчезли из его дома еще накануне вечером. Эти два исчезнувших человека были Сибирочка и Элла.

Горничная пояснила в тот же вечер господину Шольцу, что за барышней Сибирочкой приезжала госпожа Вихрова и куда-то увезла ее с собой. А следом за ними скрылась и «черная барышня», как называла вся прислуга Эллу. Господин Шольц на другое же утро поехал к матери Никса разыскивать у нее своих артисток. Но каково же было его изумление, когда ему передали, что за госпожой Вихровой еще рано утром приехали какие-то люди и увезли ее куда-то и что с тех пор она не возвращалась. Господин Шольц теперь уже совсем потерял голову, не зная, где искать Эллу и Сибирочку. Он по нескольку раз обращался к Никсу, спрашивая его, не знает ли он, куда отправили его мать, и не знает ли он, зачем и куда она увезла накануне Сибирочку. Но Никс, который сам знал не больше директора, испуганный за участь матери, весь дрожащий и бледный, мог только ответить одно:

— Клянусь вам, Эрнест Эрнестович, что я ничего не знаю!

На этот раз, обычно лживый и далеко не честный, мальчик не лгал. Он действительно ничего не знал из всего того, что произошло в эти сутки. Только смутная догадка в том, что открыт давнишний проступок его матери, пришла ему на ум и несказанно мучила его.

Весь этот день прошел в ужасных волнениях и для него, и для директора цирка. Наступил вечер. В этот вечер давалось первый раз придуманное мистером Биллем представление «Христианка и львы».

Нечего и говорить, что касса театра «Развлечение» с утра ломилась от напора публики. Всем хотелось посмотреть на диковинное зрелище, и все торопились запастись билетами на этот вечер.

Но чем больше покупалось билетов в кассе, тем мрачнее и озабоченнее становился господин Шольц.

— Сибирочки нет. Представление надо заменить другим. Пусть Никс занимает публику со львами! — голосом, полным тоски и раздражения, обращался он несколько раз к мистеру Биллю.

Последний тоже вышел на этот раз из своего обычного спокойствия.

— О! — говорил он. — О, этот маленький Сибирушка зарезал нас без ножа своим поступком...

И он, усиленнее, чем когда-либо, курил сигару за сигарой.

— Я все-таки надеюсь, что она вернется сегодня же. Она должна вернуться, если она с Эллой! Элла не даст ее в обиду, она обещала мне это! — неожиданно вскричал Андрюша, незаметно подошедший к обоим старикам.

Он был очень бледен. Он не сомкнул глаз в эту ночь. В его лице не было ни кровинки. Бедный мальчуган решительно не мог понять, куда девалась его маленькая подруга, и находился в состоянии отчаяния от горя и тоски по ней.

Между тем к подъезду «Большого дома» приехали кареты; надо было отправляться в театр-цирк. Несмотря на постигшее его горе, Андрюша должен был сегодня, как и всегда, смешить публику и балаганить в роли клоуна. Ему ведь платили жалованье за это. Он не мог подвести начальство, которое надеялось на его исполнительность, как всегда.

Час представления настал. Прозвучал гулкий звонок за кулисами. Опера кончилась, начиналось цирковое отделение.

Мистер Билль и господин Шольц ужасно волновались. Они чувствовали необходимость выйти к публике и возвестить об отмене пьесы «Христианка и львы».

Господин Шольц решил взять эту неприятную обязанность на себя. Он надел фрак и белый галстук (что он делал только по самым торжественным дням) и готовился уже выйти за занавес, отделявший кулисы от сцены-арены, как неожиданно к нему кинулась его дочь, Герта. Плача и смеясь в одно и то же время, в каком-то странном, радостном, так мало свойственном ей возбуждении, девочка лепетала, задыхаясь:

— Они идут, папа! Они вернулись, они здесь!.. Смотри, смотри! Вот они! — И она протягивала вперед дрожащие руки.

Действительно, по коридору быстро шли, вернее, бежали Сибирочка и Элла. Андрюша еще издали увидел свою названую сестру и опрометью кинулся к ней.

— Где ты была? Что случилось с тобой, милая, дорогая? — градом посыпались его вопросы, в то время как он сжимал ее в своих горячих братских объятиях.

Но Эрнест Эрнестович не дал поделиться пережитыми впечатлениями детям. Внезапная радость охватила старика. Девочка вернулась! Отменять пьесу не надо, и касса останется полной в этот вечер! Он чуть не прыгал, как мальчик, сжимая костлявые руки мистера Билля, но мистер Билль уже принял свой прежний невозмутимый вид и скомандовал своим спокойным голосом, точно ничего не случилось за эти сутки:

— Публикум ждет, публикум все равно до того, пропадал или не пропадал мисс Сибирушка, а поэтому разберем все после, а теперь марш одеваться, чтобы через десять минут начинать пьесу. Алло!

Глава XXII

«Христианка и львы»

— Я готова! Мистер Билль, я готова!

— Очень хорошо!

Прозвучал новый звонок. Занавес тихо раздвинулся, из-за кулис на арену выехала колесница, вся убранная цветами, такая, какие были в Риме тысячи лет тому назад. На колеснице стояла Сибирочка в белой римской тунике и в синем плаще, накинутом на голову. Из-под плаща, вдоль спины и плеч, струились ее белокурые волосы, обрамляя пушистыми локонами прелестное, но бледное, как мрамор, личико девочки. Пережитые за последние сутки волнения и страхи, проведенный среди чужих, незнакомых ей людей день в полиции, где ее неоднократно допрашивали по делу арестованных Зуба, а за ним и Анны Степановны, — все это не могло не повлиять на бедную девочку. Теперь же к пережитым за день волнениям примешивалась еще новая тревога: Сибирочка сильно волновалась за предстоящее ей исполнение новой роли, которая могла бы не удалиться благодаря тому, что страшная усталость сковывала все тело девочки.

Однако она принудила себя улыбнуться, когда колесница, объехав всю цирковую арену, очутилась прямо перед ложей князей Горловых, где сидели сам князь и княжна Аля, еще издали посылавшая Сибирочке ободряющие улыбки. Очевидно, они не подозревали, что случилось за эти сутки с их любимицей, так как растерявшемуся господину Шольцу и в голову не пришло оповестить Гордовых об исчезновении девочки и ее черной подруги.

Сибирочка медленно и величаво сошла с колесницы. Двое Ивановых, одетых как древневековые рабы, подвели ее к клетке, где метались, по своему обыкновению, Цезарь и Юнона в ожидании представления. Как раз против клетки, на золотом троне, под балдахином, окруженный свитой в белых римских одеждах, сидел император Нерон, то есть Никс, с заранее приготовленным лавровым венком в руке. Сибирочка в этот вечер успела сообщить ему, что его мать находится в полиции, где ее допрашивали по делу Зуба, и мальчик, который все же по-своему любил мать, хотя и был подчас резок с нею, очень боялся за ее участь.

Как он был далек теперь от желания мстить Сибирочке или Андрюше! В забывчивости он хватался за голову каждую минуту и потирал лоб.

— Что с тобою. Вихров? Ты сегодня точно мокрая курица, — шепотом спросил его Денис Иванов, игравший одного из его приближенных римлян.

Но Никс не успел ответить. Надо было начинать. Сибирочка, игравшая Веронику, уже стояла перед ним на коленях и, ломая руки, молила не бросать ее на растерзание львам. Но Нерон — Никс по пьесе должен был быть чуждым жалости. Властным движением руки он приказал рабам втолкнуть Веронику в клетку.

Рабы схватили Веронику — Сибирочку под руки и повели. Публика, заинтересованная

совершенно незнакомым ей ходом пьесы, затаив дыхание следила за тем, что будет дальше, тем более что следить было нужно как можно внимательнее, так как юные актеры не говорили ни слова, а только поясняли жестами рук каждую фразу. Еще минута — и Сибирочка очутилась в клетке у львов.

По замыслу мистера Билля львы должны были сразу броситься на девочку и сделать вид, будто они хотят растерзать ее. Это должно было длиться до той минуты, пока Нерон — Никс не бросит лавровый венок в клетку, как бы в насмешку венчая им приговоренную к смерти Веронику. Львы должны были смириться разом, чуть только на одного из них будет надет этот венок.

Пьеса шла своим ходом. Юнона и Цезарь бесновались. Сибирочка стояла бледная и прекрасная между двумя рычащими и мечущимися около нее зверями, делавшими вид, что они хотят разорвать на части обреченную им жертву. Вдруг зеленый кружочек, стукнувшись о решетку клетки, упал к ногам Сибирочки — Вероники. Она быстро нагнулась, подняла венок и, со светлой улыбкой, вполне войдя в свою роль, надела его на шею Юноны.

По пьесе львица должна была мгновенно упасть к ногам девочки, но, к полному изумлению последней, Юнона испустила отчаянный рев и с изогнутой шеей, по которой текли две алые струйки крови, заметалась по клетке, издавая дикое рычание. Сибирочка подняла изумленные глаза, собрала все свои силы и, впиваясь в львицу глазами, вскричала:

— Сюда, Юнона! Ко мне!

Но Юнона прыгала и бесновалась, точно что-то терзало ее невыносимо и больно. Вдруг она сделала прыжок и, прежде чем кто-либо мог опомниться, лапой толкнула Сибирочку на пол и вонзила ей в тело с тем же воем-рычаньем свои страшные когти...

Глава XXIII

Ужас. — Спаситель

Отчаянный вопль боли и ужаса потряс стены театра... Алая струя крови брызнула из раны, и Сибирочка сразу лишилась чувств.

И точно эхом на крик девочки прозвучало в театре еще более отчаянное, еще более ужасное:

— Спасите ее, спасите! Убейте львицу, сорвите венок!.. В нем иглы... иглы!..

Это кричал Никс, как безумный носясь по арене, путаясь в длинной пурпуровой мантии римского императора.

Публика, ровно ничего не понимая из всего, что происходило, кричала, шумела и бестолково суежилась на своих местах. Со многими дамами и детьми сделалось дурно. Кто-то рыдал в ложе. Шум и суета росли с каждой минутой.

— Где укротитель? Где укротитель? — неистовствовала публика, не замечая того, что мистер Билль, находившийся тут же на арене, уже бежал к клетке, на ходу вынимая из кармана револьвер, который он на всякий случай носил всегда с собою.

Во все это время Юнона с глухим рычанием стояла над бесчувственной Сибирочкой. Вид и

запах крови, казалось, опьяняли ее. Ее глаза принимали все более и более разъяренное выражение. Вот она снова подняла свою страшную лапу, и...

Раньше нежели львица успела нанести новый, на этот раз уже, бесспорно, смертельный удар, из-за кулис выскочил кто-то и, далеко оставив за собою мистера Билля, метнулся к клетке.

Размахивая белыми широкими рукавами клоунского балахона, который он не успел еще снять, Андрюша в несколько секунд очутился у клетки.

Мальчик был смертельно бледен, несмотря на густой слой румян, покрывавших его щеки. Сильным движением руки он рванул тяжелую железную дверь клетки и, прежде чем кто-либо успел остановить его, очутился с глазу на глаз с расвирепевшими львами.

Глава XXIV

Спасена

Первым движением Андрюши было заслонить распростертую и окровавленную Сибирочку от зверей. Но это было не так легко сделать. Юнона и подошедший за нею Цезарь, тоже почуявший при виде крови свои инстинкты дикого зверя, стояли над несчастным ребенком, не смея, однако, еще начать страшную расправу над ним.

Не медля ни минуты, Андрюша прыгнул прямо к ним и ударил изо всей силы по голове Юнону своим детским, но сильным кулаком.

Зверь взвыл скорее от обиды, нежели от боли, и мгновенно обратился теперь на нового врага... Но смелый мальчик, не дав Юноне опомниться, бросился к Сибирочке, схватил ее на руки и ринулся с нею из клетки. Взбешенные звери метнулись было следом за детьми, но голос и бич мистера Билля привел их в повиновение. Одновременно раздался выстрел в воздух, заставивший чутко насторожиться обоих — и льва, и львицу.

Мистер Билль, воспользовавшись смятением зверей, сорвал венок с шеи Юноны.

Каково же было изумление англичанина, когда он увидел две острые иглы, запрятанные в зелени лавровых листьев этого злополучного венка и вонзившиеся в окровавленную шкуру зверя.

— Тот, кто это сделал, — большой негодяй!.. — прогремел мистер Билль на весь театр голосом, в котором слышались и гнев, и угроза.

В тот же миг кто-то рыдающий, дрожащий и бледный упал к ногам укротителя и обнял его колени.

Это был обезумевший от горя и испуга Никс.

— О, мистер Билль! О, мистер Билль! — лепетал он, рыдая. — О, я не хотел, клянусь... теперь я не хотел этого... я только прежде... то есть раньше... прежде... да... да... но не теперь... Я завидовал ей... и ему... им обоим, да... завидовал их успеху и хотел помешать ему... Я не думал... не знал, что так все случится, когда втыкал иглы в венок... Я забыл их вынуть... совсем позабыл... Вчера я перестал даже думать о мести Сибирочке... Я не могу так мучиться... не могу... не могу... прибейте меня... Но я не могу больше...

И он зарыдал еще сильнее, закрыв лицо обеими руками.

Мистер Билль, казалось, сразу понял все. Гадкий замысел, свершившийся, помимо воли свершившего его, тогда, когда рыдающий маленький преступник менее всего думал о нем, мигом стал ему понятен. Презрение и гнев отразились на лице англичанина. Он оттолкнул от себя Никса, произнес с ненавистью и дрожью в голосе:

— Уйди от меня!.. Мне стыдно, что я считал тебя своим учеником и честным человеком! — И быстрыми шагами прошел за кулисы.

Глава XXV

Крестик

— Ей худо, она умирает!

— Доктора, доктора поскорее!

— Доктор здесь. Доктор был в публице. Он пришел.

— Доктор, рана смертельна?

— Спасите ее, доктор!.. Это лучшее дитя в мире!..

— Она умерла?.. Не правда ли?.. О, неужели правда?..

Все эти возгласы, крики и вопли — все смешалось в одном отчаянном шуме. За кулисы театра набилось столько народу, чужого и своего, интересующегося одинаково горячо участю раненой, что доктору было невозможно отвечать на все вопросы. Он, впрочем, и не думал об этом. Все его мысли заняты были несчастной девочкой.

Сибирочка все еще лежала распростертая на диване в уборной мистера Билля. Над нею склонилась рыдающая Герта. Поддерживая голову Сибирочки, на коленях у дивана стоял Андрюша, не замечая, что кровь, обильно лившаяся из груди раненой девочки, пачкала его руки и шутовской клоунский наряд.

Эрнест Эрнестович, все пятеро Ивановых, Элла, Дюруа с Робертом и, наконец, сам мистер Билль стояли вокруг девочки, ожидая, что скажет доктор. Последний умелыми, ловкими руками уже приступил к перевязке и, раскрыв израненную грудь ребенка, стал рассматривать рану, стараясь во что бы то ни стало прежде всего остановить кровь.

Все замерли в ожидании его приговора. Все молчали... Сибирочка по-прежнему лежала без чувств.

Неожиданно распахнулась дверь, и взволнованная, трепещущая княжна Аля Гордова, об руку с отцом, вошла в уборную.

— Она здесь, папа!.. О, бедная моя Сибирочка! Папа! Папа! Узнай, пожалуйста, будет ли она жива!.. — обливаясь слезами, лепетала Аля, таща за руку отца в уборную, где лежала ее подруга.

Князь Гордов быстрыми шагами подошел к больной. Его аристократическая фигура, изящный костюм и взволнованное лицо — все это заставило присутствующих посторониться и дать ему дорогу.

Он низко наклонился над бесчувственной девочкой, желая узнать, дышит ли еще она, и вдруг отшатнулся от нее, бледный как смерть, с громким криком не то ужаса, не то изумления... Прямо в глаза ему блеснул странный, знакомый ему предмет — крестик, на который едва ли обратили внимание присутствующие здесь люди. Дрожащими руками князь схватил крестик, повернул его обратной стороной и, наклонившись еще ниже, к самой груди девочки, к немалому удивлению окружающих, прочел надпись, сделанную на кресте: «Спаси, Господи, рабу твою Александру!»

И с криком схватился за голову... Это был хорошо ему знакомый золотой крестик на золотой цепочке.

Глава XXVI

Что было дальше

Прошла минута. Бледный как смерть князь стоял над распростертой девочкой, не будучи в состоянии произнести ни одного слова. Глаза всех были с крайним изумлением обращены на него.

— Что с тобой, папа? Что с тобой? — испуганно спрашивала отца княжна Аля, теребя его за руку.

При звуке ее голоса князь точно проснулся.

— Где директор цирка? — спросил он глухо, и лицо его странно осунулось и потемнело.

— Я здесь! — тотчас же послышался взволнованный ответ господина Шольца, и сам он отделился из толпы.

— Я сейчас увожу девочку к себе, — срывающимся от волнения голосом, но не допускающим возражения тоном обратился к нему князь. — Будет ли она жива или умрет, но я хочу, чтобы она была в моем доме. Это дитя бесконечно дорого мне! Позаботьтесь о том, чтобы больную и доктора поместили в мою карету!

— И меня! О, и меня тоже! Я не могу оставить мою Шуру! — вырвалось из груди Андрюши, и его черные глаза с мольбою остановились на лице князя.

— Хорошо, мальчик, ты поедешь с нами. Ты заслужил это! Ты не щадил жизни для нее! — произнес князь, и его смертельно бледное лицо снова обратилось к Сибирочке.

— Девочка приходит в себя. Ее рана, кажется, не опасна для жизни! — послышался голос доктора, в эту минуту только что закончившего перевязку. И, как бы в подтверждение его слов, Сибирочка открыла свои прекрасные синие, теперь измученные и страдальческие глаза.

В ту ночь никто не ложился в доме князя. Сам князь Гордов, доктор, m-lle Софи и Андрюша сидели в спальне хозяина дома, где спала раненая Сибирочка.

Эрнест Эрнестович Шольц и мистер Билль, черная Элла и Герта, тоже приехавшие сюда прямо из театра, находились в гостиной, нетерпеливо ожидая новых вестей...

Княжна Аля переходила от них к больной и от больной обратно к ним, сообщая вполголоса о малейшей перемене в состоянии общей любимицы.

Сибирочка спала. Этот сон был, по словам доктора, для девочки необходимее и важнее всякого лекарства.

Рана действительно оказалась не только не смертельной, но и не опасной вовсе. Когти Юноны, сильно порвав кожу и мясо на теле, не затронули ни одной кости, ни одного сосуда. Больной надо было, однако, иметь полный покой и отоспаться хорошенько, и с этой целью доктор предписал не будить Сибирочку, сколько бы она ни спала.

Только перед утром все чужие уехали из дома князя, кроме Андрюши, трогательно умолявшего не гнать его от постели больной.

— Не только гнать тебя, но буду просить тебя остаться постоянно с нею. Я сегодня же напишу об этом директору цирка и сделаю все, чтобы он отпустил тебя совсем ко мне, — произнес князь с неизъяснимой лаской, кладя руку на голову мальчика. — Ты спас ей жизнь и этим избавил меня от большого, большого горя, мой мальчик! — с внутренним содроганием прибавил он тихо, и в его глазах Андрюша увидел слезы.

Уже начало брезжить ясное весеннее утро, уже солнышко ворвалось в комнату князя, а Сибирочка все еще спала...

Ровно в семь часов утра лакей доложил князю, что его хочет видеть какой-то мальчик по очень важному делу.

Князь на цыпочках, осторожно вышел из комнаты и прошел в гостиную.

Там, нервно теребя в руках фуражку, стоял Никс. Он в одну ночь изменился почти до неузнаваемости. Страх за Сибирочку, жизнь которой могла угаснуть из-за него, сделал то, что мальчик осунулся и похудел в одну ночь, как после тяжелой и трудной болезни.

— Ваше сиятельство... князь... — прошептал он глухо, увидя перед собой хозяина дома. — Что она... жива ли?

И глаза его с лихорадочным нетерпением впелись в князя.

— Жива и будет, даст Бог, скоро здорова! — поспешил ответить последний.

— Слава Богу! — И мальчик широко перекрестился несколько раз. — А теперь, — произнес он дрогнувшим голосом, — я должен рассказать вам всю правду, что я сделал с нею. Я должен снять это бремя с души. Князь, эта девочка чуть не погибла из-за меня. Когда она приехала сюда из Сибири, мы с моею матерью так испугались, что решили отправить ее куда-нибудь подальше... Мистер Билль должен был уехать отсюда осенью, и я рекомендовал ему на службу девочку... С первого же ее выхода в цирке успех ее у публики стал громадным. Посетители цирка, восторгаясь Сибирочкой, совсем разлюбили меня... Разумеется, я стал ей завидовать, стал ее ненавидеть... А тут еще прибавилась у меня новая ненависть к ее названому брату, которого я считал своим врагом. Чтобы отомстить ей и ему, я придумал скверную штуку... Я решил осрамить Сибирочку перед публикой, решил испортить ее игру во время первого представления новой пьесы. Для этого я достал две острые иглы и воткнул их в венки Юноны,

зная, что от малейшего ощущения боли львица освирепеет и станет непокорной. Но вчера, нет... третьего дня, то есть когда моя мать увезла куда-то Сибирочку и затем была взята полицейскими, я был так взволнован и так далек от мести! Вся моя вина была в том, что я совсем забыл вынуть из венка иглы. И вот львица растерзала бы Сибирочку, если бы не подоспел Андрияша!.. — заключил он рыданием свою речь и закрыл лицо руками.

Князь дал мальчику выплакаться, потом положил ему руку на голову и заставил его открыть залитое слезами лицо.

— Слушай, мальчик, твоя вина велика, но ты можешь искупить ее одним чистосердечным признанием, — произнес князь серьезным, строгим голосом, — ты должен честно и прямо ответить мне на один вопрос: почему твоя мать и ты так испугались появления Сибирочки в Петербурге и почему вы хотели во что бы то ни стало отделаться от нее?

Его глаза впились в самую глубину глаз Никса острым, пронизывающим взглядом.

Смертельная бледность покрыла лицо последнего. И с новым неистовым плачем Никс упал к ногам князя.

— Я все расскажу! Все-все, только спасите мою мать! Не позволяйте сажать ее в тюрьму. Она не виновата... Я знаю, она сделала все ради нас, детей... Мы очень нуждались тогда... очень нуждались, князь! О, простите и спасите ее! — прорыдал он, целуя руки Гордова.

И тут же, у ног князя, глядя в его страдальческое лицо, ставшее теперь мертвенно-бледным, Никс рассказал подробно, как его мать, оставшись нищей, из любви к своим несчастным детям решила передать князю свою дочь, выдавая ее за маленькую княжну.

Мальчик кончил свою исповедь и с опущенной головой ждал приговора. Его собеседник молчал. По его лицу текли слезы. Князь угадал заранее все то, о чем говорил ему теперь мальчик, угадал еще там, в цирке, но хотел теперь иметь подтверждение своей догадки.

Никс давно кончил свою исповедь, а князь все молчал и молчал, и только крупные слезы текли по его печальному лицу. Наконец он сделал невероятное усилие над собою и дрожащим голосом произнес:

— Успокойся!.. Я сделаю все, чтобы избавить твою мать от заслуженных ею неприятностей, и сегодня же буду просить кого следует избавить ее от наказания, от тюрьмы.

И, махнув рукой, не слушая горячих излияний благодарности со стороны Никса, князь поспешно вышел из гостиной.

Глава XXVII

Две Али — две княжны

Прошло несколько дней. Было ясное весеннее утро. В той же большой и просторной детской зале, где несколько недель тому назад маленькая княжна, хозяйка этой залы, угощала свою подругу, Аля, Андрияша и Сибирочка, совсем уже оправившаяся от пережитых потрясений, играли в мяч. Дети так увлеклись своим занятием, что не заметили, как вошел князь и остановился, любуясь прелестной картиной. Чернокудрый красавец мальчик и две беленькие и

воздушные, как сальфиды, девочки кружились и прыгали, догоняя мяч.

Сибирочка была сегодня особенно оживлена. Ее прелестное личико разгорелось, щечки покрылись румянцем, синие глаза блестели, как звезды.

Князь с неизъяснимой нежностью и тихой грустью смотрел на нее, удивляясь, как он мог не признать столько времени своего родного ребенка, между тем как теперь он узнал бы его из тысячи других, ему подобных. Князь забыл одно: он оставил свою девочку в лесу, когда ей было только девять месяцев от роду, а в этом нежном возрасте все маленькие дети почти всегда бывают похожи друг на друга.

Взволнованный и потрясенный, он думал в эту минуту: «Дитя окрепло настолько, что может узнать истину! Сегодня я могу сказать ей все...»

И тут же он ласковым голосом позвал девочку:

— Сибирочка, подойди ко мне...

Девочка бросила игру и подбежала к князю. Она уже успела привыкнуть к нему и полюбить в короткое время этого доброго, ласкового человека. За ней подбежала и княжна Аля, подошел и Андрюша.

— Довольно, дети, играть сегодня. Я пришел к вам, чтобы рассказать одну небольшую бьль, которая захватила меня сегодня всего. Надеюсь, вы охотно выслушаете ее, — далеко не спокойным голосом произнес князь.

— Рассказывай, рассказывай, папа! Я так люблю тебя слушать! — прыгая, кричала княжна Аля. — Как это интересно, должно быть! Ты говоришь, это бьль? Значит, то, что ты собираешься рассказать, правда? — суетилась она, усаживая в кресло отца.

— Да, это случилось со мною, когда я был молод, — произнес князь и сел.

Княжна поместилась на скамеечке у его ног. Андрюша и Сибирочка присели несколько поодаль на стульях.

— Это было давно, девять лет тому назад, — начал князь, и голос его дрогнул при этом. — Однажды по большому сибирскому лесу ехали сани, запряженные парой лошадей. Была ночь и стужа, бушевала метель. Путников было трое в возке: отец, малютка дочь и ее кормилица-няня. Мать девочки умерла лишь два месяца тому назад, и ее овдовевший муж ехал со своей девятилетней дочуркой в имение друга, находившееся в глуши Сибири, чтобы развеять хоть немного свою тоску после смерти любимой жены.

Вдруг неожиданно-негаданно на путников напали волки. Спасенья не было, и молодой отец, боясь за участь своего дитяти, велел ямщику остановиться, вышел из саней, снял с себя шубу и, закутав в нее ребенка, привязал его к дереву ремнем, чтобы волки не могли добраться до малютки. Он едва успел сделать это, как звери бросились на несчастных путников и загрызли их почти всех насмерть. Только отец девочки спасся каким-то чудом. Охотники из ближайшего поселка услышали крики и стоны в лесу и поспешили на помощь как раз вовремя. Несчастный путник еще дышал. Они подобрали его и унесли к себе в поселок.

Ребенка же не нашли. Вскоре охотники дали знать другу путника о месте нахождения несчастного. Друг приехал и увез больного за границу. Здесь его болезнь приняла тяжелый оборот. Четыре года больной пробыл в чужой земле и только посылал оттуда письмо за письмом в русские газеты, в Россию. Это были публикации с просьбами вернуть ему пропавшего ребенка или сообщить что-либо об участи последнего. Но никто не мог сделать этого. Дитя не находилось... Девочка не пропала, однако. Как потом выяснилось, на другое утро после нападения волков ее нашел в сибирском лесу старый птицелов. Он взял малютку к себе и воспитал ее как умел. Этого птицелова люди звали дедушкой Михайлычем...

Тут дрожащий и без того голос князя задрожал сильнее и разом оборвался. Во все время своего рассказа он не сводил глаз с Сибирочки, следя за ней. Сначала девочка вспыхнула до корней своих белокурых волос, когда князь упомянул о привязанном в дремучей тайге на дереве ребенке. Потом прозрачная бледность покрыла все ее нежное, прекрасное личико. Синие глаза ее расширились и, горя ярко-ярко, впелись теперь в лицо князя. Ее сердечко забилось так сильно, что она должна была прижать к нему руку, как бы сдерживая его удары...

Взор князя встретился с взором ребенка.

Точно молния сверкнула перед обоими в этот миг. Точно солнце засияло и озарило все то, что находилось до сих пор в тумане. Неопишное волнение охватило обоих. Князь как будто преобразился. Грусть исчезла с его лица... Безумная отцовская любовь и бесконечная нежность изменили это преображенное, благородное, не по годам состарившееся лицо...

Едва владея собою, он привстал немного с кресла, трепещущий, взволнованный, бледный, и протянул вперед руки... Поднялась машинально со своего стула и Сибирочка. Она вся трепетала, вся дрожала от непонятного ей волнения. Князь шагнул к ней навстречу.

— Это дитя... это... ты... ты была... моя крошка... моя дочь... моя Сибирочка! — прошептал он чуть слышно, и слезы хлынули из его глаз.

— Папа! — прозвенел милый и нежный голосок, вырвавшись из самой глубины детского сердечка, и дрожащая Сибирочка упала на грудь отца.

Прошла минута... может быть, две... может быть, три минуты... может быть, целый час прошел. Но этот час показался одной минутой отцу, ласкавшему свою найденную любимую дочурку...

Тихое, чуть слышное всхлипывание послышалось подле счастливых отца и дочери. Вскоре оно усилилось и перешло в громкое рыдание. Это плакала мнимая княжна Аля горькими, неутешными слезами.

— О, Боже мой, Боже мой, — всхлипывая и задыхаясь в своем волнении, лепетала девочка, — теперь не я, а Сибирочка будет настоящей княжной, а меня отдадут на ее место в цирк или туда, откуда ее взяли. Я не хочу! Я не хочу этого... не хочу! Ах, я несчастная, несчастная!.. — И она еще горше залилась слезами.

Белокурая головка Сибирочки с трудом оторвалась при этих словах от родимой груди. Она соскользнула с коленей отца, быстро приблизилась к рыдающей девочке и обняла ее.

— Аля, милая, не плачь, — прошептала она, — ты останешься со мною у папы... Я попрошу его оставить тебя с нами... Ведь ты же не виновата ни в чем. Да-да, папа добрый и оставит тебя. Мы будем жить все вместе... ты, я и Андрюша. Ведь правда, папа? Правда?

— Правда, дитя мое, правда, милая моя крошка! — поспешил ответить князь. — Все будет по твоему желанию. Я исполню все, что ты хочешь. Ты столько горя перенесла, моя малютка, что будущая твоя жизнь должна быть полна радостей и света... Я был сегодня у госпожи Вихровой. Благодаря моим хлопотам ее освободили. Она покаялась во всем... Я обещал ей заботиться о ее дочери так же, как и о тебе, моя Сибирочка, так же, как и об Андрюше, которого воспитаю, не жалея ничего. Ты рада, не правда ли, моя крошка? — спросил князь, нежно целуя дочь.

Андрюша, весь сияющий и красный, жал его руку. Аля обнимала его. Сибирочка прильнула к его груди.

— А теперь ты расскажешь мне все, что пережила моя дочурка; я хочу знать все, — обратился к Андрюше князь, и мальчик поспешил исполнить его желание.

* * *

Глубоко взволнованный и потрясенный, выслушал отец полную печальных событий повесть о приключениях своей маленькой дочери. Его сердце то сжималось, то учащенно билось. Он не сдерживал слез, обильно струившихся по его лицу.

Когда мальчик рассказал о том, как черная Элла вырвала Сибирочку из рук Зуба (Андрюше уже успела его маленькая подруга сообщить об этом), неожиданно на пороге комнаты появился лакей и почтительно заявил о приходе новой посетительницы из цирка. И не успел князь спросить, что это за посетительница, как в дверь залы просунулась чернокожая сильная Элла с букетом дешевых весенних цветов в руках.

— Будь здоров! Будь здоров! — залепетала, сверкая глазами, белками и зубами, негритянка новую, выученную ею, очевидно недавно, фразу и, подойдя к Сибирочке, сунула ей в руки цветы.

— Вот, папа, моя вторая спасительница! — вскричала девочка, схватив за руку Эллу и подводя ее к отцу.

Тот ласковым взглядом окинул негритянку и крепко пожал ее черные, как сажа, пальцы.

— Объясни ей, Сибирочка, всю мою признательность, — произнес князь с волнением в голосе. — Скажи, что в благодарность за то, что она сделала для тебя, я дам ей все, что она

захочет... Скажи ей, что ты теперь можешь подарить ей все-все, чего только ни пожелает она. Ведь ты теперь моя наследница, богатая княжна...

Едва успел закончить свою фразу князь, Сибирочка и Андрюша вдвоем стали объяснять жестами негритянке всю суть дела.

Та только мычала что-то в ответ и часто-часто кивала своею курчавою головою.

Наконец она, очевидно, поняла все, потому что усиленно зажестичулировала руками, стараясь, в свою очередь, пояснить что-то, то трогая волосы Сибирочки, то глядя их своими черными пальцами, то покрывая горячими поцелуями ее руки, плечи и кольца белокурых кудрей.

— Что она хочет сказать? — спросил князь у дочери, глазами указывая на негритянку.

— О, папа, — вскричала потрясенная Сибирочка, — о, папа, она отказывается от денег, от подарка и просит только дать ей на память... один локон моих волос...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эту ночь Сибирочка провела уже в доме своего отца — князя.

Поздно вечером, когда обе белокурые княжны, обе Али, уже заснули в своих постельках, дверь в детскую неслышно отворилась, и в комнату вошел князь.

Он подошел сначала к мнимой княжне, перекрестил и поцеловал ее по привычке, потом приблизился к кроватке своей родной, настоящей дочери.

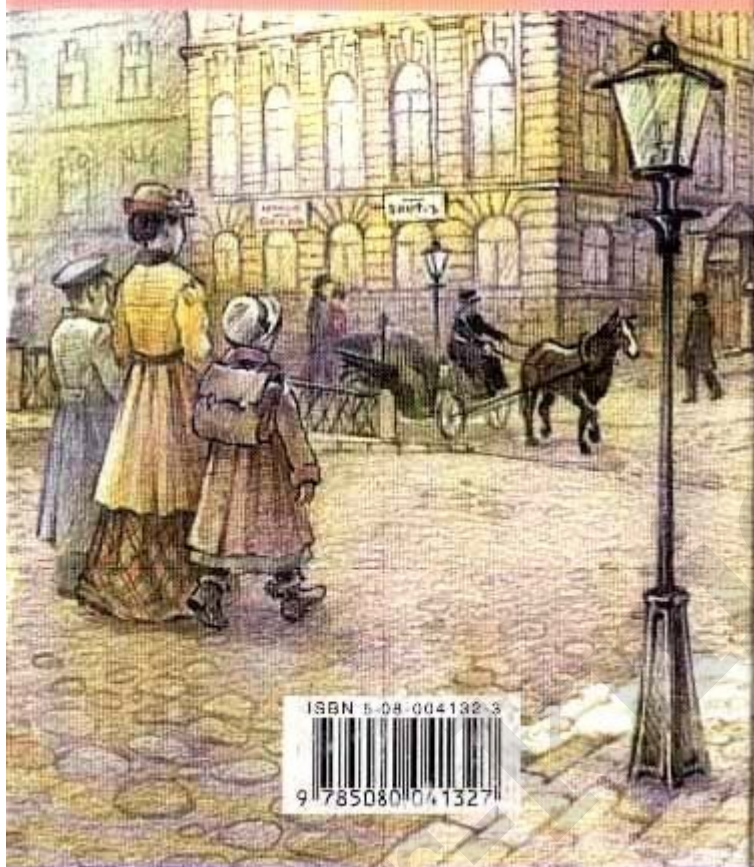
Сибирочка крепко спала. Ее роскошные локоны разметались по подушке, прелестное личико оживилось румянцем сна.

Она спала крепко, сладко... Ей снились, должно быть, лучезарные сны... Она улыбалась радостно сквозь грезы...

Князь неслышно простер над ней благословляющую руку, нежно поцеловал влажный лобик ребенка, потом тут же, у ее постели, опустился на колени и долго горячо молился о ниспослании счастья своей девочке...

Издательство
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ISBN 5-08-004132-3

9 785080 041327